

Тоследний
Настоящий
Вампир

Кейт Бакстер

Когда Майкл увидел женщину в двадцати шагах от себя, он без сомнения знал, что именно ее кровь позвала его, и ее аромат пробудил его. Эта женщина привязала его душу и возвратила ее ему. Душа Оставшегося в Живых Он последний из своей расы. Единственный настоящий король вампиров. Майкл Аристов бродит в ночных клубах Лос-Анджелеса после наступления темноты, ему не дает покоя прошлое, им движет голод. Последний из древних, он один пережил уничтожение своей расы от рук убийц. Теперь он вынужден охотиться и кормиться как обычный вампир, существо вожделения. Ничто в этом мире не может утолить его потребности... пока он не встречает женщину, которая является всем, что он когда-либо хотел. И даже больше. Сладкое Спасение Ее зовут Клэр Томпсон. Ее кровь такая сладкая, такая пьянящая... один запах влечет Майкла к ней, как мотылька на огонь. Хитрая, сексуальная и соблазнительная, Клэр, кажется, единственная из смертных, кто может удовлетворить его тягу и устроить его судьбу... навсегда. Ей можно доверять? От их самого первого поцелуя, последний настоящий вампир уносит Клэр в мир, в котором властвует тьма желаний... и где влюбленность — самая большая опасность из всех...

Кейт Бакстер

Последний Настоящий Вампир

Глава 1

Вампир не знал никого на земле, кого бы он презирал также горячо, как Сортиари. Михаил спрашивал себя, смягчит ли его пытка грех самопровозглашенных хозяев Судьбы? Возможно, это оправданное убийство они поручили своим болонкам? Потому что Михаил волновался только о том, что убийца приведет в ярость и так уже взбешенного зверя. Осторожный в своей технике, лже-священник позаботился о показательном очищении плоти Михаила. Факел горел ярко в темном подземелье, огонь отбрасывал нечеловеческие тени, будто раскрывая истинное лицо убийцы. Он касался пламенем кожи Михаила снова и снова, будто освобождая вампира греха, готовясь нанести смертельный удар.

Клыки Михаила вышли из десен, и дикий рык разгорелся в груди. Боль питала его ярость и придавала ему сил, и он боролся, чтобы освободиться от оков, которые сдерживали его. Серебряные цепи были сплетены, как было сказано, с прядями волос с головы Архангела. Эта ложь, возможно, сработала бы для простых людей, которые жили в деревнях, но Михаил знал, что Сортиари были не более чем мясниками, прикрывающимися монастырем Святого Престола и церковными мифами. На шее убийцы красовался замысловатый золотой крест, дополняющий его черно-красные одежды, придавая ему вид Божьего человека. Но это существо не было священником, как и никто в Сортиари не был святым. Нет, члены этого тайного общества были не более чем фанатиками, с необходимыми ресурсами для достижения своих целей благодаря богатству церкви.

Ослабев от двух недель пыток и изголодавшись по крови, Михаил покачнулся, серебряные цепи были единственным, что удерживало его в вертикальном положении. Некогда гордый воин, он был низведен до кровавой массы из плоти и натянутых нервов. Как бы он хотел вонзить клыки в горло и порадоваться теплой крови его убийцы, стекающей на язык. Он жаждал мести, мечтал о возможности вершить правосудие над ублюдками, которые почти полностью стерли с лица земли всю его расу. Майк задержался в своих путах, натянутое, тяжелое серебро, давило на него и крало его силу. Бесконечная чернота поглотила белки глаз убийцы, ни капли цвета не осталось, и он рассмеялся. Звук коснулся ушей Михаила, будто скрип металла о металл.

Убийца остановился, сжимая в кулаке серебряный кинжал, обогранный кровью Михаила.

— По воле судьбы, мы должны избавить мир от тебе подобных. — Эти слова были сказаны практически шепотом, но они резонировали с силой сердитого крика. — Сортиари убили ваших женщин, распоролы утробы их убогих тел и сожгли мерзости, растущие в них, в священном пламени. Ваши воины пали, разорванные на куски, их черные сердца были пронзены копьями, а останки захоронены в освященной земле.

Его горячее дыхание и запах прогорклой плоти донеслись до Михаила, когда убийца приблизился к его лицу. Монстр стоял в этой холодной, сырой темнице, но это был не вампир. Когда существо в облике человека провело ножом поперек туловища Михаила, срезав большой кусок его плоти, он увидел, что за зверь был под кожей палача. Берсерк. Он почти мог посмеяться над глупостью церкви за союз с самим Сортиари. Используя существ, они стремились победить. Когда боль затуманила его разум и украла мысли, Михаил не стал кричать. Он не хотел показывать свою слабость.

— Я убил твоего сира своими руками, ты — бездушный негодяй, — сказал убийца с

гордостью. — И твою иллюху. И как последний из своего рода, ты не больше, чем наследник смерти. Вся твоя раса закончится с тобой. — Он куда-то убрал кинжал и вытащил из плаща длинный деревянный шип, с наконечником из серебра. — Будущее ждет, чтобы выполнить приказы Сортиари. Мы — Судьба. — Взяв шип обеими руками, убийца занес оружие высоко над головой, поднял к небу как бы в молитве. — Пусть Бог помилует твою злую душу, — прорычал он, когда он вонзил шип в грудь вампира.

* * *

Майкл Аристов проснулся с заходом солнца, хватаясь за грудь. Его пальцы нашли знакомый звездообразный шрам, выжженный там, где деревянный шип переплелся с магией Сортиари. Еще на дюйм влево, и он бы присоединился к своей расе в любом загробном мире, который ожидал бессмертных. Будет ли когда-либо в его существовании день, когда ему не нужно будет переживать эту несчастную ночь попыток в своих снах? Он рухнул обратно на подушку, пытаясь стереть призрачную боль из груди. Сегодня была не первая ночь, когда он пожелал, чтобы убийца сработал получше. Смерть была бы желанной передышкой от боли, изоляции и обещанной вечности бездуховного существования.

Он свесил ноги с края кровати и запрокинул голову. Сколько ночей прошло с того момента, когда он был сыт? Двадцать? Тридцать? Слишком много, в любом случае. Его тело ныло от голода, горло драло, а живот пульсировал от пустоты, кислотный ожог почти поставил его на колени. С усилием, Майкл взял сотовый с тумбочки. Он просмотрел свои контакты и нажал «Набрать».

— Какие планы на сегодня? — ответил человек на другом конце.

— Я выхожу. Поддай машину. — Собственный голос Майкла звучал как гравий, крутящийся в бетономешалке, а разговор мало что сделал, чтобы успокоить пожар в горле.

— Десять минут?

У Майкла кружилась голова. Мысли путались. Если он не поест, инстинкт настигнет его, и он будет не в состоянии контролировать свою жажду кормиться.

— Даю тебе пять.

— Тогда пять минут, — пришел ответ, прежде чем звонок завершился.

Уперевшись руками по бокам от себя, Майкл спрыгнул с кровати. Он закачался на ногах, на мгновение закружилась голова. Коллективный голод всей расы исчерпал его силы, и он подумал, если бы позволил им всем погибнуть, он бы тоже, наконец, увидел свой конец? Убийце не удалось сделать дело четыре века назад; несомненно, он был обречен на пытку пустого вечного существования.

Майкл сделал несколько шагов, спотыкаясь, он дошел до панели управления на стене. Он нажал кнопку, и жалюзи открыли окна от пола до потолка, обнажая серые сумерки, затянувшие небо, будто траурной дымкой. Майкл осмотрел сад за окном, и напряжение, сжавшее его мышцы, понемногу ослабло. Он не выносил солнце. Солнце было жарким, ярким и карающим. Он не хотел чувствовать тепло на коже, или видеть его в океане днем, яркий и голубой, как в вампирском кино. Майкл тайно тосковал по времени, когда он встречал проклятый желтый шар в великолепии утреннего света. Его возмущал собственный страх, когда приходилось запирается в гробнице, чтобы заблокировать эти смертоносные лучи.

Даже в своем просторном доме, вдали от перегруженности города, он чувствовал, что задыхается, когда опускались жалюзи. И за это ему нужно было благодарить сволочей из Сортиари.

Верный своему слову, Алекс подъехал к парадной двери несколько минут спустя. Человек стоил каждого цента своей большой зарплаты: быстрый, сдержанный и эффективный. Он никогда не задавал вопросов и делал все, что от него требовалось. И в городе, где за сплетни платили очень и очень хорошо, он действительно был ценным товаром.

— Куда? — спросил Алекс, когда он открыл дверь гладкого черного лимузина.

Было бы хорошо в пустоши в Сибири.

- Отвези меня в город. Район клубов.

Алекс склонил голову.

— Куда именно?

Майкл должен был найти вены добровольного дампира, эта кровь, несомненно, поддержала бы его дольше, но ему сейчас не хватало терпения и энергии, чтобы справиться с родней. Дружба с компанией дампиров вытаскала слишком много болезненных воспоминаний для его желудка.

— Туда, где прямо сейчас жарко. Мне плевать на специфику.

— Это я могу. — Алекс закрыл дверь и занял водительское сидение. — Вы понимаете, в клубе не будет жарко еще несколько часов. Злые языки будут трепать, что вы слишком поздно или слишком рано.

Верно, но на данный момент это едва ли имело значение.

— Как ты сказал, они будут говорить в любом случае. Давай покончим с этим.

— Вы босс, — ответил Алекс, когда он включил передачу и начал долгий путь по Малхолланд в сторону города.

Майкл откинул голову назад на подголовник, расслабился в эластичном кожаном салоне и закрыл глаза. Его контроль таял, когда поднималась жажда, его рассудок был на грани. Воспоминания о Древних атаковали его разум, остатки жизней, погашенных убийцами Сортиари. Когда он был сыт, то был достаточно силен, чтобы держать воспоминания на расстоянии, но сейчас в его разуме ревели бесчисленные голоса, мысли и события из жизни давным-давно минувших дней.

— Еще немного, — заметил Алекс с водительского сидения. — Просто держитесь.

Понимание на миг шипом прошло в его сознании, и отчаянный рык вырвался из горла Майкла. Запах крови водителя проник в его ноздри, искушая его выйти за рамки разумного. Его клыки скользнули вниз из десен, и он взял каждую унцию силы воли, чтобы удержаться от нападения на человека, который несся через город, стремясь его правильно накормить. Майкл пронзил свой язык одним острым кончиком. Это было так давно, когда он в последний раз кормился, во всем его теле не осталось даже капли крови. Его сердце молчало в груди, как и легкие. Грудная клетка не двигалась от дыхания. Ему нечем было держать безумие под контролем.

Майкл Аристов был последним из Древних, неуправляемый и бездушный, одинокий оставшийся носитель коллективной памяти, и единственный опекун осиротевшей расы.

И если он в ближайшее время не поест, то он принесет смерть им всем.

Клэр Томпсон выложила пачку банкнот на стол, разглаживая мятые края и проводя их в порядок, раскладывая от наибольшей к наименьшей. Она пообещала себе, что это будет ее последний обман, только в этот раз, пока она не будет получать больше часов в закуской. Без трехсот долларов, которые она выиграла у этих парней в бильярд, она бы не смогла выплатить аренду. И не было никакого пути в тот ад, чтобы она снова жила в машине.

По правде говоря, не было ничего проще, чем шальные деньги. Работать в закуской было тяжело. У нее каждый день болели ноги, она всегда уставала, и половина ее клиентов были грязными похотливыми ублюдками или жмотами. Она хорошо катала шары, и на это требовалось гораздо меньше усилий, чем балансировать с пятью тарелками яичниц и картофельных оладий в одной руке и одновременно стараться не расплескать кофе, держа его в другой. Но она поклялась самой себе, что она больше не будет этого делать. Ну, с завтрашнего дня. Сегодня хотела наскрести на аренду и получить наличные, которые ей нужны для, как минимум, недельного запаса продуктов. Лос-Анджелес представлял собой джунгли. Выживает сильнейший, убей или будешь убит, вот какой здесь был дерьмовый закон, и она не собиралась быть выбракованной из стада, потому что не могла сама о себе позаботиться.

Клэр осмотрела улицу, наблюдая за цирком, который начался выстраиваться перед «Diablo», новейшим горячим ночным клубом. Неоновая вывеска светилась кроваво-красными в наступающей темноте, и вереница девушек жаждала пройти внутрь, чтобы показаться во всей своей красе. Что, ради Бога, двигало женщиной, чтобы раздеться как сексуальная игрушка? Высокие меховые сапоги, короткие юбки-пояс, топы и бикини, не достаточно жесткие наряды для участников вечеринки. Не-а. Они довершали все это остроухими мохнатыми шапками и маленькими пушистыми хвостиками, торчащими из зада их слишком коротких юбок.

Ха.

Однако... за барабанами и басами на сцене партии следовали легкие наркотики, чтобы сделать толпу легкой добычей для опытного карманника, как Клэр. И это была не обычная толпа, которая всегда тусуется в долине. Клиенты, которые часто бывали в Диабло, сегодня состояли из элиты: испорченные, гнилые папины дочери и честолюбивые золотые мальчики. Никто из них не хотел потерять алмазный браслет или золотые часы. Хотя, наверное, у них были полные шкафы этого барахла. Один успех поддержит ее пару месяцев. Это была та возможность, которую она не могла упустить. Кроме того, после сегодняшнего вечера она двинется вперед.

Она посмотрела на свои потрепанные узкие джинсы, простую черную футболку, и дешевые-предешевые туфли. Не совсем красotka того класса, которая могла пройти за бархатное ограждение, особенно учитывая всех этих пушистиков и сосок-пустышек — наверное, пронизанных Молли — раздетых так, чтобы соблазнить Фрейда из могилы. Фу.

Были и другие способы, чтобы попасть в ночной клуб. Она не должна выглядеть, как плюшевый мишка и проститутка в одном лице, чтобы пройти мимо охраны. Вот для чего были черные ходы позади зданий. У Клэр было всего сто баксов в кармане, и она направилась к залу и входу через дорогу. Она прошла мимо очереди завсегдатаев на входе и направилась к концу здания, будто это было ее место. Это был трюк, чтобы пролезть тайком:

чтобы было не похоже, чтобы ты пробираешься тайком. Двадцатилетний парень в красной футболке с надписью Diablo, написанной черными буквами, стоял у черного входа и курил сигарету. Он взглянул на Клэр с подозрением, окидывая ее взглядом с ног до головы. Она улыбнулась, будто знала парня сотню лет и сжала два полтинника в правой ладони. Нерешительность замедлила ее, и ее шаг дрогнул, когда она направлялась к двери. Если она не проберется внутрь, то потеряет сто баксов, и ей придется выйти завтра вечером, чтобы получить дополнительные наличные. Что точно сотрет в ничто ее клятву, которую она дала себе прошлой ночью.

— Эй, — сказала она парню у двери. — Как дела?

— Очередь на вход за углом, — ответил он, выдыхая дым.

Клэр сохраняла дружелюбную улыбку на накрашенном лице, не смотря на то, что ужасный запах заставил ее живот сжаться. Аромат и память были близко связаны, к сожалению, и у Клэр было много поганых воспоминаний.

— О, я знаю, — сказала она и протянула правую руку. — Я просто хотела представиться. Я — Джени. — Правило обмана номер один: никогда не называй свое настоящее имя.

— Пол, — сказал парень, протягивая ей руку для рукопожатия.

Она скользнула купюрами по его руке и, хотя в его глазах появился намек на понимание, он не подал никакой другой знак тому, что она вложила деньги в его ладонь. Видимо, это не первое родео Пола. Он засунул руку в карман, не глядя на деньги. Будто знал, что она дала ему достаточно. С другой стороны, Клэр всегда выглядела так, что она заслуживала доверия, что было странно. Будто она могла проецировать ауру честности, и люди покупались на это. Поэтому она была так хороша. И, кроме того, она всегда знала, когда кто-то врал. Будто щипок, который расходитя по телу. Интуиция, это было спасением, когда ты рос на улице.

Пол носком ботинка приоткрыл заднюю дверь, чтобы дать Клэр достаточно места для прохода. Он не двинулся с места, просто сделал еще одну затяжку и выдохнул дым.

— Увидимся, Джени.

— Ты один из лучших, Пол, — сказала она и проскользнула через дверь.

Он ответил ей ироническим фырканьем.

Пройдя через кладовую прямо в клуб, Клэр вспомнила, почему она не тусовалась в местах вроде этого. Ее всегда удивляло, как высококлассная развращенность была такой приемлемой. Это место было наполнено сексом, наркотиками и грязными делишками, словно ты находишься в деревенской пивнушке. Но утром все, кто был здесь, отправлялись в долгий веселый путь, словно ничего не случилось, как будто деньги искупали все их грехи, в то же время, как клеймо плохишей удачно преследовало их, куда бы они не отправились. Богатство и привилегии здесь болезненно напоминали ей о том, что эти люди имели все то, чего не было у нее. Она подумала о том, что собранная этой ночью хозяевами прибыль с тех, кто ее окружал, вероятно, могла бы погасить общественные долги.

Пробираться через эту толпу было довольно трудно, кроме того, она чувствовала себя не в своей тарелке. Ее туфли были самой дорогой частью ее гардероба. Она две недели копила чаевые, чтобы позволить себе тридцатидолларовые черные туфли на шпильке, и сказать по правде, они причиняли ее ногам такую боль, что она рассматривала возможность пройти пешком. Будь прокляты грязные полы.

Краем глаза она заметила группу девушек, делающих селфи своими первоклассными

смартфонами. Клэр не могла даже предоставить дешевый prepaid телефон. Если ей нужно было позвонить, она пользовалась телефоном в небольшом ресторане. Кроме того, было не похоже, что в ее жизни был кто-то, кто мог ей звонить. В течение нескольких минут она стояла там и смотрела, как тройца сделала стандартные утиные губки, затем переключилась на высунутые, как у долбанутых пуделей, языки. Учитывая тот факт, что у них всех были дурацкий шляпы и хвосты, это было не слишком.

— Я могу купить тебе выпить?

Клэр повернулась к парню, примостившемуся рядом с ней. Правило обмана номер два: не отказываться от халявы. Особенно в элитном клубе вроде этого, где бокал белого вина стоит баксов двадцать пять. — Конечно. Спасибо. — Клэр сверкнула обаятельной улыбкой. — Мне виски с колой.

Пока они шли к бару, Клэр оценила свою первую потенциальную жертву на вечер. Он неплохо выглядел, такой себе типичный калифорниец — подтянутый голубоглазый блондин. Судя по его недешевым джинсам и дизайнерскому галстуку, деньги у него водились, хотя не так, чтобы густо. Часы тоже были неплохие, Фоссил, но стоили они не больше пары сотен баксов, что приравнивалось в ломбарде к 30-долларовому залогу. Его телефон, торчавший из заднего кармана, смахивал на айфон ранней модели, к тому же разбитый. Нет, этот парень точно ей не подходил. Она не стала бы рисковать променять одолженную сотню баксов на какого-то болвана. Сегодня Клэр охотилась на добычу покрупнее.

Она приняла предложенный напиток и сделала вид, что пьет. Правило обмана номер три: если пьешь, то лыка не вяжешь. Поддерживать остроумие и показывать, что она хорошо проводила время, было важно. Как только ты заставишь кого-нибудь расслабиться, они становятся более доступной целью.

— Как тебя зовут? — произнес Калифорнийский мальчик, перекрикивая бьющие басы электронной музыки. Двадцатифутовый экран позади стойки ди-джея вспыхнул: BassNectar. Чувак, безусловно, оправдывал свое прозвище.

— Сюжетт! — крикнула она в ответ. — Еще раз спасибо за выпивку!

— Без проблем. — Он одарил ее улыбкой и наклонился поближе. — Я — Стив. Так... что привело тебя сюда сегодня?

— Просто следую за мечтой, Стив. — Пока он распинался, как зарабатывает на жизнь — чем-то там в спортивном менеджменте — Клэр разглядывала толпу, выбирая себе жертву. Танцпол кишел кучей людей, махающих в воздухе светящимися палочками, запрокидывающих головы и трущих задницами обо все подряд, как мартовские коты. Огни стробоскопа вспыхивали с каждым ударом басов, а лазеры с подиума ди-джея плясали по потолку и стенам розовыми и желтыми узорами.

Сквозь массу тел и постоянное движения Клэр сфокусировалась. В дополнение к ее встроенному детектору лжи она обладала странной концентрацией, которую она могла сузить почти до точки. Каждое отвлечение таяло, пока не оставалось такое чувство, что все замедлялось, давая ей время, оценить окружающее. Будто глаза ястреба, ищущего мышь в высокой траве, ее пристальный взгляд бродил по толпе, пока она не обнаружила мужчину в дальнем конце клуба, где были расположены VIP-столы.

Бинго.

Одетый в гладкие черные брюки и костюмную рубашку, которая, вероятно, стоила больше нескольких месяцев арендной платы Клэр. Покачиваясь на ногах, будто он едва мог стоять, он выглядел столь неуместно в толпе нуворишей, как и она. Он был примерно на фут

выше всех самых высоких парней в клубе, и, по сравнению с ним, Стив выглядит маленьким. Он был там не ради музыки. Он был в Дьябло, потому, что клуб был местом для «этого», и он был «этим» парнем. Она должна была подойти немного поближе, чтобы должным образом оценить его, но это не будет проблемой. Если ее изначальное впечатление было верно, независимо от того, что ей удастся получить от этого парня, это накормило бы ее на несколько месяцев. Черт, возможно в этот раз она бы заплатила за бренд Мейо.

— Ну, так как, не желаешь поехать куда-нибудь перекусить? — Стив посмотрел на нее с ожиданием, возвращая свой стакан на стойку, чтобы расплатиться.

— Прости, но не сегодня. Спасибо еще раз за выпивку, Стиви! — гаркнула Клэр, перекрикивая музыку, и направилась в VIP зал.

— Меня зовут Стив! — крикнул он ей вслед.

Она махнула рукой в ответ, но так и не обернулась. Пришло время поохотиться.

Бормочущие голоса преследовали Майкла, когда он шел через клуб, намного громче, чем музыка или рев толпы. Он заткнул мириады звуков в глубину души, не позволяя штурму сенсорной перегрузки отключить его. Глаза следовали за ним, сверкая серебром в темноте, острые и любопытные. Он держался на расстоянии от дампиров, и, в свою очередь, они смотрели на него с настороженностью стаи в присутствии своего Альфы. Их следящие взгляды за его скудными запасами энергии сбивали шаг, когда он протискивался сквозь толпу к VIP-залу. Его голод наказывал их всех. В его неуправляемом состоянии, он не мог быть ни о чем волноваться.

Майкл был Древним. Последний из истинных вампиров. Дампиры были продуктом рождения. Единственный способ для дампира стать вампиром было слить из тела всю кровь и восполнить ее, взяв кровь из вены вампира. Из-за того, что он был отвязанным — его душа терялась в небытии, пока он не найдет свою половинку — у Майкла не было сил, чтобы обратить их. Возможно, он был не единственным, кто находился в состоянии инерции.

Все вампиры были потомками одного существа. Как роща осиновых деревьев взаимосвязана, так кровь, что создала их, привязала их друг к другу. И было достаточно просто того, что древняя кровь текла по венам каждого дампира, чтобы присоединить их всех к Майклу. Судьба действительно могла быть жестокой хозяйкой.

За эти два с половиной века вампиров всех истребили, классовое разделение ковен дампиров настроило их друг против друга. Некоторые хотели, чтобы Майкл исчез с лица земли, а другие с нетерпением ждали его, чтобы подойти и всецело потребовать его в качестве своего лидера. Они жаждали дар, который он мог подарить им, укус, что превратит их из существ, живших между миром людей и миром вампиров, в существ, которыми они должны были быть.

Не будучи привязанным, он был бессилен что-либо для них сделать.

Собственная неистовая жажда Майкла была ничтожна по сравнению с этой коллективной массой дампиров поблизости. Многие из них были в клубе, наблюдая, ожидая, чтобы поделиться своей силой. Они увидели Спасителя, а Майкл видел себя не более, чем бездушным существом, которому суждено провалиться во времени в состояние вечной пустоты. Возможно, именно поэтому он держался в этом состоянии, близком к голодной смерти весь прошлый век, чтобы наказать себя за неумение спасти братьев, когда Сортиари начали свои поиски и стали истреблять вампиров много веков назад.

— Привет. Меня послал Алекс. Не возражаете, если я присоединюсь?

Он поднял глаза и обнаружил женщину, глядящую на него сверху вниз, и вновь Майкл напомнил себе, почему он платил Алекс такую огромную зарплату. Он раскрыл ладонь в знак приветствия.

— Пожалуйста. Присаживайтесь.

Она обольстительно улыбнулась, и ее отбеленные зубы были ужасным дополнением к ее коллагеновым губам и неестественно большой груди. Зачем любой женщине хочется осквернять мягкие естественные изгибы, заменяя их чем-то несгибаемым и искусственным? Неважно. Сегодня он не хотел трахаться, просто покормится ею. И хотя внешний вид девицы мало распял его жажду, запах ее крови обжигал ему глотку.

Надо выждать время. Если он не возьмет себя в руки, то разорвет женщине горло.

— Я могу купить тебе выпить? — Это было меньше, что он мог сделать. Ведь она собиралась накормить его. — Шампанского? — Разве не этого хотели люди в этих смехотворно дорогуших клубах? Он подал знак одной из официанток, которая обслуживала ВИП-зал, одетой соответствующим образом — в дьявольские рожки и длинный красный хвост, который, казалось, рос из спины на ее короткой черной юбке. Майкл полез в карман, извлек матовую черную кредитку из бумажника и протянул ее официантке. — Принесите нам бутылку «Clos d'Ambonay».

Официантка одобрительно улыбнулась и развернулась на каблуках, без сомнения, ликуя от чаевых, которые последуют за бутылкой шампанского стоимостью три с половиной тысячи долларов.

— Ой! Мой! Бог! — взвизгнула женщина, стоящая рядом с ним. Она вытянула руку, согнув запястье, будто он должен был поцеловать ее. — Я всегда хотела его попробовать! Я — Жасмин, кстати.

Он посмотрел на ее руку, но не пошевелился, чтобы принять ее. Прелестно. Терпение Майкла было на исходе, как и его контроль. С каждой уходящей секундой жажда усиливалась. Не помогало, что человек теперь приклеилась к нему, как банный лист к заднице, и смехотворно терлась ненастоящей грудью о его руку так, что он предположил, что это должно быть возбуждающим. Она болтала, по крайней мере, двадцать минут, о том, о чем Майкл понятия не имел. Черт, сколько можно нести эту долбанную бутылку шампанского?

Она провела ладонью вверх по внутренней стороне его бедра, но не дошла до его члена, когда официантка появилась с шампанским. Наконец. Слава богам. Он подписал чек, добавив здоровенные чаевые за их обслуживание, прежде чем налил два бокала бледного пузырящегося напитка. Его спутница закатила глаза, когда пила, и издала низкий стон, который больше всего напоминал стенания.

Люди вроде нее были ярким примером того, как легко можно охотиться в городе. Также это было болезненным напоминанием о том, что у него не было причин — кроме садистских самоистязаний — для голодания. Когда Жасмин выпила и хихикнула, потом выпила еще, аромат ее крови подстегнул жажду Майкла. Вокруг себя он ощущал предвкушение дампиров, и он почти передумал пронзть горло женщины, просто для того, чтобы наказать их за нарушение его конфиденциальности. На кратчайшее мгновение он приветствовал боль, безумие и голод. Однако его инстинкт кормиться был сильнее воли к смерти. Майкл уткнулся носом женщине в горло и прошелся губами по ее яремной вене, заставив двойной набор клыков пульсировать в деснах.

— О да, детка, — простонала женщина, когда она наклонила голову, чтобы обнажить горло. — Целуй меня.

С удовольствием. Майкл прижался губами к ее горлу, мягко посасывая, чтобы подготовить вену. Ее кожа на вкус была дешевыми духами и сильно пахла резким, химическим дымом. В мгновение ока клыки прокололи мягкую плоть, жертва растаяла в его объятиях, ее высокий, хныкающий стон был неслышен никому, кроме него, из-за басов музыки ди-джея. Она положила голову ему на плечо, и Майкл схватил ее за затылок, чтобы поддержать. Кровь, теплая и окрашенная чем-то инородным — каким-то наркотиком — прошла по его языку. Человеческие наркотики не имели никакого эффекта на него. Майкл закрыл глаза, когда он присоединился к своей добыче в блаженстве кормления.

Каждый плоток придавал сил; ее запах, ее вкус, ощущение послушного тела в его руках

— все это обостряло его восприятие. Его сердце снова начало биться, его метаболизм начинал пробуждаться, когда живая кровь текла по его венам. Вокруг него воздух стал потрескивать от статического напряжения, будто надвигался сильный шторм, и он чувствовал полное облегчение от дампиров, которые разделили то, что он брал от этой женщины.

Вдруг, удар сокрушительного аромата, равного которому не было, вторгся в нос Майкла, и он так сильно дернулся от человеческого горла, что едва не разорвал ее плоть. В его мозгу завопил инстинкт самосохранения, слишком сильный, чтобы сопротивляться, но, если бы он не закрыл проколы на шее женщины, та бы истекла кровью за считанные секунды. Женщина привалилась к нему, и Майкл быстро прижал свой язык к ее горлу и заживил укус. Он положил ее в кабинке без особых раздумий о ее благополучии, будто его необъяснимо тянул запах крови, звал его так, как никогда прежде, за все века его существования.

Желание. Нужда. Голод. Вожделение. Похоть.

Примитивная, дикая эмоция взорвалась в нем, какой-то настолько глубокий и базовый инстинкт, что он не мог ему сопротивляться. Пустота, открывшаяся в нем после превращения, наполнилась до отказа, и Майкл потер грудь, будто изменение было физическим. Его мысли неслись, когда он пытался понять, что почувствовал, ощущение было таким инородным и шокирующим. Он так давно в последний раз кормился, возможно, это его бездействующее тело просто не привыкло к омоложению. Или, возможно, это чистая ярость ожидания дампиров сводила его с ума. Его мышцы напрягались с каждым шагом, будто десятилетия находились в спячке.

Бездушная пустота испарилась, и в самом центре его существования что-то привязало его длиной нерушимой цепью. Прошлые двести лет одиночества растаяли в момент, поиски экзотического аромата, который вел его, стали причиной, и, впервые с тех пор как убийца похоронил его, Майкл ощутил в себе воина, которым был однажды. Влиятельного вампира. Охотника в поисках добычи.

Но, кроме того, он чувствовал себя живым. Действительно живым, каким он был, прежде, чем стал вампиром. Прежде, чем он принял решение обменять свою душу на существование в качестве одного из отвязанных. Если он не найдет источник того восхитительного аромата, сладкой крови, которая очаровала его, будто песня сирены, он сойдет с ума.

Сметая толпы людей одним движением руки в сторону, будто они были не более, чем травинки, а у него был палаш. Дампиры смотрели на него с любопытством и страхом, их радужки поблескивали серебром в тусклом свете, они склонили головы, боясь встретиться с его одичавшим взглядом. Он, наконец, ожил в эту ночь, и хотя его сердце билось по-новому, это не кровь шлюхи вывела его из бездушного ступора. Нет, когда глаза Майкла сфокусировались на женщине в двадцати футах от него, он без сомнения знал, что это ее кровь позвала его, и ее запах разбудил его.

Эта женщина привязала его душу и вернула ее ему.

Будто почувствовав его, она посмотрела ему в глаза. Она не выглядела лебезящей или заискивающей, как часто выглядели человеческие самки, посещавшие такого рода клубы. Скорее она выделялась среди них. Глоток свежего воздуха в застаревшей среде.

Ее губы сложились в кокетливую улыбку. Хитрое, обольстительное выражение лица заставило его член стать твердым, а кровь, бегущую по венам, нагреться. Она отвернулась от него, прокладывая себе путь через VIP-зал к мало заполненному месту в задней части клуба.

Разве она не поняла, что бег только заставил его преследовать ее? Или это именно то, чего она хотела — быть схваченной в темном углу, где никто не услышит стонов удовольствия, когда он возьмет ее вены?

Шаг Майкла дрогнул. Конечно, девушка не могла знать, чего он хотел от нее, когда ее собственный запах довел его до исступления; по сравнению с этим, жажда, испытанная ранее, была ничем. Если она думала найти выход в той части клуба, она будет разочарована. В считанные мгновения она окажется в ловушке, и трепет волнения пробежал по венам Майкла от открывающейся перспективы.

* * *

Клэр оказалась перед черной стеной с гигантским красным изображением Дьябло на ней. Она прислонилась к ней спиной, сложив ладони, словно совершая роковую ошибку. Упс! Она решила никуда не уходить. Правило обмана номер четыре: Позволить думать, что шоу руководит он.

Он был высоко, словно чертов воздушный змей; она считала это положительным. Слишком плохой, слишком. Он был слишком горячим, чтобы тратить свою внешность — и, вероятно, его богатство — на пустую жизнь. Клэр воспользовалась моментом, наблюдая за ним, пока он направлялся прямо к ней. Любая женщина упала бы на колени, благодаря Господа за его творение, в то время как она осматривала этого парня с ног до головы. Высокий и сложенный вовсе не так, как выглядят эти тупоголовые пляжные качки. Она готова была поспорить, что он был своего рода спортивным наркоманом, когда не был под кайфом. Она видела это иногда у зависимых. Они выглядели похоже и изображали здоровый образ жизни, прикрывая свои незаконные действия. Вероятно, он работал в киноиндустрии. Не мелькал на экране, но она предположила, что он был адвокатом или продюсером. Может быть, спонсором. Или, что более вероятно, личным охранником. Его окружала аура важности, словно он знал, что, как и все вокруг, был дерьмом.

Густые черные волосы падали на лоб в привычном виде, и это выглядело так, словно он выпрыгнул из постели прямо в одежду. Прямой нос, выступающие скулы и самое невероятное — ямочки на подбородке, придавали силу его ауре. А его глаза... святое дерьмо, они были прекрасны. Ярко-бирюзовые, напомнившие ей картину, увиденную в воде у берегов Косумеля. Она мгновенно почувствовала связь с ним. Что-то глубокое и навязчивое, от чего она перестала дышать. Никогда прежде она не чувствовала такой сильной вспышки интереса. Позор, она собиралась ограбить бедного слепого сосунка.

Хорошо выглядит или нет, но она здесь не для того, чтобы флиртовать. Кроме того, она не тратит время на зависимых и пользователей. Теперь он был менее, чем в шаге от нее, каждый его шаг был движением хищника, посылая через все ее тело нервную дрожь. Дыхание вернулось к Клэр, оживая в груди, пока она оценивала его размер: вблизи он был намного больше. На мгновение она ощутила, что могла бы выкинуть его из головы, но затем ее взгляд упал на потрясающие часы Патек на его левом запястье. Правильно рассудив, что часы могли бы покрыть шесть, а то и больше месяцев арендной платы, не говоря уже о полных шкафчиках продуктов, она решила срубить бабла с этого парня. Дзынь!

Клэр изобразила на лице кокетливую улыбку, хотя, учитывая, что парень был супер

горячей шпучкой, это было едва ли ей по зубам. Он в два шага преодолел разделявшее их расстояние и уперся своей сильной рукой в стену напротив, наклоняясь так, чтобы его лицо погрузилось в ее волосы. Он ее нюхает? Что ж, это более, чем странно.

— Что ты?

Его низкий голос с жадностью пророкотал ей в ухо, вызвав дрожь по всему телу. У чувака точно шарик поехали, но его голос влиял на нее каждый раз так, как он хотел.

— Что ты хочешь от меня? — наводящий вопрос должен был подтолкнуть к физическому контакту. Он был настолько не в себе, что не составит труда стащить его кошелек или потрясающие часы, когда начнутся решительные ласки. Взгляд Клэр задержался на его пухлых губах, и она вздохнула. Если придется, она сможет пожертвовать одним или парой поцелуев, если это даст ей возможность отвлечь его.

— Не играй со мной. Я не в настроении для игр. Ты не просто человеческая женщина.

Просто человек? Она недооценила, насколько далеко зайдет этот парень.

— И почему бы сейчас мне не поиграть с тобой? — она посмотрела вверх, встречаясь с ним взглядом. Эти бирюзовые глаза — расширенные потемневшие зрачки — горели чем-то, что трудно определить, напряжение на его лице граничило с болью. Она потянулась и пропустила сквозь пальцы его мягкие шелковистые пряди волос. Клэр почти пожалела этого парня. Он чуть ли не умолял, чтобы его обокрали. — Если тебя это не интересует, то, уверена, за твоим столом тебя кто-то ждет.

Предположив, что он мог быть сутенером горячей линии девушек по вызову, женщину зацепила его уверенность, что она может быть одной из них. И как потрясающе оставить ее без сознания и в одиночестве? Ползающую. Он был потрясающе красив, но в этом и был грех: он был соблазнителен всегда.

— Как тебя зовут?

Господи Боже. Никого уже не интересуют анонимные знакомства? У нее закончились творческие ответы.

— Эми, — ответила она. — А тебя?

— Майкл.

— Это не так, — слова слетели с губ Клэр прежде, чем она смогла их остановить. Обычно она не указывала людям на их вранье, лишь использовала ее как опору. Но его ложь, казалось, она не могла не отметить.

Он наклонил голову набок и уставился на нее слишком ясным взглядом для его наркотического состояния. Что-то серебристое блеснуло в глубине его темных зрачков, и Клэр мысленно встряхнула себя. Может быть, это она была под кайфом?

— Почему ты так говоришь?

Да, Клэр, почему? Она должна была вызвать у него доверие, снизить его бдительность, не давать ему оказаться в состоянии полной готовности. Взгляд на приз. Получить часы с его руки и убраться отсюда к черту.

Правило обмана номер пять: никогда не выходить из образа. Она была в клубе, в окружении наркотиков и алкоголя. Это было бы своего рода красным флагом, если бы она была здесь единственной женщиной, которая хотя бы не пошатывалась под кайфом. Она не может оттолкнуть его только потому, что ее внутренний детектор лжи подавал сигналы. К тому же, кто она такая, чтобы осуждать?

— Ты просто не похож на Майкла, по-моему, вот и все. — Клэр обхватила его предплечье, упершись в стену за ней. Святое дерьмо, этот парень должно быть, высечен из

мрамора. Она с нежностью подбиралась к его запястью, опуская его руку ниже, чтобы она легла на ее бедро. Под этим углом она могла расстегнуть застежку на часах. Когда они расстегнулись и стали свободнее, он даже не заметил, как они соскользнули с запястья.

Его ноздри раздулись, когда их тела соединились, он шагнул ближе, так близко, что ей пришлось вывернуть шею, чтобы посмотреть ему в лицо. По ее коже пробежали мурашки. Было ли это порывом обмануть или возбудить, то что он обхватил ее бедра ладонями, а его пальцы сжимались, словно он едва сдерживался?

— Твой запах сводит с ума, — его голос прервался нетерпеливым рычанием в ухо. — И мне ничего больше не хочется, чем попробовать тебя на вкус.

Ладно, она слышала странности. Но то, как он говорил — с легким акцентом, по которому невозможно было определить регион — в совокупности с его правильной речью, пробудили в Клэр любопытство. Кто, черт возьми, этот парень? И что подразумевает это попробовать ее на вкус? Пока она просчитывала варианты, она не могла препятствовать тому, что его пухлые губы блуждали по ее телу, затуманивая мысли Клэр. Правило обмана номер шесть: никогда не терять контроль.

Ей необходимо было прямо сейчас держаться разумно, а не поддаваться на его сексуальный голос или внешность, словно с обложки журнала GQ, отвлекающих ее. Весь смысл игры состоял в том, чтобы увлечь его так, чтобы он не заметил, как она стащила его часы. Ее целью было распалить его и взволновать, а потом добить. Чувак уже совсем извелся. Так что пришло время устроить шоу.

— Мне следует признаться, что я всю ночь за тобой наблюдала, — она заставила свой голос звучать хрипло и мило. — Представляя, каково это — поцеловать тебя.

Она облизнула губы, встретившись взглядом с этими бесконечно голубыми глазами и испутив вздох, закончившийся стоном. Его лоб наморщился от звука, и он задвигал своими бедрами между ее. Святое дерьмо. Это палка у тебя в кармане или ты просто рад меня видеть? Ее губы приоткрылись в беззвучном «ох». Ладно, она определенно словила кайф от кого-то, курившего рядом травку. Потому что у нее были галлюцинации, отпечатавшиеся на ее внешности и грубой чувственности.

Майкл передвинулся, обхватывая свободной рукой ее за попку. Клэр не смогла сдержать вздох, сорвавшийся с губ, пока он подсаживал ее, словно она ничего не весила, и прижимал спиной к стене. У нее не было выбора, кроме как обхватить его ногами за талию, и когда ее естество оказалось прижатой к его эрекции, напряжение от его слетевших дорогостоящих дизайнерских брюк отдалось в каждой ее клеточке, воспламеняясь узнаванием. В его взгляде горело желание и ясность, пугающие ее. Может, он вовсе не был под кайфом, как она ошибочно посчитала.

Так долго была охотником. А сейчас у Клэр появилось ощущение, что она стала его добычей.

Не человек. Кем она могла быть? Мысль возникала в голове Майкла снова и снова, пока он старался сохранить хоть каплю самоконтроля. Насколько он знал, вампир никогда не был связан с человеком. Это просто невозможно. А пока его душа сгорала изнутри, наполняясь бесконечной пустотой. Он хотел раздеть ее и уложить на полу. Провести носом по каждому сантиметру ее обнаженной плоти, задержав аромат в своих легких, прежде чем трахнуть ее. Обрывки памяти заглушали его сознание, не его памяти, но он также имел к этому отношение. Это подстегнуло его инстинкт, с которым не мог бороться, с желанием взять эту женщину, вонзить клыки в ее горло, испить ее, заявить права на ее тело, сделать своей навсегда. *Обратить ее.*

Невероятно.

А пока он замер на месте, не в силах оторваться от нее. На самом деле, просто воспользоваться ей и уйти казалось огромным подвигом. И почему он? Их души связаны. Все это было ложью. Возможно, инстинктивно он думал, то, что ощущалось, было лишь отголоском воспоминания, вызванного его предыдущей кормежкой. Это было безумием, то, что он чувствовал к этому *человеку*. Он жестоко ошибался, если верил, что она была никем, лишь мирянкой. Одно прикосновение к ее вене, и заклятие разрушится.

Он поднял ее на руки и прижал к стене. Она обвила своими длинными ногами его за талию, и он оказался между ее бедрами, его член напрягся до боли. Его покусывания дарили ей наслаждение, но возможно ли, что она хотела большего? Майкл не хотел ничего другого, кроме как трахнуть ее, пока пил из нее, и сомневался, что кто-то заметит, если он спустит джинсы с ее бедер и возьмет ее прямо здесь, у стены.

Прошло так много времени с тех пор, как он ощущал тугую и теплую мягкую женскую плоть.

Ее губы приоткрылись в безмолвном стоне, и желудок Майкла сжался от желания. Ее глаза распахнулись, став, словно прозрачные янтарные озера, ее теплые золотистые волосы спадали по плечам ровным водопадом, похожие на шелковые простыни. Ее кожа была словно нежный фарфор, такой освежающий в этом лживом городе, покрытая загаром. Он отпустил ее бедро и провел пальцем по неровному шраму на левом виске, чуть выше бровей, хищный рык вырвался из его груди. Он бы убил того, кто причинил ей боль.

Она потянулась и поймала его за руку, притянув к своим губам. Когда ее теплые губы соприкоснулись с его кожей, низкий рык усилился, и она улыбнулась.

— *Никогда прежде я не заставляла мужчину мурлыкать,* — сказала она таким сладким и томным, словно свежие сливки, голосом. — *Мне это нравится.*

Как человек мог слышать что-нибудь через музыку и рев толпы? С другой стороны, его это волновало? Она положила ладонь на его ребра и провела вниз по торсу и обратно к талии. Медленная, лукавая улыбка заиграла на ее губах, когда она убрала его руку от своего тела, но лишь на мгновение, когда она скользнула под его рубашку. Контакт кожи с кожей подстегнул его, смывая последние разумные мысли, и он прижался к ней, захватив ее рот отчаянным поцелуем.

Она вцепилась ему в волосы и привлекла ближе. Ее язык пролез ему в рот, и если ее аромат мог нарушить его сдержанность, сладости ее губ было достаточно, чтобы послать его за край безумия. Словно она столь же изголодалась по нему, как и он по ней, девушка

впивалась в его рот, поцелуи граничили с жестокостью, словно вся жизнь разделяла их, и его наказывали за то, что он так долго был вдали от нее. В пылу страсти один из клыков царапнул ее нижнюю губу, и вкус ее крови на его языке поставил его на край выступа его скудного контроля.

Ах, боги! Он оторвался от ее рта с похотливым рычанием, прижимаясь членом к ее киске, он уткнулся лицом в горло. Она выгнулась против него, низкий стон слетел с ее губ, когда он прижался губами к ее вене и вонзил свои клыки в ее плоть.

— Майкл!

Она вскрикнула, когда он пронзил ее кожу, отчаянно цепляясь за него и прижимаясь ближе к горлу. Не это имя он хотел, чтобы слетело с ее губ, не Американизируемая версия его имени, а его истинное имя, имя, которое ночью украл убийца, ублюдок пытался закончить его существование раз и навсегда. Ее кровь текла теплым и толстым потоком в его рот, и Майкл быстро глотал, когда брал ее вену. Она не была похожа ни на что, что он когда-либо испытывал: сладкая и опьяняющая. Когда безумие захлестнуло его, Майкл просунул свободную руку между ними, расстегнул кнопку на ее джинсах и металлическую застежку-молнию. У него не было выбора, кроме как разорвать тяжелую джинсовую ткань, чтобы добраться до того, чего он хотел.

Его единственной мыслью было взять ее.

Давно забытое чувство восторга раздулось в груди Майкла, его сердце бешено стучало впервые за месяцы. Он сфокусировался на фоновом отвлечении. На нетерпеливом внимании дампиров, привлеченных взрывом беспрецедентной силы, которую дала ему эта женщина. Черт, каждый человек в переполненном клубе, возможно, оторвался от своего занятия, чтобы понаблюдать за ним, и он ему было глубоко на все это насрать. Его волновал только этот момент, человек в его руках и кровь, которая походила на эликсир жизни.

Она всхлипнула в его объятиях, и он опустил рукой под упругий пояс ее нижнего белья. Когда его пальцы нашли ее гладкий центр, она взбрыкнула против него, почти разрушая его печать на ее горле. Боги, но она была готова к нему. Ее жар окутал его, ее киска текла, пульсировала и желала. Когда он тянул из ее вены, то двигал пальцы через ее жадную плоть к тугому узелку нервов в самой сердцевине. Ее бедра двигались в такт каждому напряжению его рта, а ноги сжимались вокруг его талии. Она выгнулась от стены, и ее дыхание было горячим, когда она простонала:

— Не останавливайся, пока я кончу.

Она кончит для меня сейчас, когда я пью из ее вены? Его яйца набухли от этих слова, ее отчаянный шепот был настолько близко к просьбе, что остановиться его заставила только ее мольба. Напряжение в ее руках ослабло, голова безвольно упиралась в стену. Паника затмила жажду кормления, и одной только силой желания он оторвался от ее горла. Ее веки отяжелели от страсти, и глаза потускнели, будто она потеряла фокусировку. Майкл сжал ее голову ладонями, когда проколол язык один из клыков и стал зализывать проколы, пока те не закрылись.

Он взял у нее слишком много. Медленный ритм ее сердца отзывался эхом в его ушах, нитевидный и слабый по сравнению с тем, как кровь мчалась по его языку, пока он пил из нее. Майкл замер от страха. Отдавшись жажде к крови и ее тела, он забылся. И теперь эта красавица заплатит за его небрежность.

— Пожалуйста, не останавливайся.

Она схватила его за руку и убедила его продолжить то, что он начал. Ленивый ритм ее

сердца возростал, больше не слабый, но теперь соперничающий с тяжелым басом, который отражался по всему клубу. Как? Он истощил ее почти, поставил практически на грань смерти, и все же она почему-то пережила это.

— Майкл, прикоснись ко мне.

Он скользнул в нее одним пальцем, а потом и вторым, все время работая над раздутым комком нервов подушечкой большого пальца. Она дрожала под ним, хватая его за плечи, пока ее ногти не впились в его кожу через рубашку. Он захватил ее рот голодным поцелуем, когда его собственная жажда поднялась до такой степени, что он не был уверен, сколько еще он мог отказывать себе в ней. Ее бедра двигались в такт движению его пальцев, он мог только представлять, насколько тугой и теплой она будет, когда он войдет в нее.

Она всхлипывала от удовольствия, когда гладил ее, и ее киска туго сжималась вокруг его пальцев. Ее тело стало жестким, и она вскрикнула, ее лоно пульсировало вокруг него, когда она обмякла в его руках. Богатый, сладкий аромат расцвел вокруг них, проникая в его чувства и пробуждая инстинкт, который Майкл никогда раньше не чувствовал. Снова он потерялся в других воспоминаниях, видениях связи, которую он не мог объяснить, и которую никогда не знал. И все же он узнал ее в мгновение ока; столь необъяснимо, как может показаться, он был привязан. Его душа нашла своего близнеца, и этот человек принадлежала ему.

Ее задыхалась, когда он легко целовал ее лоб, щеки, губы. Она опустила ноги на пол и стала опускаться, он прижал ее к своей груди, намотав на кулак ее золотые волосы.

— Мы не закончили, — прорычал он ей в ухо. — Ты получила свое удовольствие, теперь дай мне мое. — Она должна была знать, что теперь принадлежала ему. Как она могла подумать, уйти от него? Она отстранилась, и он схватил ее за плечи. — Разве ты не молила, чтобы я касался тебя? Попробовал тебя? Твои крики удовольствия были искренними. Не удерживай меня, Эми.

Ее выражение лица стало мрачным, когда тень появилась в ее ярких янтарных глазах. Самая маленькая вспышка страха появилась на ее лице, и это резануло его пламенной болью серебряного лезвия.

— Отпусти меня, — прошептала она.

Она вырвалась из его объятий и нырнула под его руку, прежде чем он смог снова схватить ее. Она побежала сквозь толпу, ныряя и лавируя и так и сяк, пока он не потерял ее. Но Майклу не нужны были глаза, чтобы знать направление, в котором она убежала. Они были связаны неразрывной нитью, от которой она не могла убежать.

После столетий боли, бесконечных пыток его существования, он нашел единственное существо, которое могло его разбудить, вывести из оцепенения и вернуть ему душу. Неизмеримая сила подпитывалась каждым движением, и он больше не был тенью вампира, которым когда-то был. Мир растаял, пока не осталась только она. Он нашел единственную, которая ему была нужна для выживания в оставленном мире богами. Он пошел вслед за ней, его скорость удивила даже его самого. Он с легкостью поймает ее и когда это сделает, то больше никогда ее не отпустит. Ее кровь была самой сутью жизни, маня его так, как никто другое за четыре века существования. Чужая или нет, теперь она принадлежала ему, и он не успокоится, пока снова не испробует ее.

Руки тянулись к нему, голоса обращались к нему, радуясь. Он прятался, не желая позволять нетерпеливым вампирам удержать его от того, чего он хотел. Если бы они удерживали его от женщины, то он бы разорвал их голыми руками.

— Клянусь, Михаил, если ты сделаешь еще один шаг, я сам проткну тебя колом.

Знакомый голос заставил Майкла остановиться, и он шепотом чертыхнулся. Единственный вампир, который мог остановить его, именно сейчас оказался в этом клубе. Совпадение? Вряд ли.

— Ронан. — Майкл повернулся, сжал зубы, чтобы не вцепиться в глотку мужчине, и повернулся лицом к светловолосому вампиру.

— Твой выбор времени...

— Идеален? — Ронан отважился на дерзкую ухмылку.

— Неудачен. — Тела давили, когда все вампиры в клубе приближались к нему. Очень неудачен.

* * *

Клэр пулей вылетела за двери клуба, задыхаясь. Она могла чувствовать его преследование, будто зверь на охоте. Она крепко сжала Патек¹ в кулаке, когда скинула слишком узкие стилеты² и помчалась по тротуару, ныряя в ближайший переулок. Мысли о столбняке или чем-то еще хуже грозили отправить ее обратно за туфлями, но она отбросила в сторону страх порезать ноги и заболеть чем-то. Ей нужно убраться оттуда. Сейчас же. Прежде, чем он догонит ее. Последнее и самое важное правило аферы: выбраться, пока все хорошо.

По-правде говоря, это был не страх быть пойманной, это сердце Клэр бешено колотилось из-за бега. Она раньше никогда не позволяла вещам выходить из-под контроля. Особенно столь таинственным, как Майкл. В нем скрывалось нечто большее, чем могло показаться на первый взгляд, и Клэр должна была насторожиться, но, вместо этого, она набросилась на мужчину, как какая-то сексуально неудовлетворенная студентка на субботнем вечер знакомств. Класно.

Несмотря на подарочек, который она жадно записывала свой карман для сохранности, Клэр не чувствовала удовлетворения. Вместо этого стыд окрасил щеки от воспоминания о его поцелуях, о прикосновении его зубов к ее шее, и мягкое касание его умелых пальцев, когда он сводил ее с ума от желания. Она сбежала от него не потому, что она получила часы и хотела скорее отдохнуть, а скорее потому, что она боялась, что сбросит свои штаны прямо посреди клуба и будь, что будет, и, не важно, есть зрители или нет. Правда ее ударила, будто бита в лоб, когда она пересекла бульвар Сансет в сторону улицы Кларк, а потом еще один переулок.

Ни с одним мужчиной она не испытывала такого оргазма, а она и Майкл только разминались. Она могла только представить, чего он мог достичь в условиях уединения и трех часов времени. И что это за магия с ее горлом? Волны желания пульсировали внизу живота от воспоминания. Не очень нежный укус последовал за глубоким засосом, шок обжигающего тепла бежал по ее крови. Она была на грани оргазма только от этого контакта. Ее тело буквально болело по нему, когда он наконец-то пошел работать с ее молнией.

Клэр потянулась к переду ее джинсов и почувствовала разрыв ткани, который он сделал под швом. Между нами, девочками, он разорвал тяжелую ткань, будто это была тончайшая бумага. У него должна быть суперсила, чтобы это сделать. С другой стороны она видела, как

люди делали совершенно бесчеловечное дерьмо, пока у них был высокий статус.

Она шла по переулкам, пока не оказалась в нескольких кварталах от Дьябло и вновь Сансет бульвара. Уверенная, что ей удалось оторваться от своего преследователя, Клэр замедлила темп, давая отдых своим босым ногам, пока ловила такси.

— Четыре двадцать, Южный Уэстлейк, — сказала она водителю.

— Это не мой маршрут. — Голос таксиста прозвучал так, будто его вывели из себя.

Клэр не собиралась прыгать босиком между двумя-тремя такси, чтобы добраться до дома.

— В долгу не останусь. Обещаю.

Он проворчал под нос, но включил передачу и влился в поток. Деньги. Вечные мотиватор. Клэр откинула голову на спинку сидения, и закрыла глаза. Серебристый и бирюзово синий взгляд преследовал ее в мыслях, а в голосе скрывались примитивные эмоции, когда он сказал:

— Мы еще не закончили. Ты получила свое удовольствие, теперь дай мне мое.

От такого мужского заявления, Клэр обычно бежала в противоположном направлении, после того как заехала бы коленом в пах. Но то, как Майкл сказал это... слова скорее были мольбой, чем требованием. Она украла часы парня и оставила его с посиневшими яйцами. Она была крупнейшей в мире душой, или как?

Клэр потратила всю тридцатиминутную поездку на такси, переигрывая в уме события ночи. Было что-то в Майкле — кроме того факта, что он соврал насчет своего имени — что говорило со скрытой частью ее души. Будто она знала его всю жизнь. Или, скорее была предназначена знать его всю жизнь.

Ничего себе. Безнадёжно романтическая атмосфера. Какой отстой. Жизнь не состояла из лепестков роз и радуг. У Клэр было непосредственное доказательство этого. И, кроме того, парень был под кайфом, а это нарушало самое первое и самое важное правило знакомств у Клэр: Никаких наркотиков. Никогда.

Такси подъехало к ее дому, она достала пачку банкнот из кармана.

— Это будет стоить семьдесят долларов, — сказал таксист с издевкой.

Семьдесят долларов? Что за лажа. Она знала, что тот не должен был брать с нее больше сорока пяти баксов. Но придурок выключил счетчик, когда они вырулили с Сансет бульвара, таким образом, она не могла указать ему на просчет. Она была более, чем готова дать парню щедрые чаевые — больше семидесяти баксов, которые он попросил — за то, что он отошел от своего маршрута и отвез ее домой. Но вместо того, чтобы поверить тому, что она пообещала, он принял решение обобщить ее. Типичное лос-анджелесское фуфло.

— Вот. — Она дала ему две двадцатки и одну десятку и открыла дверь.

— Какого черта? — рявкнул он. — Я думал, что ты сказала, что не останешься в долгу.

— Ты заломил цену, — сказала она, когда вылезла из автомобиля, — не моя вина, что ты сам рассчитал свои чаевые.

Она захлопнула дверь, прерывая поток брани. Какой придурок. Не оглядываясь, она побежала к дому. Место было едва лучше барака, но все равно стоило ей девяти сотен долларов в месяц. Если бы ей удалось работать в две смены, или в двух закусовых, она покончила бы с "копилкой". И как ни прискорбно было признавать, но она стремилась к скромному финансовому существованию. Наскребать было лучше, чем все, что она до сих пор делала, за двадцать четыре года жизни.

Оказавшись внутри здания, Клэр прошла по лестнице на второй этаж. Она остановилась

у двери 216 и вытащила оставшиеся деньги и часы из кармана. Полночь. Вероятно, слишком поздно, чтобы стучать.

— Привет, Клэри! — мягко произнес десятилетний голос из открывающейся двери. — Я подумала, что слышала кого-то в коридоре.

Клэр виновато улыбнулась своей юной соседке. С того дня, как они переехали, что-то в девочке щекотало ее инстинкты. Будто зуд, который она не могла почесать. Возможно, это просто схожесть их детства. Так, или иначе, Клэр сразу она понравилась.

— Привет, Ванесса. Я не разбудила тебя, а?

— Нет, — сказала девочка. — У мамы была плохая ночь, так что я встала, чтобы приготовить ей немного супа.

Плохая ночь. Точно. Мама Ванессы, Карлин, увлекалась оксикадоном и обращала почти столько же внимания на Ванессу, сколько на их тощую кошку. Карлин продала велосипед дочери в прошлом месяце, чтобы получить денег, и Клэр была вполне уверена, что у Ванессы дома не было ничего кроме доширака. Почему для некоторых людей было так трудно любить и заботиться о своих детях?

— Я бы хотела кое-что тебе дать. — Клэр жестом попросила Ванессу выйти в коридор, протянула руку и вложила комок купюр в ладони девочки. — Выйди завтра и купи немного еды. И купи новую одежду для школы и тетрадки и карандаши, хорошо? Тина поможет тебе, если дойдешь до благотворительного магазина в конце квартала. Ты же не хочешь начинать новый год, по крайней мере, без одного довольно нового платья.

— Я знаю Тину. Я иногда играю с ее щенком. Но... я не могу это взять, — сказала Ванесса, широко распахивая глаза. — Мама...

— Твоей маме необязательно об этом знать, — перебила Клэр. Если Карлин узнает о деньгах, то она потратит их на таблетки, прежде, чем ты успеешь сказать "школьная распродажа". — Думай о них, как о подарке на день рождения.

Ванесса поджала губы.

— Мой день рождения не в Феврале.

— Тогда это ранний рождественский подарок. Возьми деньги, и спрячь их где-нибудь, хорошо? Никому о них не рассказывай. Просто выйди завтра и купи что-нибудь.

— Ладно, — сказала Ванесса неохотно.

— Пообещай мне.

Ванесса робко ей улыбнулась.

— Обещаю.

— Хорошо. Теперь ложись спать. Тебе уже давно пора быть в кровати. — Клэр чмокнула Ванессу в щеку и отправила ее внутрь.

Ста баксов не хватало, чтобы купить Ванессе все, что было нужно, но, возможно, если Клэр возьмет вторую смену, она сможет давать немного больше. Бог знал, что ребенку была нужна каждая часть помощи, которую она могла получить. Она перевернула часы Майкла в руке и исследовала запутанные детали механизмов, видимые через кристаллическое стекло. Они, должно быть, стоили тысяч пятьдесят, и если ей повезет, то она сможет выручить за них пять или шесть тысяч.

Клэр прошла по коридору и вставила ключ в замок квартиры 219. Наблюдая за детством Ванессы, Клэр все больше приходила к выводу, что оно было очень похоже на ее детство. Возможно, если бы рядом с ней жил небезразличный сосед, который время от времени подсовывал ей под дверь двадцатку, то она не устраивала бы аферы, чтобы раздобыть

наличку. И возможно, если бы ее мама была немного более ответственной и вела себя как настоящий родитель, который, ну знаете, передает ценности ребенку, Клэр не предавалась бы страстям и не позволила бы незнакомцу сделать с ней то, что сделал Майкл сегодня вечером.

Хотя, когда включив свет в своей потрепанной кухне, Клэр стала копаться в тридцатилетнем холодильнике в поисках остатков еды, которую принесла домой с вчерашней вечерней смены, она была поражена одной мыслью. Даже вырасти она честной, открытой девочкой с большим количеством наличных в кармане, она все равно отдалась бы Майклу сегодня вечером.

Кто, черт побери, был этот человек, который заставил ее чувствовать то, что она, казалось, была не способна чувствовать? И как ей снова найти его?

— Если ты ищешь развлечение, Ронан, так походи, поищи в городе. В противном случае, перестань на меня пялиться. Ты заставляешь меня чувствовать себя чертовым жучком под микроскопом.

Ронан был с Майклом с самого начала. Во всяком случае, с начала его уединенного существования. Он был голодным, слабым, его тело было изнурено после века в ловушке под землей, и без помощи Ронана в побеге из Киева под носом у Сортиари, Майкл бы здесь не стоял. Конечно, также благодаря Ронану, он бы не потерял женщину сегодня вечером. У судьбы, конечно, был способ уравновесить весы.

Майкл расхаживал по своей гостинной. Восход солнца был всего через пару часов, но стены уже давили на него. Не помогало, что пристальный взгляд Ронана следовал за Майклом назад и вперед, назад и вперед, будто тот был ребенком, наблюдающим за содержащимся в клетке тигром в зоопарке.

— Ничего не могу поделать, — ответил Ронан. Он подошел к бару у дальней стены и налил себе виски. — Я имею в виду, ты смотрел на себя, Михаил? Ты...

— Возбужден. — Майкл массажировал голое левое запястье, только сейчас заметив, что на нем нет часов. Вдобавок к потере женщины он потерял часы за шестьдесят пять тысяч долларов. *Прекрасно.*

— Я собирался сказать «ходячее чудо». Как это случилось? И где, черт возьми, женщина, которая пожертвовала свою вену, потому, что я хочу пожать ей руку. Возможно, даже поцеловать ее. Разве я не говорил тебе, что кормление от людей не делает тебя лучше? Немного дампирской крови было всем, что тебе нужно.

Майкл яростно глянул на Ронана, когда хищный рык зародился в его груди.

— Кого-то сегодня сильно уязвили, — заметил Ронан, прежде чем проглотить напиток. Он налил себе еще и пересек комнату, чтобы опуститься в одно из коричневых кожаных кресел с подголовником. — Я же уже извинился за то, что остановил тебя. Чего еще ты хочешь?

В тот момент, когда Ронан обратился к Майклу, дампирь в клубе сходились к нему взволнованной толпой. Все они стремились к большему количеству силы, которое он даровал им. Будто охваченная засухой земля после сильного дождя, они кормились внезапным взрывом силы, жгучая вина и горе прошли через него из-за того, что он так долго заставлял их голодать. Нежные эмоции никак не повлияли на связь. И пока его душа была возвращена ему сегодня вечером, он не волновался о столь сильных эмоциях. И все же он чувствовал это, даже сейчас. Всю их боль. Дампиры падали перед Майклом на колени, из-за большого оттока энергии он сам едва держался на ногах. Если бы не Ронан, Майкл все еще был бы там под массой нетерпеливых тел. Это была единственная причина, почему он не избил мужчину за то, что тот остановил его.

— Ты вряд ли можешь винить меня за мой энтузиазм. Или за мое любопытство. Я чувствую себя офигенно. И если я чувствую, что это хорошо, то ты должен...

— Взбешен.

— Перестань, — пожаловался Ронан на этот раз, потягивая виски с содой и льдом. — Ты чувствуешь себя живым. Бодрым. Будто можешь завоевать мир, и победить ваших врагов одним ударом. Я знаю, что ты чувствуешь, Михаил, — сказал он тихо. — И это не ярость.

Ронан был нетерпеливым дураком.

Майкл продолжал шагать по комнате, его расстройство усиливалось с каждым шагом. Расстояние между ним и женщиной уже было слишком большим, чтобы проследить за ней, и с восходом солнца возрастает шанс, что расстояние станет еще больше. Восторг Ронана будет недолгим, как только он обнаружит, что женщина — и источник возрождающейся силы Майкла — исчезла в ночи благодаря его несвоевременному появлению.

Найти пару в человеке было неслыханно. Поверил бы ему Ронан, если бы он ему рассказал? Майкл не был уверен, что верил в это сам.

— Ушла, — сказал он, прервав ход мыслей на этот раз. — Женщина ушла.

Ронан равнодушно пожал плечами.

— Насколько сложно выследить женщину-дампира. с которой ты поделился кровью? Кроме того, может быть, ты напугал ее своей... — Ронан махнул рукой вверх и вниз, — энергетикой темного принца. Как только она успокоится, то бегом вернется к тебе.

Невыносимо. Ронан молчал вздор о чем-то, о чем Майкл понятия не имел. Он сдавил переносицу, закрыл глаза. Если бы Эми была дампиром, она, возможно, узнала бы связь между ними и осталась. Именно Майкл позволил ей сбежать. Позволил ускользнуть ей сквозь пальцы. Его собственное смятение и шок взяли верх над ним. Он позволил Ронану отвлечь его. Позволил дампирам настичнуть его. И это был выбор, от которого было горько.

Воспоминание о ней, о ее мягкости в его руках, об открывающихся полных губах, когда сладкий вздох удовольствия коснулся его лица, завладел разумом, и Майкл широко распахнул глаза, только чтобы обнаружить снова плящущего на него Ронана. Тот изогнул бровь, его верхние и единственные короткие клыки, торчали в дерзкой улыбке.

— Ты воскрес, мой друг.

Преуменьшение тысячелетия. Майкл не знал, сколько из сегодняшних событий он должен рассказать Ронану. Было не справедливо давать мужчине — любому из них — ложную надежду. Особенно, если не было никаких шансов великого возвращения расы, как предполагал Ронан. Даже сейчас Майкл не мог понять, что произошло. Человеческая шлюха дала ему пропитание, поощрила биение его сердца, как каждый раз делала новая кровь, когда он питался. Но другая женщина — Эми — она создала истинное чудо. Просто ее присутствие возвратило ему душу, а вкус ее крови пробудил его силу. Он жаждал ее больше с каждой минутой. Как его душа могла быть привязана человеком?

— Серьезно, что тебя так взбесило? — Ронан драматично вздохнул и уставился на янтарную жидкость, взбалтывая ее в хрустальном стакане. Он сделал еще глоток и сурово глянул на Майкла. — Ты ведешь себя так, будто тебе огласили смертный приговор.

Будто вонзая меч в грудь друга, Майкл выплюнул.

— Человеческая женщина. Не дампир. Я не воскрес. Я потерялся. Мы потерялись. — Она потерялась.

— Не дампир? — повторил Ронан, будто не понимая. — Это невозможно. Я почувствовал свою силу. Чувствую до сих пор. Человеческая кровь никогда не могла...

— И все же, так получилось. — Майкл не понял, почему или как, но, тем не менее, это произошло.

— Хорошо, — сказал Ронан осторожно. — Значит, она — человек. Это странно, но не важно. — Под этой дорожкой дизайнерской одеждой был сильный мужчина, мужчина, достойный укуса Майкла. Но ни один дампир не был изменен почти за два века, и без постоянной силы крови, которую дала ему женщина, Майкл не мог рисковать жизнью

Ронана, пытаясь обратить его. Он останется дампиром, не знающим истинного происхождения. — Она могла быть русалкой, мне все равно. Она изменила тебя. Всех нас. Это все, что имеет значение.

— Думаешь? — спросила Майкл. Дампира было легко отследить благодаря кровным узам, связывающим их всех, но после того, как человеческая женщина достаточно отделилась от Майкла, отслеживание стало проблематичным. — И как ты предлагаешь мне найти эту... русалку? — Она могла быть гребаным единорогом. Возможность быть связанным с человеком также была из области мифологии.

— Ты не можешь ощутить ее, — сказал Ронан, когда осознание поразило его. Мгновение он молчал, и Майкл почти мог слышать, как крутились шестеренки в голове мужчины. — Но ты можешь чувствовать ее.

Конечно, он мог. Их души были связаны друг с другом. Все тело болело по ней, а яйца были тугими от нерастраченного семени. *Ты получила свое удовольствие; теперь дай мне мое.* Она сбежала от него, но испугалась, когда он произнес ее имя. Почему?

— Да. Но я не могу точно определить ее местоположение. — Что одновременно было и любопытно и невыносимо.

— Она пила из твоей вены?

Майкл раздраженно глянул на него.

— Что? Некоторые люди так делают. Он думают, это эксцентрично.

— Если бы она пила из моей вены, я, возможно, нашел бы ее независимо от расстояния. — Пока мысль о том, чтобы человеческая женщина испила из него, бежала жаром по его позвоночнику, и он сожалел, что этого не произошло, это не помогало ему найти ее.

— Не имеет значения, если она не глотала твоей крови, разве нет? Верно? У тебя есть ее кровь, и этого достаточно, чтобы установить связь. Связь может быть слабой, но она все равно есть. Мы просто найдем ее.

Майкл насмешливо фыркнул.

— Легко тебе так вежливо развлекаться, Ронан. Это не твоя пара пропала. — Майкл остановился, когда понял, что сказал.

Ронан подался вперед в своем кресле от восторга.

— Пара?

— Нет. — Майкл продолжил распахивать по комнате. — Я неправильно произнес.

— Хренушки, — сказал Ронан. Дампир встал, широко улыбаясь. — Что произошло между тобой и женщиной? И даже не думай врать мне, Михаил, потому что я знаю, что ты не просто взял ее вену.

Он знал? Даже сейчас ее аромат цеплялся за кончики пальцев, но контакт был невинен по сравнению с тем, что Майкл хотел сделать с ней.

— Я взял ее вену. — Были вещи, которые даже Ронан не должен был знать. — Больше ничего.

— Ты привязан. — Понимание акцентировало слова Ронана, когда он изучил Майкла широко распахнутыми глазами. — Человек вернула тебе душу! Твой мать, Михаил! Я знал, что ты был другим, но... Боже. Это переломный момент. Когда эта новость разлетится...

Майкл обнажил клыки, слова Ронана задели защитный инстинкт, побуждающий прибегнуть к насилию.

— Ты никому об этом не скажешь. Ты понял меня, Ронан? — Никто не должен знать о

его паре. Пока что. Только когда он сможет понять, что произошло, и как. Только когда она будет рядом, где он сможет защитить ее от тех, кто захочет использовать ее. Эксплуатировать ее. *Боже. Моя пара? Мысль снова поразила его. Невозможно.*

— Успокойся, Михаил. — Ронан поднял руки, будто сдаваясь, и подошел к бару, чтобы освежить свой стакан и налить еще один. Мужчина предложил тяжелый хрустальный стакан шестидесятилетнего «Macallan»³, и Майкл взял тот, с удовольствием наслаждаясь гладким жаром и теплом в животе, только так он мог наслаждаться, благодаря свежей крови, что разбудила его тело. — Я не хотел тебя обидеть. Я просто говорю, что мы должны найти ее как можно скорее.

— Я хорошо знаю, что нужно сделать. — Он прикусил язык и удержался от напоминания Ронану, кто сегодня удержал его от женщины. — Наши враги ждут в тени. Пробуждение нашего вида только подтолкнет их к действию. Если они узнают о женщине...

Тогда ничто не остановит их от поисков. Сортиари убьют ее.

Его пару.

Звериная ярость сковала грудь Майкла. Он потер грудь, чувствуя, вздувающуюся плоть шрама через рубашку.

— Они думают, что ты мертв, — ответил Ронан. — На самом деле, я не видел никаких доказательств того, что Сортиари еще существуют.

— Они так же реальны, как ты, мой друг, — заверил его Майкл. — Они везде и все видят. Сортиари узнают о моей привязке. И они придут за ней, чтобы ослабить меня. Я найду ее, — сказал он сквозь дымку едва сдерживаемой ярости. — И я уничтожу любого, кто посмеет встать у меня на пути.

Ронан улыбнулся и поднял свой бокал для тоста.

— Добро пожаловать обратно в мир живых.

Майкл проглотил напиток одним глотком.

— Это уж точно.

* * *

Ты получила свое удовольствие; теперь дай мне мое.

Она была там, в клубе, крепко сжатая в объятиях Майкла. Но во сне Клэр не оттолкнула его. Не сбежала. Вместо этого она отдалась ему, желая еще один поцелуй и легкий укус на шее.

Она извивалась в экстазе, ее страсть зажигала каждый нерв в ее теле восхитительным теплом. Майкл стянул ее брюки вниз, и они болтались на лодыжках, и Клэр скинула их, отчаянно желая, чтобы ничего не сковывало ее. Клуб был полон тусовщиков, двигающихся в такт тяжелому басу, будто единый организм. Клэр не обращала на них внимания, когда Майкл легко поднял ее, прижав спиной к прохладной стене.

— Покорись мне. Теперь ты моя.

— Да. — Слово звучало естественно, резонируя глубоко внутри ее души. Она была его, а он ее. Клэр знала это, как знала себя. — Я твоя, — сказала она, ее голос был едва слышным шепотом.

Он вошел в нее в тот самый момент, когда погрузил зубы в ее плоть. Клэр вскрикнула,

рванный, отчаянный звук, который разрушил ее. Она распалась. Вдребезги. Миллион частиц материи, которые отделялись и переформировывались, изменяя ее. Крик удовольствия от оргазма был настолько сильным, что она не думала, что переживет это. Тепло от посасывания Майклом ее плоти, будто сам акт, был всем, что могло держать его. Он вставлял ей с каждым глубоким посасыванием, увеличивая удовольствие Клэр. Одна большая рука потянулась к чашечке ее груди через ткань футболки, и она выгнулась на его прикосновение, издавая низкий стон, когда он коснулся большим пальцем чувствительной вершины жемчужного соска.

— Боже, — выдохнула она. — Не останавливайся. Не останавливайся, Майкл.

Он вставлял глубже, пронзая ее жесткой длиной. Низкий рык грохотал в его груди, дикий, животный звук, дрожащий над раскаленной кожей Клэр. Пульс стучал у нее в ушах, дыхание перехватывало. Она склонила голову на бок, предоставляя Майклу лучший доступ к горлу, которое он продолжал кусать, сосать, каждое давление его рта подталкивало Клэр к краю, пока у нее не осталось ни единой мысли. Она хотела, чтобы это никогда не заканчивалось...

Его имя слетело с ее губ, но не то, которое он говорил ей.

— Михаил! — Это было его настоящее имя, и, наконец, он каким-то образом дал ей его. Будто она была достойна узнать его. Произнести его. Он оторвался от ее горла с триумфальным ревом, темно-красные капли крови окрашивали его губы, кровь стекала с его четырех клыков.

Погодите-ка. Клыки?!

Паника затопила ее, смыв удовольствие, Клэр чувствовала себя подобно ветру против облаков. Его глаза светились серебром, это были вспыхивающие в темноте глаза хищника, и с той же животной свирепостью он уткнулся лицом в ее горло еще раз, острый укус его клыков пронзил ее кожу. Он напал на нее без жалости, яростно пил ее, руки Клэр ослабели и оцепенели. Ее ноги сползли с его талии, хотя он продолжал вставлять ей, каждый глубокий, предьявляющий права толчок. Ее голова склонилось на плечо, и мысли Клэр начали туманиться, дыхание стало поверхностным. Медленное биение ее пульса замедлилось еще больше. Один удар... Два. *Тук... тук...* пока он не замер в ее груди, и тьма не поглотила ее.

Клэр проснулась, тяжело дыша, ее сердце стучало в грудной клетке сильным стаккато. Она схватилась за горло, ища кончиками пальцев колотые раны, пока ее тело отходило от оргазма. Ее киска сжималась вокруг пустоты, в ней не было ничего, будто все пропало, как раз когда ее страх и паника заставили кровь мчаться по венам. Несмотря на страх, полностью осознав сон, Клэр хотела этого больше, чем когда-нибудь и чего-нибудь хотела в своей жизни.

Черт побери. У нее бывали какие-то странные сны, но от этого остался осадочек. Весь сон казался таким настоящим, что каждый момент въелся в память. Ощущения были невероятно реальными. Ее тело болело, будто она целый час занималась самым потрясающим грубым сексом в своей жизни. Боже, как он вставлял ей... У Клэр перехватило дыхание, когда прилив влаги коснулся бедра. И хотя она была испугана видом его торчащих клыков, и тем, что ее кровь окрашивала его злобный рот, она только хотела большего. Хотела ощутить укус на шее, жаждала еще одного потягивания, которое, казалось, распалало все ее нервы и доставало до самого ядра.

Она спятила, что ли?

Никто не возбуждался от таких странных мыслей. Но Клэр сильно желала

освобождения, несмотря на то, что она кончала снова и снова во сне. Казалось, она была ненасытной. Но, видимо, только когда дело доходило до таинственных незнакомцев, ласкающих ее в общественных местах.

Михаил.

Имя звучало правильным. Но откуда ей было это знать? Клэр перевернулась и проверила время на своем будильнике: только семь утра. Она спала меньше шести часов, но это было похоже на дни, проведенные в другом мире. В мире, куда она отчаянно хотела вернуться.

Как она могла чувствовать себя настолько связанной с кем-то, кого она даже не знала?

В несколько пинков она скинула с себя одеяло и простыню. Под ее потертой футболкой с логотипом группы «Nine Inch Nails» кожа была липкой и скользкой от пота. Боже, она вся горела. Она подняла руки и помассировала ими лоб, и тяжелые часы Патек съехали с запястья почти к локтю. Эти часы когда-то красовались на большом запястье, и только это заставило Клэр вспомнить, каким большим и внушительным было все остальное тело.

Нужно было отделаться от этого. Фактически, она встретила с препятствием дважды за ночь, она украла, и была готова получить наличные деньги. Но в последнюю минуту она передумала, не желая расставаться с единственной вещью, которая досталась ей от него. Это было полное сумасшествие. Особенно, когда ей были нужны наличные. И все же она была здесь, ночуя с проклятой вещью. Сумасшествие.

Прохладный утренний воздух целовал ее кожу, помогая Клэр проснуться. В последнее время ей слишком хотелось остаться в постели, очень хотелось вернуться в сон, на который она не имела никаких прав. Что произошло в Дьябло, три ночи назад доказывало, что Клэр потеряла разум. Настало время покончить с мошенничеством раз и навсегда. Слишком плохо, что у нее было мало наличных. Если она не собиралась продавать проклятые часы, ей было нужно выйти. Сегодня вечером. Она уже на пять дней просрочила аренду, и если она не заплатит владельцу завтра, ее просто выселят. Еще одна афера, пообещала она себе. После сегодняшнего вечера она уйдет со сцены. Конец. Finito. Donezo. Хватит.

— Клэр? Ты дома? — вместе со стуком в дверь раздался тоненький голосок Ванессы.

— Сейчас, милая. Просто дай мне минутку!

Клэр вылезла из кровати, нацепила толстовку, и направилась к двери. Сегодня был первый день в школе, и, несомненно, Карлин была с бодуна, или уже слишком под кайфом, чтобы помочь дочери подготовиться. Дерьмо. Ванесса позавтракала? У Клэр было немного еды, но, возможно, она могла приготовить для ребенка яичницу-болтунью и тосты.

— Привет, малышка, — поприветствовала Клэр, когда открыла дверь. Ванесса светилась, ее длинные светлые волосы были собраны в неаккуратный хвост, перевязанный розовой лентой. Она была одета в розовую рифленую юбку, и соответствующую белую блузку в розовый горошек. У Клэр сжалось сердце. Она была так горда за Ванессу. И, тем не менее, та была слишком молода, чтобы брать на себя такую ответственность.

— Ты посмотри! — Клэр отступила, чтобы позволить Ванессе пройти внутрь и пригладить рукой вычурную ткань ее юбки.

— Тебе нравится? Я сходила в магазин Тины, о котором ты говорила. Знаешь, она получила дизайнерскую одежду и вещи! Я купила этот комплект, и еще три других. Плюс рюкзак! — Ванесса повернулась, чтобы показать пастельно-розовый рюкзак, висевший у нее за плечами.

Клэр улыбнулась. Было не трудно сказать, какой любимый цвет у Ванессы.

— Потрясающе, — ответила она. — Ты выглядишь такой милой. Всем детям понравится твой наряд. — У Клэр не было таких теплых воспоминаний о ее собственных первых днях в школе, она была одета в мышиную, грязную одежду, ее высмеивали девочки, родители которых достаточно позаботились, и купили им новую симпатичную форму. Или хотя бы стирали их одежду время от времени. — Эй, почему бы тебе не повернуться и не позволить мне поправить твой хвостик? — Ванесса повернулась, и Клэр развязала ленту и сняла резинку, приладила выбившиеся пряди, расчесала ее волосы пальцами и собрала их обратно. — Ты купила какие-нибудь принадлежности? Тебе понадобятся карандаши, тетрадки и что-то еще.

— Да, — сказала Ванесса с улыбкой. Она вытащила свернутый листок бумаги из кармана юбки и помахала им в воздухе. — Я купила все, что написано в школьном списке.

— Я рада, — сказала Клэр с любовью. Она сцепила хвост резинкой и повторно завязала ленту. Были дни, когда она думала предложить Ванессе жить с ней. Но она знала, что, без прохождения через соответствующие инстанции, это не лучшая идея. Нет ничего более эффективного, чтобы усложнить себе жизнь, чем похитить чужого ребенка. — Ты что-нибудь сегодня ела? Я могу приготовить яйца и тост до школьного автобуса.

— Я в порядке, — сказала Ванесса. — Я оставила немного денег про запас, таким образом, я купила коробку батончиков мюсли и фруктовых салатов. Мы будем есть закуски перед ланчем, и так я сэкономлю их, чтобы поесть в школе.

Живот Клэр скрутило настолько сильно, что ее могло просто стошнить. Несмотря на свою дерьмовую жизнь, Ванесса была настолько уверенной и не обращала внимания на свои обстоятельства. Или она просто хорошо притворялась. Клэр знала об этом слишком много.

— Ну, думаю, что лучше пойти на автобусную остановку. Не хочу пропустить автобус. Я просто хотела показать тебе свою одежду.

Ванесса пошла к двери, Клэр последовала за ней.

— Хорошего первого дня, — сказала она, когда открыла дверь. — Я хочу все об этом услышать, ладно?

— Хорошо, — ответила Ванесса. — Пока, Клэр!

— Увидимся, малышка.

Сердитые слезы жалили глаза Клэр, когда она закрывала дверь. С одной стороны она хотела удочерить Ванессу, а с другой стороны — держаться от нее как можно дальше. Оставшаяся боль, которую чувствовала Клэр, была слишком сильной, и она вытаскивала воспоминания, которые годами пыталась похоронить.

У Клэр разбивалось сердце от мысли, что такие простые вещи, как подержанная одежда и дешевый рюкзак, так обрадовали Ванессу. И от того, что девочка гордилась тем, как выглядела, и взволнована, что у нее мало батончиков мюсли и фруктов, чтобы съесть на ланч. Клэр посмотрела на Патек, болтающийся у нее на запястье. Она могла купить Ванессе новую одежду, купить для нее достойную, здоровую еду, если она просто продаст чертову штуковину. Но даже обдумывания возможности расставания с этими часами открывало дыру в груди Клэр.

Ты не ее мать, Клэр.

Верно, но кто-то же должен быть ею?

Настроение Клэр испортилось, пока она готовилась к своей смене. Несомненно, сегодня это было для нее лучом света. Она надеялась, что сегодня получит не слишком много дерьма. И хотя горечь не повлияет на ее способность хорошо обслуживать клиентов, сегодня

для нее это будет чудом. Она может быть не готова расстаться с часами, но кое-какие бедные чурбаны в городе помогут ей сегодня. Хотят они того или нет.

После быстрого душа и английского кекса, она вышла из квартиры. Она остановилась у блока 216, впиваясь взглядом в дверь, будто та могла загореться. Клэр занесла кулак над дверью, готовая выместить свое расстройство на досках. Череда сердитых оскорблений сидела на кончике ее языка. Тирада, которую она желала вывалить на Карлин в течение многих месяцев. Кулак Клэр дрожал от едва сдерживаемого гнева, и ком размером с гусиное яйцо застрял в горле.

Что хорошего принесло бы высказывание своего мнения Карлин? Это изменит поведение горе-мамаши? Вразумит ее? Вырвет ее из зависимости и превратит в ответственного родителя?

Клэр знала ответ. Единственное, что она сделает — разозлит Карлин, и та отыграется на Ванессе. И это не то, чего она хотела.

Девушка сделала вдох и направилась по коридору. Нет никакой пользы от того, что она будет держаться за гнев из прошлого. Потребовалось много усилий, чтобы забыть это, и она не могла позволить себе возвращаться обратно. Отправить положительную энергию во Вселенную, и Вселенная неизбежно отправит тебе что-то хорошее в ответ. Она просто должна напоминать себе об этом.

Ладно, Вселенная. Можешь начинать посылать хорошее в любое время.

Она была более чем готова принять одну или парочку хороших вещей в свою жизнь.

— Вот заказ.

Клэр подошла к окну, где стояли две тарелки с бургерами и картошкой фри, с другой стороны окошка стоял Ланс, владелец закуской и по совместительству единственный повар, и улыбался.

— Могу я получить салат, когда у тебя появится минутка? Очевидно, «Это салат дня».

Ланс хихикнул на издевательский тон Клэр.

— Я разберусь с этим.

Официантки могли повернуть кучу афер множеством различных путей. Все дело в управлении людьми. Говорить им, что они хотели слышать, уделяя им внимание, заставляя их чувствовать себя важными и главными. И направлять их к тому, что она хотела получить от них. В этом случае хорошие чаевые. С заработком Клэр все около двух долларов в час от Ланса, остальной ее недельный заработок определялся чаевыми. Поэтому для ее благополучия было крайне важно, чтобы она убедила каждого из своих клиентов оставить ей с трудом заработанные деньги.

— Вот ваши бургеры, — Она поставила тарелки перед двумя мужчинами за столом, — и я скоро вернусь с кетчупом и горчицей. Могу я принести вам что-нибудь еще, парни?

Она посмотрела на застенчиво выглядящего парня и подмигнула. Его щеки вспыхнули, и он широко ей улыбнулся.

— Думаю, у нас все есть. Спасибо.

— Ну, вы, парни, крикните, если что понадобится, ладно? — Дать им почувствовать, что они здесь главные.

— Конечно. Спасибо.

— Вот твой салат! — позвал ее Ланс из кухни.

Когда Клэр пересекла закусочную и подошла к окну обслуживания, прозвенел звонок над входной дверью в закусочную. Она бросила беглый взгляд на дверь и увидела входящего человека в черных брюках и черной рубашке с тонким белым воротником у горла. Хотя она никогда не была особенно религиозной, что-то в поведении священника показалось ей неправильным. Возможно, это были его черные как уголь волосы и такие же темные глаза. В сочетании с его черным монашеским одеянием его внешность была в целом более зловещей и менее успокаивающей, чем утешающая энергетика, которую вы бы хотели получить от члена духовенства.

— Здравствуйте! — Клэр поприветствовала его яркой улыбкой, когда она обошла стол. — Проходите и располагайтесь, где понравится. Я подойду через минутку.

Клэр почувствовала, будто крошечные лапки насекомых побежали по ее позвоночнику, это включило внутренние датчики предупреждения Клэр. Она посматривала краем глаза, как священник сел на один из высоких табуретов у прилавка и положил руки перед собой, сложив пальцы, будто в молитве.

— Ты в порядке, Клэр? — Ланс вытянул шею из окна и осмотрел зал. — Ты выглядишь немного не в себе.

Она нервно усмехнулась и поставила тарелку с салатом на металлический столик у зоны обслуживания.

— Да, я в порядке. Просто немного холодно.

— Тебе лучше не болеть, — упрекнул он игривым тоном. — Нельзя, чтобы тебя тут не было.

— Не волнуйся, Ланс. Ты не избавишься от меня в ближайшее время.

Клэр не спускала глаз с салата, но она чувствовала, что взгляд священника следовал за ней. Она поставила тарелку за стол номер пять.

— Могу я принести вам еще что-нибудь?

Женщина оторвалась от своего iPad.

— Нет, спасибо.

— Хорошо, тогда, наслаждайтесь. И сообщите мне, если вам что-нибудь понадобится.

На мгновение она сбилась с шага от нерешительности. Ее желудок сжался в комок, когда она приблизилась к прилавку, захватив меню со стойки около кассового аппарата. Она нацепила самую широкую, отвратительную улыбку, которую смогла найти, и положила меню перед священником.

— Мы весь день подаем завтрак, поэтому не стесняйтесь заказывать что-либо из меню. Просто крикните, когда будете готовы.

— Хорошо. Спасибо.

Его губы сложились в обольстительную улыбку, от которой у Клэр по коже побежали мурашки. Фу. Если она и раньше думала, что священник был жутким, то только что по шкале жуткости он добрался до десятки. Он источал странное спокойствие и сверлил ее взглядом, да так, что Клэр чуть не решила бросить свою игру. Ни за что на свете этот парень не был настоящим священником. У него был свой интерес. Она видела жуликов насквозь, и этот парень был на крючке.

Она просто должна была выяснить, каков был его интерес.

Ее чувство неловкости усиливалось с каждым мгновением. Клэр занялась работой, вытирая столы и снова наполняя сахарницы и солонки, но даже этого было недостаточно, чтобы отвлечь ее. Насколько она могла сказать, священник ни разу не взглянул на меню. Скорее он казался более заинтересованным, изучая ее, темные, бесчувственные глаза следили за каждым ее движением, будто глаза хищника в ожидании прыжка.

Жулики были супер защищенными на своих территориях. Как медведи в лесах, они не слишком хорошо играли с другими и часто патрулировали свои владения, убеждаясь, что ни один из поселенцев не приблизится к их охотничьим угодьям. Клэр знала, было бы ошибкой нырять в тот бассейн. Возможно, священник был здесь, чтобы передать сообщение. Что-то вроде, *держись подальше от моей улицы, или я схвачу тебя.*

Не хорошо.

И как животные, хороший жулик мог почувствовать запах страха. Она всегда хорошо разбиралась в людях, а священник был спокоен и сдержан с самого прихода. Это означало, что Клэр должна была держать свое дерьмо при себе. Она не могла показать признак слабости. Если ей повезет, то она отделается предупреждением. Худшим вариантом будет, если он попытается побить ее, чтобы убедительно доказать свою точку зрения. Это будет не первый раз, когда ее убеждали физически, но Клэр собиралась сделать все, что в ее силах, чтобы избежать этого сегодня вечером.

— Вы готовы сделать заказ? — Она сжала карандаш настолько сильно, что подумала, он мог сломаться.

Священник слабо ей улыбнулся и сказал:

— Просто кофе. Черный.

Конечно. Такой же черный, как и его душа, несомненно.

— Конечно. — Клэр придала своему голосу оживление, когда схватила его чашку. —

Кофе без кофеина или бодрящий?

— На ваш вкус. — Та же нервнирующая улыбка.

Она схватила кофейник с подогревателя и налила кофе в чашку. Она пододвинула ему чашку, но он не сделал движения, чтобы взять ее, просто холодно наблюдал за ней.

— Сахар прямо там, — сказала Клэр. — Сообщите мне, если вам еще что-нибудь понадобится.

Боже. У Моны Лизы не было ничего похожего на улыбку этого парня.

Клэр подавила дрожь, когда обходила закусочную, проверяя другие столы. Ей было жаль, что они не были заняты сегодня вечером. В любом случае ее мозгу нужно было отвлечься. Леди Салата оплатила свой счет и оставила чаевые в размере пятидесяти центов... не много... пока парни с гамбургерами все еще трудились над своей картошкой. Поэтому Клэр нечем было заняться, кроме как провести немного времени со священником. Потрясающе.

— Что вы здесь делаете? — спросила она с жизнерадостностью, которую не чувствовала. — Могу я принести вам кусочек пирога? У нас сегодня великолепные голландские яблоки.

— Нет, спасибо. Кофе достаточно.

Его голос был ровным и гладким, будто покрывал ее чувства маслом. Его слова давили на нее, или это просто усталость поднимала свою уродливую голову? Так или иначе, в животе Клэр все завязалось в тревожный узел.

— Скажите, вы здесь живете? Я знаю большинство моих прихожан, но я должен признаться, не думаю, что когда-либо видел вас на мессе.

Верно. Будто он был отдаленно обеспокоен тем, что никогда не видел ее в церкви.

— Нет, я живу на другом конце города, — ответила Клэр, ложь легко слетела с ее губ. — И я не католичка.

— Как печально. И все же вы ездите сюда на работу? — Священник изогнул темную бровь.

— Нужно устраиваться на работу там, где есть место. — Клэр сделала вид, что сосредоточена на своей бесполезной работе, наполняя бутылочки кетчупом и делая много чего еще. Ничего, чтобы произвести на него впечатление, что она уделяла ему много внимания. — И билет на автобус стоит дешево.

— Честная работа для честной жизни, — заметил священник. — Скажи мне, Клэр, ты живешь честной жизнью?

Она носила бейдж, но, тем не менее, то, что священник произнес ее имя, запустило адреналин в кровотоки Клэр. Интимный шепот, которым он произносил каждую букву, походил на нежелательную ласку. Ее пульс участился, будто бабочки устроили бунт в ее животе. Было что-то серьезно пугающее в этом парне.

— Прошу прощения, но та жизнь, которой я живу, не ваше дело. — Даже если он был священником, он не имел никакого права задавать ей этот вопрос. Очень любопытный?

— Но я боюсь, что это мое дело, Клэр.

Он посмотрел ей в глаза, и впервые Клэр поняла, что его радужка была настолько темной, что она не могла даже различить зрачок в их почти черных глубинах. Ее интуиция верещала. *Опасность! Беги. Уходи, сейчас же!*

— Кто вы? — спросила Клэр, в ее теле вспыхнул жар. Она обнаружила, что трудно сделать вдох, у нее болели легкие.

— Я просто делаю Божью работу. — Он толкнул пятидолларовую купюру через прилавок и сполз с табурета. Без лишних слов он повернулся и вышел из закуской.

Колокольчик над стеклянной дверью звякнул в знак протеста, когда священник вышел, и Клэр судорожно выдохнула и резко облокотилась на прилавок. Она склонилась над его чашкой, отметив, что он не сделал ни глотка. Пятерка осталась лежать на столе, нетронутой. Клэр не хотела брать ее. Не хотела иметь с ним ничего общего.

— Что это было? — спросил Ланс из кухни.

— Может быть, он просто очень любит быть священником? — предположила Клэр с нервным смешком. — У нас здесь столько интересных людей, Ланс.

— Это ты сказала. Давай просто будем надеяться, что он больше к нам не придет.

Так или иначе, Клэр сомневалась, что сегодня вечером это будет последняя ее встреча со священником.

* * *

— Три ночи, — прорычал Майкл. Его возбуждение росло с каждым часом неспособности найти ту, которая ощущалась его кожей. — *Ничего.*

— Лос-Анджелес — большой город, Михаил. — Как всегда, голос разума и оптимизм Ронана было не так легко раздавить. — Если бы ты позволил мне привлечь дополнительную помощь, наши шансы найти ее были бы гораздо лучше.

— Нет. — Майкл не мог позволить, чтобы кто-нибудь о ней узнал. Он доверял Ронану свою жизнь, и для одного человека это было чересчур. У Майкла не было ничего, кроме ее имени — Эми — и ее крови в его венах. Этого должно быть достаточно, чтобы найти ее. Но так как она была человеком, отследить ее было не так просто, как он надеялся.

— Ты — босс, — сказал Ронан со вздохом. — Но нас всего лишь двое, Михаил. А город слишком большой, чтобы прочесать его за ночь.

Верно. Они работали, опираясь на условие, что Эми жила где-то около ночного клуба. Но после первой ночи Майкл не смог найти ни следа ее аромата. Он не чувствовал ее присутствие вообще. Это означало, что она не жила вблизи клуба, а значит, ему и Ронану надо было обыскать весь город. Они могли бы также искать одну снежинку среди снежной бури.

Майкл подсчитал, что если бы она была в пределах двадцати миль, то он смог бы ощутить ее. Только центр города составлял почти пять тысяч квадратных миль. В этом случае, кровь уйдет из него, прежде чем он сможет найти ее. *Черт возьми.* Он должен был ощутить присутствие своей души, но никогда больше не увидит ее? — Мы теряем драгоценное время. С этим Майкл мог согласиться. — Мы начнем в долине, и будем идти обратно.

Ронан откинулся на спинку стула и стал рассматривать жидкость в своем бокале.

— Это хорошее место, как и любое другое, чтобы возобновить поиск. — Он бросил косой взгляд на Майкла и нервно откашлялся. — Я думаю, что ты должен покормиться. — Низкий рык прогреготал в груди Майкла, и Ронан провел рукой, будто пытаясь успокоить

его. — Твоя сила слабеет, Михаил. Я не думаю, что это легко.

— Я больше не буду питаться, пока не найду ее. — Упрямо? Возможно. Но он принял решение после первого укуса. Он никогда не будет питаться от других. Если он будет морить себя голодом, пусть будет так.

— А что насчет меня? Насчет других? Разве мы не имеем право питаться?

Дампирам была нужна кровь намного реже, чем вампирам. Четыре раза в год. Сердца Дампиров бились каждый день, не только когда они пили. Их тела функционировали, усваивали пищу. Пить кровь было не обязательно. Особенно, когда они могли опираться на запасы силы Майкла для питания.

— Слопай чизбургер.

— Ты — долбаный ублюдок. Ты это знаешь?

Майкл вздернул бровь.

— Я?

— Да. Ты. И ты знаешь, что это означает, Михаил, поэтому не думай, что ты можешь предложить мне Биг Мак и считать, что я буду доволен.

Натиск эмоций, который испытал Майкл за последние несколько дней, начал сказываться. Он не хотел быть таким бесчувственным. Ни Ронан, ни дампиров не заслужили его презрения. Но ничего, когда Майкл найдет свою пару, это сгладит острые края.

— Скажи честно, Ронан. Ты хочешь, чтобы я нашел женщину ради моего собственного благополучия или ради своего? Я знаю, ты ждешь, что мы найдем ее.

Ронан поморщился.

— Это ранит меня, Михаил. После всего, через что мы прошли?

Слова Ронана умили ярость Майкла. Он торжественно посмотрел на Ронана.

— Это не то, чего ты желаешь?

Ронан тяжело вздохнул.

— Конечно. Я просил тебя об этом многие десятилетия. И теперь, когда у тебя есть возможность дать мне это, почему бы мне этого не хотеть?

Действительно, почему? Это было неотъемлемое право Ронана, в конце концов. У него были сердце и сила воина. Конечно, он тяжело бы перенес переход. Майкл знал по своему опыту, каково было чувствовать себя таким незаконченным. Неполным. И только одно существо на земле могло сделать ему подарок, который изменит его, сделает его тем, кем он родился.

Вампиром.

Это был подарок силы, которую получал только достойный. Переход — даже для дампира — был жестоким. Сильным. И жертва — собственная душа — была не тем, что можно было с легкостью отдать. Знание, что могли пройти десятилетия, тысячелетия, прежде чем он найдет женщину, которая привяжет его, казалось, не имело значения для Ронана. Не имело значения, что ни один из обращенных Майклом дампиров за прошлый век, не пережил процесс. Но теперь все было по-другому. Если бы Майкл смог найти свою пару и сохранить свою силу, он был уверен, что Ронан выживет. Он был чертовски упрям, чтобы умереть. В любом случае он переживет изменение только, чтобы подтвердить точку зрения. Майкл ценил упорство мужчины. Он был более чем достоин.

— Если мы найдем ее, — сказал Майкл, — Я изменю тебя. Даю тебе слово.

— *Когда*, — подчеркнул Ронан. — Когда мы найдем ее.

Помимо упорства, Ронан был оптимистичным дураком.

— *Когда* мы найдем ее. Клянусь.

— Вот и хорошо. Давай оторвем наши задницы и примемся за поиск.

Ронан имел право быть превращенным. Как и многие дампирьы. И Майкл молча поклялся, что он не остановится, пока не найдет женщину. И не возродит расу вампиров.

Смена Клэр была жесткой. Непрерывающийся поток клиентов весь день был большим для закусочной, но не настолько большим для нее. Она почти передумала выходить, но угроза выселения отправила ее на поиски легких денег. Господи, она устала. Итог ее стараний этой ночью оказался плодотворным, хотя она нарушила собственные правила, появившись в том месте, в котором уже была.

Она получила достаточно, чтобы покрыть арендную плату, и потом еще две игры. *Продуктовый магазин, я иду!*

Клэр вышла из бильярдной и посмотрела через улицу на кроваво-красный знак Дьябло. Там было тихо ночью понедельника, толпа тусовщиков отсутствовала на тротуаре снаружи. Ее ноги, будто двигаясь самостоятельно, перевели Клэр через улицу. Она не входила. Пара пронеслась мимо нее на пути к входу, и она сделала шаг в сторону, вытянув шею, чтобы увидеть, что происходило в клубе, прежде чем двери закрылись. Просто, потому что он был там один раз, еще не значило, что он будет там снова. Вот почему она не шла внутрь.

— Сегодня за вход двадцать баксов.

Не совсем уверена, как успела добраться от тротуара до входа, Клэр посмотрела на парня, открывающего дверь. Если она не входит, то почему вручила ему двадцатку? Он схватил ее за руку и поставил печать ей на запястье, оставив красные вилы, которые выделялись на ее бледной коже.

Ладно, значит, она зайдет. Но только на секундочку.

В клубе было значительно спокойнее, чем три ночи назад. Немного менее интеллектуальная клиентура. Клэр заказала кока-колу за пять долларов — *это грабеж* — таким образом, она не будет похожа на полного фрика и также займет ее руки, чтобы не волноваться. Поскольку прямо сейчас она нервничала, как кузнечик в поле высокой травы. Что она сделает, если увидит его? Просто подойдет и скажет:

«Эй, помнишь меня? Вероятно, нет, потому что ты был под кайфом, но я просто хотела сообщить, что ты подарил мне лучший оргазм в моей жизни. О, и я вполне уверена, что одержима тобой. И еще — я украла твои часы».

Клэр, ты — шикарная женщина.

Определить, что таинственного Майкла сегодня там не было, не заняло много времени. Клэр боролась с разочарованием, поселившемся в животе, как стопка тяжелых блинов из закусочной. Было глупо тащиться почти двадцать километров через весь город сегодня вечером. Конечно, она говорила себе, что добыча в бильярдной была легкой, и поэтому она вернется ко второму раунду. Но не поэтому она потратила сорок долларов, чтоб приехать сюда на такси. Она пришла, чтобы найти *его*.

Это было жалко и внушало тревогу.

Клэр незаметно подошла к бару, решив допить пятидолларовую содовую всю, до последней капли, прежде чем уйдет. Это будет не слишком сложно, учитывая, что в стакане было всего пару глотков. Особенно со всем льдом, который бармен закинул в стакан. Клэр фыркнула. Бар всех выжимал подчистую. Эти парни надували людей ночью, и это было полностью законно. Кстати говоря, о милом деле...

— Могу вам еще что-нибудь предложить?

Клэр изучила свой почти пустой стакан и сказала бармену:

— Ха, больше ничего. Хотя... — *Не делай этого, Клэр. Не будь той девочкой.* — Я подумала, не помнишь ли ты парня, который был здесь пару ночей назад? Реально высокий, мускулистый. В дизайнерской одежде. Выглядит как один из рейверов. Он сидел в ВИП-зале. — Слишком поздно. Она официально попала на официальную территорию сумасшедших сталкеров.

— Прости, — ответил ей бармен. — Тут слишком много народу бывает. Ты знаешь его имя?

Да, но не настоящее.

— Майкл? — она больше спросила, чем сказала.

— Что это? — рассмеялся бармен. — Не фамилия?

— Нет.

Так, не только она чувствовала себя отчаянным сталкером, она вполне была уверена, что бармен тоже разделял ее мнение. Он печально ей улыбнулся и покачал головой.

— Прости, хотел бы я тебе помочь.

— Не волнуйся, — сказала Клэр с нервным смешком. Она обычно не смущалась, но это был новый уровень даже для нее. — Хорошей ночи.

— И тебе, — сказал бармен, кивая ей.

Боже, Клэр, ты — неудачница.

Она покинула Диабло совсем немного подавленной. Она должна была быть хладнокровной карманницей. Женщина, которая отказалась от эмоций, теперь подчинялась им. Она никогда не гонялась за парнем и даже не беспокоилась о своей личной жизни. Еда и деньги, чтобы платить за электроэнергию, всегда были приоритетами. Перед ней никогда не вставал вопрос о мужчине... *До чего, Клэр? До него?*

Как это жалко.

Она вызвала такси и сказала водителю высадить ее на автобусной остановке на пересечении Сансет и Миллер. Ни при каком раскладе она не собиралась торговаться с таксистом, готовым вести ее только за пятидесятидолларовую банкноту. Она уже потратила впустую сорок долларов, чтобы добраться до клуба и еще двадцать пять долларов за несчастные пятнадцать минут в Диабло. Проезд на такси до автобусной остановки стоил ей еще пяти баксов. Она уже выбросила семьдесят из своей записки в четыреста долларов. Хорошо, что сегодня была ее последняя ночь. Поскольку Клэр серьезно теряла свое умение.

Металлический браслет Патека впивался в ее бедро, и Клэр топталась на месте, вытягивая ноги, чтобы достать их из кармана. Она не должна была брать их с собой. Должна была оставить их под матрасом или спрятать в гриппер и засунуть в сливной бачок туалета для сохранности, где у нее были другие сокровища. По некоторым причинам, тем не менее, она не могла расстаться с часами. Она проследила пальцами по гребням браслета, прикоснулась большим пальцем к кристаллическим граням.

Что, черт побери, с ней было не так?

Клэр должна была вырваться из той жизни, в которой выросла, нарушив порочный круг дисфункций, и все это поднимало всю ту хрень о психологическом здоровье. Следовать за кем-то, у кого, очевидно, был подробный перечень своих собственных проблем, было не лучшей идеей. Он, вероятно, был наркоманом. Лгуном. И бог знает, кем еще.

Разве ты сама не врушка и не мошенница? Это путь к жизни по двойным стандартам.

Но она не была наркоманкой. Она никогда не глотала таблетки и не курила ничего крепче сигарет. Она никогда не втыкала в себя игл и ничего не нюхала. И не похоже, что у

нее когда-либо была такая возможность. Даже алкоголь был щекотливой темой у Клэр. Она редко пила, и большую часть времени использовала алкоголь в качестве отвлечения, выпивала и притворялась, что пьет. При любом раскладе она хотела иметь ясную голову.

И почему-то в течение одной краткой, удивительной встречи, этот человек — *незнакомец* — разгадал ее. Как?

Такси высадило ее на углу Миллер, как раз когда к остановке подходил автобус. Клэр бросила водителю пять долларов и понеслась через улицу, едва успевая запрыгнуть в автобус, прежде чем тот отъехал. Она пробилась к задней части автобуса — *отлично, ни одного свободного места* — и схватилась за металлический поручень в проходе, чтобы удержаться от падения на задницу, когда они влились в ночное движение. Лос-Анджелес действительно был городом, который никогда не спал. Не говоря уже о том, что это был город миллиона автомобилей. Никто не заботился об окружающей среде?

О, кого она обманывает? Если бы у нее была машина, она путешествовала бы на ней по всему городу точно так же, как и все остальные. В ее защиту можно было сказать, она была полностью за гибрид. Клэр стало горько, когда пейзаж из причудливых витрин и роскошных клубов сменился на бедную часть Лос-Анджелеса, которую она знала, но конечно не любила.

Неожиданно в груди Клэр будто щелкнули выключателем, наполнив всплеском сильных эмоций. От чувства восторга у нее перехватило дыхание и перекрыло зрение. *Майкл*. Станный инстинкт, который никогда не подводил ее, сказал Клэр, что он был близко. *Как? Почему? Но самое важное, где?* Она наклонилась вперед, мимо двух очень раздраженных пассажиров и заметила гладкий, черный, как уголь, спортивный автомобиль на противоположной полосе движения. *Там*. Она заметила Майкла, сидящего на пассажирском сиденье, и в течение краткого момента их взгляды встретились. Автомобиль поехал мимо автобуса, и Клэр переместилась, прижавшись к заднему стеклу. Майкл повернулся на своем месте, пристально посмотрел на нее. Во вспышке красных стоп-сигналов автомобиль начал тормозить, визжа шинами, раздались сердитые гудки, когда транспортное средство полностью остановилось прямо посреди улицы.

Черт побери. Что, черт возьми, происходит?

Автобус продолжал двигаться по своему маршруту, водитель не обратил внимание на замешательство Клэр. Майкл был в том автомобиле. Она чувствовала его присутствие, как будто он стоял около нее. Крик поднялся в ее груди, желая приказать, чтобы водитель остановился, и это было слишком сильное желание, чтобы ему сопротивляться. Он был там, их разделяла всего лишь длина футбольного поля... две... три.

— Остановитесь! — Слово слетело с ее губ. — Остановите автобус!

Все взоры обратились к Клэр, но ей было все равно. Ей нужно было выйти из автобуса. Она не могла объяснить это, но желание было за гранью разума. Потребность в нем растянулась в пространстве между ними, уходя глубоко в ее душу и вцепляясь острыми зубами, не желая отпускать.

— Это срочно? — спросил водитель через интерком. — Я позвоню в девять-один-один, если это чрезвычайная ситуация.

— Эм, нет! — прокричала Клэр в ответ. Ей стопроцентно нельзя посещать Лос-анджелесский полицейский департамент. Правило аферы, не нуждающееся в объяснениях: избегать полицейских любой ценой.

— Тогда вы можете выйти на следующей остановке, — ответил водитель автобуса. —

Потому что у меня есть расписание.

* * *

— Стоп! Останови машину. Сейчас же, Ронан!

Сначала Майкл подумал, что ему показалось. Как было возможно чувствовать ее так сильно среди непрекращающегося потока машин и тел? Но ее присутствие горело в его душе негасимым огнем, иссушившим его за мгновение до того, как он заметил ее в автобусном окне. Клыки Майкла вырвались из десен, с силой разрывая плоть. Он сжал голову руками, когда Коллектив напал на него, воспоминания пробуждали вековой инстинкт, с которым он не мог справиться.

Моя.

Конечно, Ронан ударил по тормозам, автомобиль занесло на улице города, низкопрофильные шины Астон Мартин визжали. Вокруг них автомобилисты сигналили клаксонами, высовываясь из окна и ругаясь матом. Майкл стиснул зубы от давления Коллектива, его два набора клыков прокололи нижнюю губу от напряжения. Кровь закапала в рот, сладкий вкус в сочетании с близостью его пары разжигал его жажду.

Расстояние между ними выросло, растягиваясь внутри него, пока каждое сухожилие не натянулось, пока каждая мышца не стала дрожать от напряжения. Майкл попытался открыть дверь, металл застонал от его силы. Ронан схватил Майкла за воротник, чтобы удержать его внутри, и он повернулся к своему другу, клыки были обнажены, когда дикий рык вырвался из его горла.

— Успокойся, Михаил. Позволь мне уехать с этой чертовой улицы, прежде чем кто-нибудь въедет нам в зад или решит надрать тебе уши. — Ронан был явно взволнован, его зрачки светились серебром. Как с любым животным, потребовался небольшой акт агрессии, чтобы заставить вампира — или дампира — защищаться. Это закончилось бы ужасно, если бы Майкл не взял себя в руки, и ему был нужен весь его острый ум, если он собирался найти свою пару. Автобус проехал уже около квартала... и даже больше. Слишком далеко для его душевного спокойствия и роста.

Майкл сдержался и вздохнул, вдох был ни глубоким, ни успокаивающим, когда Ронан повел автомобиль и встал на первое доступное парковочное место. Ронан заглушил двигатель, Майкл зажал переносицу, когда сделал еще несколько глубоких вдохов в бесполезном усилии, черт возьми, успокоиться.

— Ладно, теперь ты можешь выйти.

Майкл вырвался из автомобиля, спотыкаясь, гул внезапной жажды понесся через него.

— Я все еще могу чувствовать ее, — рявкнул он.

Майкл судорожно дышал. Хотя он жаждал человеческой крови, жаждал ее тела и хотел силы, которая она могла ему дать, он попытался убедить себя, что основные желания были финалом того, куда вела его навязчивая идея. После сегодняшнего вечера, он с уверенностью знал, что лгал себе.

— *Родственная душа*, — прошептал Майкл. — Человек действительно моя пара.

И она была близко.

Клэр помчалась к передней части автобуса, нервно подсакивая от избытка энергии. Следующая остановка была через пять кварталов, но это было слишком далеко. Мысль о том, что Майкл все еще был рядом, завязала внутренности Клэр в тугий узел тревоги. Эйфория росла в груди, и все, что она могла сделать, это удержаться от того, чтобы встать на ногу водителю и заставить его ускориться до следующей остановки. Она сбежала вниз по лестнице и ждала у двери, прежде чем автобус смог полностью остановиться, дверь открылась, и она выскочила на тротуар. Клэр побежала в ту сторону, где автобус встретился с черным автомобилем, внутри которого она видела Майкла. Что, черт побери, она делала? Это было безумие! Но, пока она думала о сумасшествии и о том, каково это разыскивать призрака, она продолжала идти вперед.

Торопливо шагая по тротуару, Клэр попутно рылась в сумочке, ища маленький перцовый баллончик и нож, которые носила с собой все время. Она взяла перцовый баллончик в левую руку, а нож — в правую. Лезвие было всего четыре дюйма длиной, не достаточное, чтобы покалечить, но сработает при захвате. Она до сих пор была серьезно на взводе от беседы со священником, который приходил сегодня в закусочную. Клэр уже давно не чувствовала себя в безопасности.

В этой части города было больше темных углов, чем ярко освещенных улиц, и в каждой тенистой аллее таилась опасность. Теннисные туфли Клэр будто шептали с каждым шагом по тротуару, и ей требовалось усилие, чтобы не бежать от каждой отбрасываемой тени. В джунглях хищники Лос-Анджелес включались в охоту, как звери в лесу, когда добыча начинала бежать. Она напросится на неприятности, если побежит. И поэтому, несмотря на желание ускориться, она шла осторожно и размеренно. Просто невинная прогулка по ветхим и заброшенным микрорайонам Лос-Анджелеса.

— Ты не должна бродить одна ночью, Клэр. Демоны прячутся в тенях.

Из самой тени раздался голос священника, он вышел из переулочка в тридцати футах от нее. Хотя она была готова ко второй встрече с ним, он не стал выглядеть менее жутко. Следил за ней? В темноте ночи, белки глаз исчезли совсем, словно став блестящими обсидиановыми шарами. Чернильные пряди его волос, казалось, колыхались на несуществующем ветру, расходясь волнами, как мириады змей над головой. Его черты лица и были такими угловатыми и резкими раньше? Страх жаром разгорелся в желудке Клэр, кислота вспенилась, и жжение поднялось в горло.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но не смогла. Будто в тот момент в светской беседе не было необходимости. Этот человек хотел причинить ей вред, и это было единственное, о чем Клэр должна была волноваться. Она сжала руку вокруг перцового баллончика, ее палец лег на спусковой механизм. Карманный нож был последним средством, и она надавила на лезвие большим пальцем, готовясь воспользоваться им в случае необходимости.

Священник медленно направился к ней, его спокойная походка вразвалку напоминала Клэр животное на охоте. Его черная обувь из лакированной кожи не издавала ни звука, когда он шагал по тротуару, словно бетон специально хотел заглушить его присутствие.

— Ты не бежишь от меня, Клэр. Почему?

Да, Клэр, какого черта? Она сделала одно глубокое успокаивающее дыхание, а потом еще одно, и расправила плечи, готовясь стоять на своем. Он хотел, чтобы она побежала.

Хотел гнаться за ней по пятам. Клэр не собиралась дарить ему такое удовольствие. С малых лет она знала, что должна была стоять на своем, если хочет жить так, как нужно. Она ни за что не побежит от этого жуткого козла, потому что он так хочет.

— Поверь мне, приятель, за свою жизнь я повидала достаточно страшных вещей. Меня не так легко напугать.

Он помолчал.

— В самом деле?

В мгновение ока он оказался перед ней. Клэр отшатнулась, дрожь пробежала по ее позвоночнику. Как, черт побери, он это сделал? Секунду назад их разделяли три автомобиля, а затем он оказался прямо перед ней. Он склонил голову набок, изучая ее, как одно животное изучает другое. Глубокий мускусный запах пронизывал воздух, и Клэр подавила рвотный позыв, когда священник наклонился к ней, принюхиваясь как собака.

— Он взял твою кровь, — прошипел священник с голодной улыбкой. — Не сомневаюсь, что он будет выслеживать тебя.

Клэр шагнула в сторону и проложила несколько необходимых шагов между ней и священником. Мало того, что он был жутким; у чувака также, очевидно было яиц шесть, а то и дюжина.

— Слушай, я не хочу проблем. Я не хотела воровать на твоей территории. Я больше не окажусь в районе клуба. На самом деле, я больше не планирую воровать ни в каких районах. Урок выучен. Поэтому давай просто разойдемся и закончим на сегодня, ладно?

Он широко и жутко улыбнулся, обнажив зубы, выглядя еще больше похожим на животное. Пульс Клэр подскочил, и струйка страха просочилась в кровь. *Боже*. На что она смотрела? Сильная рука схватила ее, и Клэр подняла перцовый баллончик, прицелившись в глаза священнику и нажав на спусковой крючок.

Он потряс головой, сбрасывая перцовые капли. Кроме этого действия, он не подал никакого знака, что это подействовало на него. Клэр ошарашено на него уставилась. Едва уловимым движением священник протянул руку и схватил ее за горло. Кожей она ощутила, каким горячим он был, он сжал пальцы на ее шее под челюстью, и она вскрикнула от боли.

Она хрипела, пытаясь вырваться из его захвата.

— Отпусти меня... сукин ты сын!

Правой рукой она ткнула его ножом между шеей и плечом. Он судорожно вздохнул, схватил ее запястье другой рукой и стал выворачивать его, пока у нее не осталось выбора кроме как отпустить нож или сломать руку.

— Ты испачкалась, Клэр. — Его зловонное дыхание ласкало ее лицо, ее желудок сжался, грозя опустошить его содержимое. — Испортилась. Тебя отметил сам зверь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Ее голос был похож на наждачную бумагу, когда она боролась с ним, но он держал ее неумолимой железной хваткой. Парень мог составить серьезную конкуренцию любому чемпиону ММА⁴, и это о многом говорило, учитывая, что он, возможно, весил около сто сорока фунтов, плюс — минус пять. — Пожалуйста... — Напускная храбрость, которую она чувствовала, была давно в прошлом. Жила она на улице или нет, Клэр не была безголовой, и она знала это. — Пожалуйста, просто отпусти меня.

— Я не могу сделать этого, Клэр. Судьба должна быть переписана.

Щупальца черного ползли по его белкам, растекаясь темными жилами и окрашивая всю нежную кожу его век. Пьянящий, мускусный запах усилился, и Клэр накрыла тошнота, она

проглотила желчь, скопившуюся в горле. Она судорожно и мелко дышала в цепкой хватке священника, и он начал медленно поднимать ее с земли, пока только кончики пальцев ее ног не стали касаться тротуара.

Он отпустил запястье Клэр, и она сразу же сцепилась в его руку. Она пинала его, но с тем же самым успехом она могла бить ногами кирпичную стену.

— Я не убью тебя, Клэр, — сказал священник почти ласково. Он держал ее на весу в воздухе, будто мог поддержать ее всю ночь без усталости. — Во всяком случае, пока. Но я не обещаю не причинять боли. Я так люблю делать больно.

Он отпустил Клэр, и она рухнула на землю. Острая боль пронзила бедро от падения на бетон, но Клэр было не до этого. Она боролась за свободу, ее ногти скребли по тротуару, пока она пыталась встать, скользя гладкой подошвой теннисных туфель. Позади нее раздался скрежет металла о бетон, и сердце Клэр чуть не выпрыгнуло из груди.

Она встала на ноги как раз вовремя. И побежала так быстро, как нетвердые ноги могли ее нести. Жуткая тишина позади не слишком успокаивала ее страх, поскольку она знала, что священник был совсем рядом.

С нечеловеческой скоростью он обогнал ее, его тело нерушимой стеной предстало перед ней. Клэр влетела в него и упала назад, ударяясь головой о тротуар. Белые огни засверкали перед ее глазами. Она пыталась встать, но ноги отяжелели, а голова кружилась. Священник оседлал ее талию. Извращенное предвкушение мерцало в его глазах, и чернильная тьма проглотила белки глаз полностью. Как это возможно? Его темно-розовый язык высунулся и облизал губы, когда он поднес клинок к правой щеке Клэр.

— Настало время пустить немного крови. — Он наклонил лезвие под углом, так что острый край уперся в щеку Клэр. — И выманить вампира из укрытия.

* * *

Крик боли его пары донесся до Майкла, в груди запылал жар, их связь взывала к нему, как ничто другое не могло. Без слов он рванул вперед и направился в сторону ее криков.

Он побежал быстрее, здания мелькали перед глазами, когда он преодолевал городской квартал. Он остановился в паре шагов от женщины, которую искал, только чтобы найти ее надежно удерживаемой в объятиях священника. Но это был не обычный священнослужитель, и даже не человек. Зверь крепко держал пару Майкла у своего тела, одной рукой он сжимал ее горло, другой — маленький нож у ее яремной вены. Кровь текла по ее щеке, аромат разжег жажду Майкла, подпитывая его гнев. Священник, склонил голову, его пристальный взгляд уперся в Майкла, он провел языком по щеке пары Майкла, смакуя ее кровь.

Из горла Майкла вырвалось рычание. Он сделал шаг вперед, и священник прижал лезвие к тонкой плоти горла девушки.

— Сделаешь еще шаг, вампир, и я пролью ее драгоценную кровь. Я затоплю нею улицу, и ты будешь наблюдать, как она умирает.

— Дерьмо. — Голос Ронана за Майклом прозвучал робко и растерянно. — Это чертовски не хорошо.

— Нет, — ответил Майкл, все еще глядя на священника, который держал свой призм. — Это не так. Убийцы нашли нас, Ронан.

Сортиари приехали в Лос-Анджелес, и этот наемник хотел убить его пару.

Красный туман безудержного гнева затуманил зрение Майкла. В его мозгу билась одна единственная мысль — устроить мучительную и кровавую смерть твари, которая посмела причинить вред его паре. Страх пропитал воздух едким запахом жженого пластика. Ронан напрягся рядом с ним и сделал два шага назад. Яростный рык прорезал тишину, и тротуар задрожал под ногами Майкла.

— Спокойнее, вампир. — Глаза убийцы мерцали, как обсидиан. Он потянул девушку глубже в тень переулка. — Я все еще ее держу.

Спокойнее? Майкл собирался разорвать горло ублюдка.

Убийца еще раз провел по щеке языком, пробуя ее кровь. Майкл оскалился от оскорбления, пока убийца насмехался над ним.

— Сладкая, — прошипел зверь. — Неудивительно, что ты так сильно хочешь ее.

Майкл сделал шаг вперед, и убийца надавил крошечным ножом, разрезав кожу Клэр. Ручеек крови сочился вниз по ее шее, и жажда Майкла полыхнула жаром в горле, отвлекая его от мыслей о расправе.

— Подойди и испей из нее.

Будто мотылек, неотвратно тянущийся к пламени, Майкл сделал медленный шаг вперед, затем другой. Сладость ее крови заглушала резкий запах страха, желание попробовать алые капли приводило его в состояние безумия и полнейшей потери контроля.

Взгляд Майкла сузился на ленте красного цвета, которая блестела на бледном горле его пары. Она боролась с хваткой убийцы, ее огромные глаза светились от страха. Ее голос был не громче шепота, губы еле шевелились, когда она произносила «Михаил».

Боевой клич сорвался с губ Майкла, крик яростью зарядил воздух. Черные глаза убийцы пылали предвкушением, а губы сложились в высокомерную ухмылку. Его действия были размытым темным пятном в тенях, когда он пихнул пару Майкла вперед. Отвлечение, что и говорить, но Майкл не собирался рисковать ее хрупким человеческим телом. Он подхватил ее прежде, чем она растянулась на тротуаре. Он смотрел на убийцу, а лже-священник перехватил поудобнее серебряный кинжал и вытащил осиновый кол из-за широкого пояса на талии.

— Защити ее, Ронан. — Когда убийца сделал выпад, Майкл извернулся и передал Клэр в руки Ронана. Кинжал вспыхнул серебром и обжег бицепс Майкла, когда лезвие рассекло рубашку и оцарапало кожу.

Сортиари были осмотрительны и хорошо обучали берсерков, создавая отлаженные машины для убийства. С нечеловеческой скоростью убийца снова ударил, в этот раз попав в торс Майкла. Тот зашипел, загоня боль в глубину сознания и вытаскивая кинжалы из ножен. Больше не обороняясь, Майкл атаковал, резал и колол, его движения размылись, заставляя убийцу отступить.

С каждым взмахом руки Майкл чувствовал прилив сил, от каждого соединения с телом противника трепет, ощущения разбегались по его телу, как лесной пожар. Убийца был быстр, каждое движение было точным. Хорошо обученный и смертельный противник, с которым Майкл никогда не сталкивался; но он не позволит убийце победить. Они не сумели убить его два века назад, это не произойдет и сейчас. Он отбил атаку кинжала снизу, и убийца воспользовался случаем, зашел слева, плотно держа в руке серебряный кол. Майкл

выгнулся и ударил нападавшего в живот, убийца отлетел назад, приземлившись на асфальт с хрустом сломанных костей.

Тем не менее, этот ублюдок кинулся на Майкла, внешне никак не выражая, что почувствовал какую-то боль. В тисках жажды битвы берсерк был почти непобедим. Он почти мгновенно исцелялся от травм. Рожденный для войны, он был машиной для убийств. Идеальным убийцей.

Убийца будто переместился во времени, его скорость поразила даже Майкла. В мгновение ока убийца был рядом с ним и белый горячий болт боли пронзил его плечо и левую руку, когда серебряный клинок погрузился в его плоть. Рука онемела, пальцы разжались, и кинжал упал на асфальт, звеня металлом.

Майкл опустился на колени, и у него за спиной закричала Клэр, звук ее страданий резал глубже, чем любое лезвие Сортиари. Убийца занес руку, когда сказал:

— Мы — Судьба. — Он быстро атаковал нисходящим ударом и замер, остановившись чуть выше груди Майкла.

В темных глазах убийцы промелькнуло неверие, что-то забулькало в его горле. Кровь хлынула из его рта, когда Майкл погрузил другое лезвие в плоть врага, проходя через кожу, сухожилия и мышцы. Майкл распорол горло убийцы мощным движением, и темно-темно-красная жидкость вылилась из раны, струясь по черной ткани одежды священника.

Кровь действительно затопила улицы сегодня вечером, но это была не кровь пары Майкла. Низкий рык вырвался из горла, когда он позволил убийце упасть на землю, будто марионетке, которой обрезали нити. Звуки борьбы привлекли внимание Майкла. Он развернулся и обнаружил, как женщина бешено пинается и борется с Ронаном, отчаянно пытаясь освободиться из его хватки.

— Отпусти меня, придурок!

— Михаил? Не сможешь?

Ронан выглядел таким же потрясенным, как убийца, когда нож вошел в его плоть. Ронан держал женщину, только отмечая, что она брыкалась и кричала. Ее глаза были широко распахнуты от страха, а бешено колотящееся сердце гнало кровь по венам, эхом отзываясь в ушах Майкла.

— Спокойнее, — сказал он, приближаясь к ней. Руки в крови убийцы, рубашка в пятнах — это, несомненно, делало Майкла похожим на монстра. Он поднял свой упавший кинжал с земли и вложил оба клинка в ножны. Убийцам не будет пощады. Ни один из них не получит почетную смерть.

— Не прикасайся ко мне. Отвали от меня!

Ее грудь поднималась и опускалась от учащенного дыхания, и, несмотря на то, что ее поддерживал Ронан, она шаталась.

— Эми...

— Это-не-мое-имя! — Слова прозвучали безумным плачем. — Пусти. Меня. Сейчас же! — Она снова пнула Ронана и сумела высвободиться из его захвата. Она споткнулась и упала на тротуар лицом вперед. Рычание назревало в груди Майкла, от того, что она так мало заботилась о себе. Девушка отползла подальше, поднялась, потом снова споткнулась и подползла к кирпичному зданию позади нее.

— Т-ты убил того парня!

Утверждать очевидное — вероятно было каким-то защитным человеческим механизмом. Чтобы помочь себе разобраться, свидетелем чему она только что стала. Ее

страдания причиняли боль Майклу, но, пока она не позволит успокоить себя и заверить, что она в безопасности, страхи будут владеть ней.

— Он намеревался тебя убить. Я не допущу, чтобы какое-либо существо, причинившее тебе вред, жило.

Майкл сделал к ней шаг, и она побежала, как мышь, пойманная лисьим взглядом, используя стены переулка в качестве опоры, чтобы удержаться на ногах. Он сделал еще один шаг к ней, и она всхлипнула от страха, звук резал его глубже любого лезвия убийцы.

— Попробуйся успокоиться. — Майкл сделал медленный шаг вперед и приблизился к своей женщине, в мольбе протягивая руки. Она прижалась к кирпичам, будто те могли поглотить ее страх. Страх, сочившийся из пор, жег его ноздри и маскировал сладкий аромат ее крови. — Я не собираюсь делать тебе больно.

— Хрена-с-два.

Ронан улыбнулся.

— Да ладно, мы, ну, он... — влез он, кивая подбородком на Майкла, — только что спас тебе жизнь. Ты действительно думаешь, что мы хотим навредить тебе?

Ее пульс замедлился, и она уставилась на Ронана так пристально, что приступ ревности вспыхнул в груди Майкла. Он издал ворчание, которое завибрировало в горле.

— Не надо, парень. — Ронан бросил взгляд на Майкла.

Майкл проглотил остатки агрессии, выдвигавшей клыки из пульсировавших десен. Он понизил голос, исключительно для нее.

— Сделай глубокий вдох. Соберись с мыслями. Ты *знаешь*, я не причиню тебе вреда.

Его пара отошла от стены, больше не пытаясь стать единым целым с кирпичами. Она сделала судорожный вздох, потом еще один.

— Может, и нет. — Она пристально посмотрела на Майкла. — Но я все еще не доверяю тебе.

* * *

Несмотря на страх, который потряс ее до костного мозга, сердце Клэр заходило в груди при виде Майкла, стоящего в пяти шагах от нее. Это было сумасшествие. Полный бред. Звезда ее ночных эротических снов только что жестоко убил человека. Чертовым ножом! Конечно же, убудок собирался распотрошить ее, как индейку на День Благодарения, но все равно, это убийство. Ее разум отказывался понимать, что только что произошло. Никогда в своей жизни она не видела, чтобы кто-нибудь двигался так быстро, но они оба были не более чем размытым пятном, когда боролись. Вся драка пролетела в мгновение ока. Такого дерьма просто не бывает.

Она изучала мужчину, который подходил к ней, будто она была опасна. Ха! Тоже еще, шутка века. Он был немного меньше Майкла, хотя не менее внушительный. Мужчина произносил то имя, которое Клэр говорила во сне — Михаил — это разожгло ее любопытство. И, несмотря на очень, очень опасную ситуацию, ее инстинкт и в самом деле говорил ей, что ей нечего бояться этих людей.

Другой мужчина — Ронан, она подумала, что его так зовут — улыбнулся, и Клэр моргнула, вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть, и снова моргнула. Те клыки шли из его

десен? Боже. Она слышала о людях, модифицирующих свои тела, раздваивающих язык, как у ящерицы, или вживляя усы, как у кошек, но она никогда не видела ничего такого. *Серьезно, клыки.* Священник использовал слово «вампир». Клэр вспомнила о своем сне... *Что. Это. Черт. Возьми?* Возможно, эти парни были какими-то ненормальными косплейщиками? Она видела в Лос-Анджелесе много хрени, но это превзошло все.

— Здесь не безопасно. Нужно уходить. Сейчас же.

Мистер Высокий, Мрачный и Заботливый был немного на взводе.

— Что случилось? — Обвинение вспыхнуло в ее тоне. — Волнует полиция?

Его бирюзовые глаза заглядывали прямо ей в душу.

— Вряд ли. Где есть один убийца, скоро появятся и еще. Мне нужно отвести тебя в безопасное место прежде, чем нечисть вылезет из своих нор.

— Я буду в порядке и сама. Спасибо.

Его взгляд потемнел, а губы сложились в насмешливую ухмылку.

— Ты пойдешь со мной.

Глаза Клэр расширились от недоверия. В отличие от его приятеля, в верхней челюсти Майкла красовалось два комплекта клыков. У кого-то были деньги, чтобы выкидывать их на ненужные стоматологические работы? Может быть, на этот раз ее инстинкты обманули ее.

— Слушай, друг, я родилась ночью, но не прошлой. — Его взгляд скользил по ней, покровительственный, хищный, и она поежилась. — Я не прыгну со сковороды в огонь только потому, что ты говоришь, что я должна. — Срань Господня, даже в крови, и выглядя, как убийца с топором, он возбуждал ее. *Идиотизм!* Но неважно, как сильно она хотела прикоснуться к нему, поцеловать его и сделать гадкие, *гадкие* вещи с ним, Клэр не собиралась поддаваться на его бред.

Майкл скользнул мимо своего друга, и Клэр оцетинилась. Каждый отдельный нерв в ее теле ощущал его, разжигая тепло, из-за которого она краснела и потела. Ее тело было сексуально-озабоченным предателем, отвечая на его массивное тело темное, задумчивое выражение лица, и почти раздевший ее догола взгляд. Тот же низкий, восхитительный рокот, который свел ее с ума в клубе, вибрировал в его груди, и она держалась, чтобы не повалить его на тротуар. Ее разум начинал думать, что тело, возможно, было на правильном пути. *Блин, Клэр, соберись!*

Неважно, как сильно она хотела его, он все еще был опасен. Паника росла в ней, как вода во время прилива, и шаг Майкла сбился, будто почувствовал изменения.

— Прости, но, черт побери, я никуда с тобой не пойду. — Никто не обманет мошенника.

— Боюсь, это не обсуждается. — Его голос проходил через нее, и Клэр начинала размякать. — Ты пойдешь со мной. Конец дискуссии.

Клэр фыркнула. Майкл был любителем женщин, не так ли? Она обратилась к Ронану.

— Он всегда такой настойчивый?

Ронан пожал плечами.

— Боюсь, что да.

— Это плохо для тебя, *Майкл*, потому что я настолько же упряма, насколько ты напористый. Во-первых, ты солгал мне. Я не ценю это. Во-вторых, я не позволяю незнакомым, не говоря уже о парнях, думающим, что каждый день является Хэллоуином, тащить меня черт знает куда. И в-третьих, была это самооборона или нет, ты только что убил человека. — Паника вспыхнула в ней вновь, заглушая чувство восторга, наполнявшее грудь.

Она посмотрела на место на тротуаре, где лежал ее обидчик в луже собственной крови, и сглотнула желчь, скопившуюся в горле. Она должна была уйти отсюда. Сейчас. Одна. — Ты как хочешь, но я сваливаю отсюда, пока не появилась полиция и не упекла нас всех в тюрьму.

Майкл блеснул улыбкой, и Клэр не могла не заметить, что его клыки были длиннее, чем у Ронана. Он сделал шаг к ней, и она напряглась.

— Тише, — сказал он, когда прижал подушечку пальца к своему клыку и проколол кожу. Из раны хлынула кровь, и Майкл протянул руку, помазав порез на щеке Клэр, который оставил тот ублюдок. Сладкий жар залил ее кожу, и она почувствовала толчок. Ее дыхание сбилось, и когда он отстранился, она прижала пальцы к месту, которого он только что коснулся, и обнаружила гладкую кожу, рана мгновенно зажила.

— Боже Милостивый, — выдохнула она. — Что ты сделал со мной?

Порыв самодовольного удовлетворения излучало сердце Клэр, и она была поражена осознанием того, что это не свое удовлетворение она чувствовала. Эта ночь может быть еще более сюрреалистичной?

— Я не волнуюсь по поводу властей, — просто ответил Майкл.

У Клэр отвисла челюсть, и она мысленно встряхнула себя. Она растерялась и должна взять себя в руки. Сейчас же.

— А должен. Когда они увидят твою окровавленную одежду и мертвое тело там, ты с тем же успехом мог бы нацепить оранжевый комбинезон⁵, если понимаешь о чем я.

У него снова появился этот взгляд самодовольного превосходства, и Клэр сдвинула колени, чтобы не дать им трястись. *Серьезно, что с ней случилось?*

— В ближайшее время его братья уничтожат все доказательства его смерти. Вот почему мы должны уйти. Хватит пустяковых оправданий. Ты пойдешь со мной. *Сейчас же.*

Упрямая женщина!

Ее эмоции были будто маятником, она сразу испугалась и запаниковала, а через минуту разозлилась и стала подозрительной. С того мгновения, как Майкл взял ее кровь, его сердце начинало замедляться. Оно перестанет вообще биться за считанные часы, его внутренние органы вернутся в состояние покоя, пока он снова не покормится. Он отказывался пить из любого другого источника, кроме этой женщины, что означало, что ему придется снова взять ее кровь. Скоро.

— Ронан, подгони машину. Мы уходим.

Мягкие звуки шагов Ронана исчезли, когда он ушел за машиной, но Майкл смотрел только на свою женщину. Пока его сердце бьется, а ее кровь течет по его венам, он будет сильнее. Способнее защитить ее. Но если он не скроет ее в безопасности своего дома, то здесь скоро будет толпа убийц, и у них не останется выбора, кроме как сражаться. Ронан был умелым, но все равно только дампиром. Их легко настигнут, и с тем, чем Сортиари не справились век назад, будет покончено раз и навсегда сегодня.

Было много вопросов без ответов. Она назвала его лжецом, хотя сама призналась в состоянии безумного страха, что Эми не ее настоящее имя. Какой была эта женщина, к которой Майкла беспомощно тянуло? Он всегда предполагал, что его пара будет сильной, умной и благородной. Не говоря уже о том, что она будет ему подобной, его вида. Если она не такая, как он мог любить ее? В ловушке родственной связи с женщиной, которую он находил недостойной, будет судьбой хуже, чем могли себе представить кто угодно из Сортиари.

Он знал ее душу. И она горела ярким, чистым светом. Неиспорченной, и не важно, что она пыталась заставить его поверить в обратное. Возможно, у них обоих были свои секреты. Было так много вопросов без ответов, но у них не было времени.

Ее тело дернулось, едва заметный намек на то, что она готовилась бежать.

— Не думай убегать от меня, женщина. От этого будет мало толку. Я поймаю тебя прежде, чем ты сделаешь три шага.

Ее щеки запылали, и она разъяренно выдохнула.

— Сделай одолжение. Не называй меня «женщина».

Столько огня. Ее проявление неповиновения, однако, не скрывает сладкий аромат ее желаний. Она хотела его. Жаждала его так же, как и он жаждал ее. Человек не поймет смысл связи или саму связь, сложившуюся между ними, но не Майкл.

— Как мне тогда тебя называть, моя милая обманщица?

Издали приближалось урчание двигателя Aston Martin Ронана. *Слава Богам.* Майкл чувствовал себя некомфортно на улице, пока время неслось слишком быстро. Убийцы были превосходными следопытами. Ему нужно было проложить огромное расстояние между ними и их врагами как можно быстрее.

— Мы уходим.

Нерешительность появилась на лице женщины, и Майкл вздохнул. Она оттолкнулась от стены и побежала. Верный своему слову, он догнал ее в три быстрых шага, схватил за запястье и притянул к себе.

— Отпусти меня! — процедила она сквозь зубы, упираясь ногами и сжав руку в попытке

вырвать свои пальцы из его хватки.

Ронан остановился в нескольких шагах, и Майкл поднял Клэр на руки, ее вес не ощущался, словно она была перышком в его руках. Ронан вышел и открыл заднюю дверцу для Майкла. Ее протесты на данный момент для него имели мало значения. Понимала или нет, она принадлежала ему.

— Драться не хорошо, — сказал он, наклоняясь к ее уху. — Ты просто будешь мучить себя попытками.

— Ты не можешь просто схватить меня на улице и заставить пойти с тобой, придурок! — Она царапала его руку, но вырваться ей не удавалось. — Если ты запихнешь меня в ту машину, клянусь богом, я воспользуюсь первым же шансом, который появится.

Майкл отстранился и сверкнул холодной улыбкой. Ее золотые глаза уставились на его рот, и вспышка страха коснулась его чувств.

— Ты моя, я буду защищать тебя. *Моя*. Но я не постесняюсь, чтобы наказать тебя, если понадобится. — Слова прогремели низким рычанием в груди. — Если ты попытаешься сделать что-нибудь, чтобы причинить себе вред, последствия будут ужасными.

— Это похищение. — Слова уже вылетели из ее рта. — Сегодня вечером ты уже кое-кого убил; ты действительно хочешь добавить федеральное преступление в этот список? Отпусти меня. Я ничего не скажу, обещаю. Парень собирался меня убить. Ты спас мою задницу, и я ценю это. Я не буду говорить с копами, клянусь.

Майкл оставил свою добычу на заднем сидении. От этого движения у Клэр выбил воздух из легких, и она издала разъяренный вопль.

— Ты можешь заблокировать двери? — спросил он Ронана. Майкл посмотрел женщине в глаза. — На случай, если она решит воспользоваться возможностью.

Ронан закатил глаза и щелкнул кнопкой на внутренней части двери, а затем обошел машину и повторил процесс на другой двери.

— Никогда не думал, что мне придется использовать детские блокировки.

— Если она настаивает на том, чтобы вести себя как ребенок, то нам придется считать ее таковой, — ответил Майкл.

— Тише, мое сердечко, — ответил Ронан над крышей автомобиля, прежде чем открыть водительскую дверь. — Вся эта романтика душит меня.

— За нами могут следить, — сказал Майкл. — Прямой маршрут домой — не слишком хорошая идея.

— Ты ведешь себя так, будто это мое первое родео. — Ронан пристегнул ремень безопасности и вырулил на улицу. — Беспокойся только о защите нашего груза. Я побеспокоюсь о том, о чем нужно.

Вот что она. Груз. Редкое и ценное сокровище, взятое на ответственное хранение...

Шквал образов затопил Майкла, и он упал на колени, разрушая под собой тротуар. Он слишком долго отмахивался от Коллектива и теперь согнулся под тяжестью воспоминаний.

Пустота, где когда-то была его душа, заполнилась, почти до отказа. Связь побудила его рассмотреть все причины, и аромат женщины привели его в безумство. Ее воздействие на него было непостижимо, мгновенно меняя его. Он не мог удержаться от нее, вне зависимости от того, кем она была, или как пылко он мог пытаться отрицать их связь. Их души были связаны. Она, конечно же, тоже чувствовала ее, как и он. Сладость разлилась в воздухе, от возбуждения женщины у него встал, а клыки удлинились.

Майкл с силой потряс головой, будто мог убрать воспоминания. Для него это было

слишком, и изображения были не чем иным как вспышками, из которых он не мог вытащить ни капли смысла. Он схватился за голову, раскачиваясь, стиснул зубы, чтобы сдержать боль в черепе.

— Она достаточно сильна, — сказал он совету вампиров, сидящему перед ним. — Я молю вас позволить мне обратиться к ней.

— Это запрещено. — Этот ублюдок Алексей Аристов посмотрел на него с жестоким презрением. Как правитель всей территории России и многих ковенов, Аристов говорил на заседаниях совета, и его слово было законом. — Она не твоя жена, и не может быть. Нельзя быть связанным с человеком. Это невозможно, ты заблуждаешься. Она не переживет трансформации. Держи ее в качестве любовницы, если хочешь. Но это максимум, на что ты можешь пойти. Наслаждайся человеческим телом. Пей ее кровь. Но не стремись обратиться к ней. Если вы будете действовать вопреки решению совета, наказание за неповиновение — смерть.

Майкл ахнул, будто вынырнул из воды, после долго пребывания в глубинах. Он видел лицо отца через воспоминания вампиров, строгое, гордое. Еще один коллаж из изображений атаковал Майкла, и у него перехватило дыхание, будто он снова погрузился под воду.

Женщина обмякла в его объятиях, ее плоть была так бледна и холодна, что на мгновение он испугался, что убил ее. Он осушил ее, подведя к грани смерти, но он хотел доказать этим дуракам, что они неправы. Совет не знал, что это его пара. Она была достаточно сильной. Она хотела выжить. Он вскрыл свое запястье острым клыком и прижал рану ко рту своей возлюбленной. Когда багровые капли перестали течь, он снова вскрыл запястье, заставив ее принять его кровь. Сначала она не отвечала, и его сердце билось в бешеном ритме, когда его обуревал страх. Но вскоре она встрепенулась, сомкнула губы вокруг раны и с силой засосала. Ее руки вцепились в его запястья, когда она пила, а под плоскими краями ее зубов лопнула кожа, когда она остервенело пила.

Восторг витал в груди. Он знал, что она выживет. Так и знал. Она была его.

Надежда сменилась ужасом, когда она яростно вырвалась из его объятий. Она высвободилась, стала рвать волосы на голове и вытягивать длинные пучки из головы окровавленным месивом. Серебро блеснуло в ее зрачках, и изящные клыки вышли из десны. Но души женщины, которую он любил, больше не было и, кроме того, нить, которая связала их, привязала его душу к телу, разрезали. В ее диком, пустом взгляде, он почувствовал лишь безмозглое существо, корчащееся от боли.

Сильный крик вырвал из ее горла. Слезы текли по ее некогда румяным щечкам. Ее спина выгнулась, позвоночник трещал от напряжения, и он мог поклясться, что ее боль была его собственной. На ее бледных руках появились синяки, также на ногах и туловище, на подбородке и на плечах, будто ее тело отвергало кровь, которую он ей подарил. Ее крик пронзил ночной воздух, разносясь устрашающим эхом в тишине, будто ее тело замерло перед ним.

Кровь сочилась из носа и нежных ушек, а из ее красивых глаз текли багровые слезы. Ее рот был раскрыт в немом крике, это сразу уничтожило его.

— Нет! — прокричал он, накрывая ее своим телом, будто защищая ее от того, что она уже приняла от него. — Колеет! — Он укачивал ее на руках. — Колеет, не покидай меня.

Но время для мольбы прошло. Невозможно обратиться вспять ущерб, который он нанес. Ему следовало бы прислушаться к словам совета, но теперь было слишком поздно.

Его любовь умерла от его же рук.

Отчаянный вопль вырвался из груди Майкла, боль воспоминаний вампира, настолько реальная, будто он сам убил женщину. Звук эхом разнесся от стен переулка, задрезжали окна близлежащих торговых палаток. Такая судьба его ждала? Жить, не требуя своей пары, или рискнуть, и убить ее в процессе превращения?

— Михаил? — Ронан вылез из машины и подбежал к Майклу, в его глазах читался страх.

Майкл поднял голову и увидел Клэр, прижавшуюся к окну. Глубокая складка залегла у нее на лбу, а золотые глаза сияли с беспокойством. Боже, эмоций, отпечатавшихся у нее на лице, было достаточно, чтобы унижить его.

Так и должно быть.

— Я в порядке. — Он оперся рукой и встал. Отчаяние от всего того, что он почувствовал раньше, разорвало его, уничтожая его хладнокровие.

— Ты уверен? Михаил... — голос Ронана опустился до шепота, — ты должен поесть.

— Нет. Нам нужно уходить. Сейчас же. — Он скользнул на сиденье рядом с Клэр, которая продолжала спокойно изучать его. Даже уничтожение его расы ранило не так глубоко. Это была самоубийственная миссия. Как он мог отказать своему инстинкту быть со своей парой? Брать и отдавать кровь было необходимо для укрепления связи, и еще, если его воспоминания были верны, то она может и не пить из него. Быть с ней и сдерживаться от того, чтобы обратить ее, было так же губительно для него, как и обращение, которое может убить ее.

Ронан в последний раз изучающе посмотрел на Майкла, прежде чем он уселся за руль.

— Хорошо, мы уходим, — сказал он и вырулил на улицу.

Майкл не мог позволить себе привязываться к этой женщине. Не после того, что он только что увидел в памяти мертвого вампира. Возможно, для него было лучше, что она сопротивлялась ему. Он мог взять ее кровь, позволить ее жизненной сущности напитать свою силу, и больше ничего, если бы она презирала его. Ее ненависть помешала бы ему сделать что-то, о чем он будет, конечно, сожалеть.

Ветер пронесся через открытое окно рядом с ним, и когда Майкл успел среагировать, женщина уже висела над дверью, верхняя половина ее тела висела над улицей, проносящейся под ней. Ронан случайно бросил взгляд назад и машина вильнула.

— Дерьмо! — Он резко повернул руль, и они встроились обратно в свою полосу.

Майкл зацепился пальцем за шлевку ее джинс, пока она не вывалилась головой вперед из автомобиля. Он дернул ее внутрь, совершенно не мягко прижимая ее к своему телу, и она яростно глянула на него, да так, что плоть должна была расплавиться на костях.

— Ронан, ты не подумал закрыть окна, а?

Тот в ответ пожал плечами.

— Я не думал, что она и в самом деле попытается выпрыгнуть.

Очевидно, в этой женщине было мужество. Замечательная черта, но крайне раздражающая в нынешней ситуации.

— Я говорил тебе, что последствия будут страшны, если ты попытаешься навредить себе. Ты решила проверить меня, женщина?

— А я говорила тебе не называть меня так? — В темном салоне автомобиля ее глаза вспыхнули золотым огнем, а щеки — гневом. Тело Майкла ответило, и он проклял свою слабость. Как он мог держать ее на расстоянии вытянутой руки, когда жаждал ее тела и крови так сильно?

— Тогда как мне тебя называть-то?

Она вздернула подбородок.

— Никак не зови меня, *Михаил*.

С водительского сидения Ронан фыркнул.

Имя Майкла слетело с ее губ обвинительным тоном, и все же он очень хотел слышать, как она снова и снова произносит его имя.

— Пока ты не дашь мне имя, которым я могу тебя называть, я буду звать тебя «женщина».

— Тогда зови меня Эми.

Майкл повернулся и посмотрел ей в глаза.

— Нет. Так как ты уже призналась, что это не твое настоящее имя, я не буду называть тебя Эми.

— Между прочим, ты — лицемер, который сказал мне, что его имя *Майкл*.

Ронан повернулся и глянул, как бы говоря: «Ну, в этом есть смысл».

— Майкл — американизируемая версия моего имени. Вряд ли это можно назвать ложью.

Она язвительно усмехнулась.

— Также это вряд ли можно назвать правдой.

Относительно быстрая поездка за город стала длинным, извилистым путем, когда Ронан выбирал улочки и проселочные дороги, поворачивая в сторону Южного конца города до слияния с основной улицы.

— Думаю, мы достаточно хорошо замели следы. — Ронан переключился на повышенную передачу, когда вклинился в ночной трафик. — Пора убираться отсюда.

— Скажи мне, женщина, как убийца нашел тебя? — Несмотря на уверенность Ронана, Майкл внимательно следил за окружающими машинами, в любой момент ожидая нападения. Коллектив по-прежнему давил на его разум, и его сила слабела. Ронан был прав. Майклу скоро нужно будет поесть, и он не будет чувствовать себя в полной безопасности, пока они не вернуться домой.

— Убийца? — Она повторила слово так, будто оно было иностранным. — Я понятия не имею, о чем ты говоришь. — Медленный, смиренный вздох вырвался из ее груди. — И меня зовут Клэр.

* * *

В данный момент, что изменит, если они узнают ее настоящее имя? Кроме того, если он назовет ее женщина еще раз, она будет в ярости. Клэр встречала каких-то заклинателей в своей жизни, но Майкл был круче всех. Благодаря своему властному отношению, Клэр ставила его немного выше пещерного человека. Совершенно непривлекательно.

Так почему ее тело вибрировало, как камертон в темноте, от тембра его голоса? Почему она так разволновалась, когда он рухнул на землю, схватившись за голову своими большими ладонями? И почему — несмотря на свой страх — она знала, что Майкл лучше умрет, чем позволит кому-либо навредить ей?

— Убийца, который напал на тебя. Как он нашел тебя?

Будто добавив пару лишних слов, Клэр стало легче понять.

— Священник? Он пришел в закусочную вечером. И я не знаю, как он нашел меня. — Она отбросила теорию о том, что священник был еще одним карманником, пытающимся убрать ее со своей территории. Теперь она склонялась в пользу какой-то мафиозной войны. Очевидно, священник увидел ее с Майклом в Дьябло и подумал, что они были намного ближе, чем было на самом деле. Эту ошибку нетрудно было совершить, учитывая тот факт, что она облепила его, словно вторая кожа. — Кто бы ни был этот парень, он — псих.

— Что он сказал? — Теплый тон Майкла вибрировал через нее. Будто она могла не ответить, когда всего лишь несколько слов превратили ее тело предателя?

Клэр пожала плечами.

— Кучу всякого бреда, которое не имело никакого смысла.

Клэр подавила дрожь, когда вспомнила бесконечные черные глубины радужек священника, темные усики, которые бежали из глаз, и кровь на его коже. Его силу и скорость. Совершенно нереальные. И слова, которые заставили ее желудок завязаться в узел: *настало время, чтобы пустить немного крови. И выманить вампира из укрытия.* Не так она представляла все это. Она понятия не имела, чем эти ребята занимались, но она не хотела этого.

— Пожалуйста, — сказала она в последней отчаянной попытке спасти свою шкуру, — обещаю, что никому ничего не скажу. Прости, остановись и выпусти меня.

— Попытайся расслабиться, Клэр. — Майкл говорил так, словно пытаешься уговорить ее отступить. — Ты среди друзей. И в безопасности.

Она хотела назвать это ерундой, но его слова звучали правдоподобно. Проклятие. Ночь могла стать еще немного более сумасшедшей? Она действительно хотела узнать это?

Остальной путь прошел в тишине. Хотя она не могла видеть его в темноте салона автомобиля, Клэр почувствовала, как напряженность покидала Майкла. Энергия ударяла по ее коже, будто волны, разбивающиеся о берег. Чувство, будто что-то связывало их, как невидимой веревкой, нервировало ее. Она пыталась оттолкнуть ощущения, но когда она устроилась в мягком кожаном сиденье невидимая привязь, что связывало ее с ним, потянула ее. Она гадала, неужели он тоже это чувствовал?

— Так... во сколько тебе обошелся этот автомобиль? — Ей нужно было что-то отвлечься от странных вибраций в каждой клеточке тела. У Клэр никогда не было автомобиля-развалюхи, не говоря уже о том, чтобы она каталась на тачке стоимостью более десяти лет аренды. Когда еще у нее появится возможность поговорить о роскошных автомобилях с кем-то, кто в состоянии позволить себе такой?

— Приблизительно три семьдесят пять со всеми доп-опциями. — Ронан назвал цену Aston Martin Vanquish, будто это была содовая.

Под длинным рукавом рубашки Клэр холодный металл Патека ласкал кожу, напоминая о том, как она попала в этот бардак. Она держалась за эти чертовы часы, как за военный трофей, слишком жадничая, чтобы даже продать их. Майкл забрал ее сейчас. Он объявил ее своей собственностью, убил человека, чтобы завладеть ей. И теперь Майкл вез ее бог знает куда, предупредив, что он, не колеблясь, накажет ее за малейший проступок.

Боже Праведный, Клэр, ты сошла с ума? Она должна придумать план побега, не беспокоясь о благополучии одного похитителя при дружеской болтовне с другим о цене его конфетки. Она ни разу не сомневалась в своих инстинктах, что те направляли ее неправильно, но сейчас это было в первый раз. Возможно, она чувствовала себя в своей

тарелке с этими ребятами, но они были опасны. Смертельно. И очевидно, они спятили, учитывая тот факт, что они изменили свои зубы поддельными вампирскими клыками. Она не смогла выбраться из машины раньше, чем они бы заперли ее изнутри. Не имеет значения. Они скоро должны остановиться, и когда это произойдет, она сбежит.

Сорок пять минут спустя, Клэр глядела в окно на мерцающие огни Лос-Анджелеса с вершины высокого холма. Они были далеко от города, там все выглядело, как громадная Вселенная, звезды светили сквозь бесконечную тьму. Так жил один процент людей. Глядя вниз с небес, будто Боги Олимпа на землю. Ей просто повезло, что ее похитили парочка богатеньких психопатов. Ей придется терпеть пытки и испытание роскошью, как, черт побери, снежинке в аду.

И, в довершение ко всему прочему, казалось, что они планировали держать ее заключенной в долбаном замке. Охранники сидели в маленьком здании рядом с коваными воротами и ждали, чтобы пропустить машину. Кто, черт возьми, был этот Майкл, что ему для защиты была нужна небольшая армия? Она не сомневалась, что они были хорошо вооружены и даже прекрасно обучены. Невменяемый косплеер отступал назад, его место сейчас занимал начальник отдела по борьбе с наркотиками. *Твою ж. Мать.*

— Не завидую твоим счетам за электричество, — заметила Клэр, когда Ронан поехал по дорожке, окружавшей большой мраморный фонтан. За гаражом на шесть машин возвышался дом и тянулся на милю вдаль. Черт, Клэр видела отели в три раза меньше этого дома. В самом деле, ей было трудно понять, зачем кто-то был нужен такой большой дом. Небольшая деревня могла бы поселиться здесь, а шанс нарваться на соседа все равно был бы невелик. Клэр была уверена, что она могла бы здесь жить всю свою жизнь на деньги Майкла — или Ронана, или кого угодно — кто платил за это место.

Просто... вау.

Как по заказу дверь открылась, и из дома вышел мужчина, его тень легла в полоске света, льющегося сквозь затемненный портик⁶. Он подошел к машине и открыл дверь Майкла. *Ха.* Замок, в комплекте со слугой. Он хоть был верный? В любом случае, Клэр сможет выкупить свободу, а парень, на данный момент вежливо приветствующий их, мог быть ее билетом отсюда.

Они предположительно обменялись вежливыми словами, но они были слишком тихими, чтобы Клэр их услышала. Она пробормотала себе под нос в темноте задумчивым голосом:

— Ваше подземелье готово, Дживс. Кандалы для нашего пленника⁷.

С переднего сиденья Ронан прыснул от смеха.

— А у кого-то есть чувство юмора.

Она заерзала на сиденье и перегнулась через центральную консоль.

— Думаешь, я шучу?

Прежде чем Ронан смог ответить, ее дверь открылась, и Майкл наклонился, протягивая руку. Ничего похожего на джентльменские манеры, после принуждения женщины сесть в машину и ее похищения.

— Клэр, — сказал он невыносимо повелительным тоном. — Выходи.

— Мне и тут хорошо.

В его глазах мелькнуло серебро, и сердце Клэр подпрыгнуло в ее горло.

— Выходи, или я переброшу тебя через плечо и понесу внутрь.

Она сложила руки на груди и уселась поудобнее на сиденье. Никким образом она не

собиралась облегчать ему жизнь. Он мог пытаться запугать ее, но не получится. Даже его сумасшедшие глаза Риддика не уговорят ее выйти из машины. Поддельные клыки, странные контактные линзы. *Господи, кто эти парни?*

Майкл потянулся на заднее сиденье, и Клэр на секунду пожалела, что она не поддалась на его провокацию. Он схватил ее за ноги и повернул, пока она не разлеглась сиденье. Столько же гладко, как на водной горке, ее протащили по кожаной обивке и снова подняли в воздух, будто она ничего не весила. Визг протеста вспыхнул в ее горле, когда он закинул Клэр на одно массивное плечо, оставив голову болтаться за спиной, а ее волосы ниспадали почти до земли.

— Опустите меня!

— Я предупреждал. — С каждым шагом ее дыхание выбивалось из груди, и у нее не было выбора, кроме как мотаться туда, будто мешок картошки, либо вцепиться руками в его зад и держаться. — Я всегда довожу дело до конца, Клэр. Если ты настаиваешь на том, чтобы испытать меня, будь готова к последствиям. — Она пыталась игнорировать сплошные клубки мышц, несущие ее через парадную дверь, когда его дорогие брюки облегали классную задницу, на которую она смотрела.

— Да, — сказала она, гневно выдыхая. — Но... если ты... не опустишь меня... вниз, — черт возьми, она собиралась упасть в обморок из-за прилива крови к голове, — у нас будут серьезные проблемы.

— Убийцы нашли тебя. Они не остановятся, пока ты не будешь мертва. Я бы сказал, что у нас уже есть очень серьезная проблема. Разве ты не согласна?

Если это был сон, Клэр была более чем готова проснуться.

— Я знаю, прошло время, Михаил, но тебе действительно нужно освежить свои знания о том, как обращаться с представительницами слабого пола.

Майкл прищурился, но не удосужился взглянуть на Ронана. Нет, его взгляд был устремлен на Клэр, сидящую на плюшевом диване в гостиной так, словно она аршин проглотила. Взгляд был направлен прямо перед собой, а золотые глаза смотрели в никуда. Она обхватила себя руками, и на левой руке было что-то массивное, скрытое длинным рукавом рубашки. Пальцы Майкла дрожали, когда он смотрел на ее волосы — сияющий каскад золота — падающие ей на плечи шелковым полотном. Боги, как он хотел, запустить пальцы в эту длину.

— Ронан прав. — Алекс наклонился поближе к Майклу, будто беспокоясь, что Клэр может подслушать. — Это не ее мир. Это не корректировки, которые могут быть сделаны в считанные минуты. Все, что она знает, что ты — психопат.

Майкл бросил косой взгляд на мужчину и приподнял бровь.

Алекс пожал плечами и отвел глаза.

— Конечно, мы знаем, ты — не психопат. Я говорю о том, что ты должен попытаться быть с ней терпеливым. Облегчить ее положение.

Майкл медленно вздохнул. Будто привязывание его души было медленным и постепенным. Если бы он не был брошен в эту ситуацию? Огорошенный непосредственностью эффекта Клэр на него. Рядом с ним в баре сидел Ронан, помогая прикончить бутылку шестидесятилетнего Macallan. Как он мог быть настолько равнодушным после того, что произошло сегодня? А Алекс? Сортиари будут искать их, добавив еще один мазок к их и без того сложной ситуации. И вместо того, чтобы переживать об их скудной защите, эти двое хотят, чтобы он вспомнил о галантности?

— Я обращался с ней не плохо.

— Ты не расточал и нежной привязанности, — указал Ронан. — Я не хотел бы разочаровывать тебя, мой друг, но, как правило, женские сердца завоевываются не при помощи похищения и насилия.

Алекс поджал губы, широко распахнул глаза, будто был согласен с Ронаном. Но вместо того, чтобы высказывать свое мнение, Алекс ушел, оставив им обсуждение, Ронан налил еще виски и подвинул стакан в сторону Майкла. *Слава богам.* Тот сделал глоток, позволяя ликеру смыть возрождение жажды, обжигающей его горло.

— Я не заинтересован в завоевании ее сердца. Только в ее вене.

Они говорили шепотом, хотя Клэр смотрела прямо перед собой, фактически игнорируя их. Где была огненная женщина, которая умоляла его о внимании в ночном клубе? Женщина, которая попыталась бросить ему вызов час назад на темной улице? Почему его все это волновало? Она была здесь только по одной причине: чтобы дать ему кровь и силу, в которых он нуждался, чтобы возродить свою расу.

Вампиры и дампиры по человеческим меркам обладали многими схожими чертами. Они хищники, охотники. Они сражались, как звери, защищали своих близких, подобно животным. Жаждали свою пару со свирепостью диких зверей. И был некто, кто позарился на их собственные души. Бездуховное существование вампиров было воспринято, как мерзость, несмотря на перспективу привязи. Пара Майкла будет рассматриваться как угроза. Любое

существо, которое стремилось причинить вред его паре, будет уничтожено.

— Нужно предпринять определенные шаги, чтобы гарантировать ее постоянную защиту.

— Время занять круговую оборону, — ответил с ухмылкой Ронан. — Созвать союзников и все такое?

Человек пробудила Майкла. Ее душа пробудила его от бесконечной спячки, а ее кровь придала ему сил, да таких, о которых тот и не мечтал.

— Настало время собирать армию, — ответил он.

Клэр встала с дивана и пересекла пространство гостиной, подойдя туда, где стояли Майкл и Ронан. Майкл выпрямился, поставил стакан на гранитную поверхность. Ее пристальный взгляд пригвоздил его на месте, от напряженности тех ярких глаз и упрямо сжатых нежных губ, выражавших свирепость, у него перехватило дыхание.

— Как долго, ты думаешь, можешь держать меня здесь?

Ронан откашлялся и поставил свой стакан.

— На этой реплике мне пора уйти. — Майкл ожидал, что Ронан поможет ему создать армию вампиров, а мужчина был готов поджать хвост при виде разъяренной женщины.

— Не волнуйся. Я вернусь после восхода солнца. — Ронан сверкнул дерзкой ухмылкой. — Я рассчитываю, что ты выполнишь свою часть соглашения.

Майкл склонил голову.

— Будь осторожен, Ронан. Сортиари будут играть в полную силу.

Ронан повернулся к Клэр и подмигнул.

— Такой беспокойный. Полегче с ним, пока я не вернусь. У него нежное эго.

Тонкое замечание заработало милую улыбку от Клэр, и ревность Майкла вспыхнула жаром в груди. Ронан покачал головой и хлопнул Майкла по спине.

— Вижу, что отстраненность хорошо работает. Удачи, Михаил.

Майкл наблюдал за тем, как Клэр смотрела на Ронана, покидающего комнату. Она положила руку на бедро, будто ждала, что Майкл посмотрит на нее. Как за три ночи все могло так измениться? Она так желала его прикосновений в ночном клубе. А потом, когда он увидел ее в автобусе, прижимающую руки к стеклу, почувствовал огонь связи между ними, он был ей нужен также сильно, как и она ему.

Он смог защитить ее сегодня вечером. Убить за нее. Привести ее сюда для того, чтобы обеспечить безопасность, и все же он чувствовал ее презрение, будто бесчисленные кинжалы пронзали его плоть.

— Хочешь выпить, Клэр? Что-нибудь поесть? — Он мог быть нежным с ней. Гостеприимным.

— Я хочу, чтобы ты ответил на мой вопрос. Как долго ты планируешь держать меня здесь, *Михаил*?

Он вздохнул и налил себе еще виски. Он мог наслаждаться этим, пока его сердце билось, а кровь текла.

— Ты под моей защитой, и ты останешься здесь, пока я говорю, что ты останешься здесь.

Клэр фыркнула.

— Я ухожу.

— Ты никуда не пойдешь.

Ее глаза сверкали огнем.

— О, нет? Смотри.

Она развернулась и пошла к двери, даже не удосужившись на этот раз побежать. Прежде, чем пойти за ней, Майкл был очарован изгибом ее талии, покачиванием бедер и упругой, круглой попкой, которая приглашала его коснуться ее. Хотя ее нынешние капризы заставили задуматься о том, что хорошая порка могла бы помочь. И эта мысль не помогла обуздать эрекцию, пульсирующую у его ширинки. *Боги*. Как он мог даже подумать о том, чтобы держаться на расстоянии от нее, когда мечтал подобраться поближе? Делать непристойные и отчаянные поступки для нее?

Он позволил ей проложить расстояние между ними. Хищник в нем поднялся на поверхность, готовый броситься в погоню, и Майкл упивался этими острыми ощущениями. Горло горело жаждой, ее запах окутал его. Ее душа взывала к нему, натягивая между ними невидимую нить. Рычание чистого голода вибрировало в груди, и он настиг ее одним движением, громко хлопнув тяжелой входной дверью, закрывая ее прежде, чем Клэр успела полностью ее открыть.

— Отвали, — рывкнула она, не поворачиваясь к нему лицом.

Он наклонился к ней, глубоко вдохнул сладкий аромат, который витал вокруг нее. Она не боялась его, но была взволнована. Ее возбуждение, наполняющее воздух, пьянило его и лишало чувств.

— Ты не хочешь этого, Клэр, и ты знаешь это.

Она фыркнула.

— Черт побери, нет.

Она опустила руки, прижав ладони к бедрам. Майкл наклонил голову к ней, так близко к нежной коже горла, и дрожал, едва сдерживаясь.

— Тогда скажи мне еще раз. — Его голос прозвучал резким шепотом. — Скажи мне, отступить и позволить тебе уйти. Скажи мне, что ты не хочешь быть здесь, и я тебя выпущу. Скажи, что ты не чувствуешь меня каждой частицей своей сущности, и я отпущу тебя прямо сейчас.

* * *

Дыхание Клэр выходило толчками, и она прижала ладони к бедрам, чтобы удержать их от дрожи. Слова формировались на языке, но она не могла протолкнуть их мимо губ. Его тело нависло над ней стеной мышц, плотно прижимаясь грудью к ее спине. От тепла его дыхания на коже горла низ ее живота напрягся. Вместо того чтобы сказать слова, которые она хотела сказать, все, что она могла думать, *Сделай это. Коснись меня губами. Точно, как в ту ночь в клубе. В моих снах. Сделай это!* Будто она потеряла контроль над своим телом, ее голова склонилась вправо, отбрасывая волосы с плеча за спину и обнажая для него шею. Низкий гул завибрировал в груди Майкла, и он прерывисто вздохнул.

— Боже, Клэр. Ты — ужасная женщина.

Его глубокий, обволакивающий тон разжег ее желание, и в самом центре своего существа она почувствовала невидимую нить какой-то необъяснимой силы, соединяющую их. Он был прав, черт побери. Она не хотела уходить. Не думала, что могла заставить ноги перешагнуть порог, если захотела бы.

Убеждению откинуться назад, позволить себе больше опереться на него, было слишком сложно сопротивляться. Клэр качнулась. Само его присутствие делало ее легкомысленной. Ветреной. Стоя позади, его тело касалось ее в большем количестве мест, чем было уместно для незнакомца. Хладнокровного убийцы. И, кто знает, кого еще. И помоги ей Боже, она хотела его. Хотела его так, как хотела пищи, воды, следующего чертова вздоха. Она протянула правую руку и сжала свое левое запястье, скользя пальцами по гребням браслета часов Патек через длинный рукав рубашки. Боже, с ней было что-то не так. Было слишком рано, чтобы винить ее реакцию на него в Стокгольмском синдроме?

— Мне нужны ответы, — сказала она. — И если ты не дашь их мне, я пойду и найду их сама.

Опять это чувство связи вспыхнуло между ними, посылая прилив томительной энергии по крови Клэр. Она почувствовала его разочарование, будто он надеялся продолжить борьбу за власть. Кто был этот человек, который имел такое интуитивное влияние на нее? И почему она не могла заставить себя уйти от него?

Тепло его тела покинула ее, и Клэр обхватила себя за пояс. Всего несколько футов отделяли их, но ее переполняло глубокое понимание его отсутствия. Она повернулась быстрее, чем хотела и обнаружила, что он возвращался в просторную гостиную, спокойно и целенаправленно.

— Давай, присаживайся, Клэр, — сказал он, не поворачиваясь к ней лицом. — Я постараюсь не кусаться.

Мурашки бежали по ее коже от намека. Тепло в его словах, несомненно, было, и хотя она не видела его лица, чувствовала, что у мужчины на лице сияет очень и очень довольная улыбка, украшая пухлые губы. Казалось, что он мог влезть прямо в голову и прочитать ее мысли. Он знал, что она хотела, чтобы тот сделал? Серьезно, ей нужна профессиональная помощь.

Он сел, напротив нее, на один из широких, мягких диванов. Его поза была образцом царственности, когда он выпрямил руки, тело, скрестил лодыжки. Спокойно. Уверено. Он привлекал внимание и владел комнатой, будто там было человек сто пятьдесят, а не только Клэр.

— Задавай свои вопросы, — сказал он гладким, соблазнительным голосом. — Я в твоём распоряжении.

Кто так говорил? Серьезно, он будто вышел из машины времени.

— Ты — член какой-то секты?

Он вздернул бровь.

— Нет.

— Мафия?

Медленная улыбка появилась на его красивом лице, обнажая блестящие кончики клыков.

— Нет.

— Чокнутый косплеер?

Он нахмурился.

— Я понятия не имею, что это такое, но разберусь, и скажу — нет, я — не чокнутый косплеер.

Всплеск адреналина побежал по ее крови. Она поджала губы, чтобы подавить улыбку, медленно побрела к дивану и ткнула пальцем в сторону его рта.

— Они настоящие?

С греховной улыбкой, все еще приставшей к его лицу, он ответил:

— Да.

— Как насчет Ронана?

Уверенное выражение исчезло с его лица, и низкий рык раздался в тишине.

— А что насчет него?

— Он как ты?

Выражение его лица омрачилось, и серебро запыхало во взгляде.

— Более или менее. Ронан — дампир.

Клэр изучала свое отражение в его глазах, тревога завязывала узлы в животе, когда она начала сомневаться в том, что он на самом деле носил контактные линзы. Она почувствовала, как его настроение изменилось, с задиристой игривости на что-то потемнее, и решила оставить вопросы о Ронане. *Хрень*. Она действительно собиралась купиться на это?

— Священник, который напал на меня сегодня... он не был человеком, так?

— Нет.

Дерь-мо. Ни слова обмана. Она сглотнула.

— Как и ты.

Улыбка вернулась, на этот раз шаловливая.

— Да. Как и я.

Правда.

— Боже, — сказала она на выдохе.

Клэр рухнула на ближайший стул. Она на самом деле не верила в это до нынешнего момента. Проводя последние часы, убеждая себя, что ничего из этого не было реальным. Странное поведение Майкла в клубе, клыки, серебряная вспышка в его глазах, как он заставил ее чувствовать себя. И священник. Его черные глаза и еще более черное сердце. *Пора... заставить вампира выйти из укрытия.*

— Ты действительно укусил меня той ночью, в клубе, не так ли?

Его выражение лица стало голодным, и Клэр ощутила прилив тепла между ее бедер. Было такое ощущение, будто ее тело жестко реагировало на него. Она не имела ни грамма контроля над собой.

— Да. Твоя кровь — пьянящий нектар. Самая сладкая из всех, что я когда-либо пробовал.

Клэр проглотила ком в горле, даже когда глубокая пульсация желаний устроилась между ее бедер.

— Думаю, что схожу с ума, — пробормотала она. — Я чувствую, что не понимаю. У меня много... — смешок слетел с ее губ... безумных снов. Что ты сделал со мной той ночью?

Его взгляд был не менее жаркими, когда он наклонился вперед на диване. Он уперся локтями в колени и посмотрел на нее.

— Мы связаны, Клэр. Твоя и моя души. Я ничего не сделал с тобой, чего бы ты не сделала со мной. Ты... моя пара.

Пара? Он из ума выжил?

— С тем же успехом ты можешь говорить по-немецки, потому что я не понимаю ни единого слова, которое вылетает из твоего рта.

Было слишком поздно бежать к двери? Конечно, он поймает ее прежде, чем она ступит

на дорогу, но все же.

— Я тоже не понимаю. — Он испустил медленный вздох и провел пятерней по волосам. Ее глаза следили за движением, и собственные пальцы дернулись. — Ты — человек, и это не должно быть возможным. Но ты все равно сидишь здесь.

— Как ты можешь быть уверен? — Вопрос показался банальным даже ей. Она почувствовала неразрывную, мгновенную связь с ним в ту ночь в Дьябло. Не так просто решить, что это ошибка. — Я имею в виду, ты мог ошибиться.

— Нет. — Он встал, пересек комнату и подошел туда, где была она, и сел рядом. Электрический заряд в воздухе между ними приятно пощипывал кожу Клер. Это казалось раем: темный шоколад и корица дополняли, будто воздух после дождя. Он протянул руку и убрал волосы с ее лица, изучая таким пристальным взглядом, что она задрожала. — До той ночи я был отвязанным. Без души. Запах твоей крови привлек меня, и в тот момент моя душа была возвращена. Ты моя, Клэр, и ты знаешь это. Ты чувствуешь это, точно так же, как и я. Или ты забыла, как умоляла меня прикоснуться к тебе той ночью?

Она открыла рот, готовясь протестовать, но поняла, что в данный момент, конечно, это ничего не значит. Он впился в нее жадным поцелуем, от которого у нее перехватило дыхание, наказывая кровоподтеками ее губы. Жесткий, неуступчивый, он углубил поцелуй, засунув язык ей в рот. От такой же жажды Клэр страстно ответила, прижимаясь к нему, сжимая в кулак его рубашку и притягивая его ближе к себе.

Сильной рукой он схватил ее за плечо, положив вторую руку ей на затылок. Чуть наклонил ее голову в бок, и все перед глазами Клэр закружилось в головокружительном тумане. *Да. Да, да, да.* Ожидание закрутило тугую спираль в ее животе от мысли, что он собирался сделать. Точно, как в ту ночь. Как и во сне. Его рот покинул ее, и она отпустила его рубашку, чтобы вцепиться пальцами ему в волосы. Не думая ни о чем, судорожно дыша, она прижала его к своему горлу.

В одно мгновение он оказался над ней, кладя ее на диван и устраиваясь между ее бедер. Клэр толкнула бедра вверх и потерлась об его эрекцию, натягивающую ширинку штанов. Удовольствие от укуса накрыло ее, тепло пульсировало в теле, от этого она чуть ли не кричала. *О, боже.* От такого она может кончить. Просто от одного резкого укуса. Низкий, довольный стон прогрохотал в его горле, сопровождаемый медленным, глубоким посасыванием. У Клэр стала кружиться голова; комната будто выпадала из-под нее, будто она плыла на облаке чистого блаженства.

— Больше. — Слова медленно и лениво выходили из ее уст. — Не останавливайся.

Майкл с рыком отступил, его рот был окрашен багрянцем. Паника расцвела в его красивых, ярких серебряных глазах и скрылась, не оставив ничего, кроме прозрачной бирюзы. Его дыхание вырывалось из груди, а рука дрожали, когда он положил большой палец в рот и прикусил его клыками. Две капли крови брызнули от проколов, и он провел подушечкой большого пальца по коже на горле Клэр, заставив ее содрогнуться.

Она не могла говорить, ее мир кренился. Ее собственное дыхание едва выходило из груди, а тело ныло от необходимости прижаться к нему. Никто никогда не доводил ее до такого безрассудного состояния.

— Ты не можешь уйти. — Майкл вытер рот, когда встал с дивана. Клэр была ошеломлена его внезапной холодностью. — Ты не пленница, Клэр, но не заставляй меня превращать тебя в таковую. На всей территории охрана. Алекс знает, что нужно наблюдать за тобой, и если ты его обманешь, или попытаешься выбраться из-под его присмотра, я не

постесняюсь и накажу его. И это будет страшное наказание.

Он повернулся и вышел из комнаты. В одиночестве, Клэр схватилась за грудь, сглотнула ком в горле, появившийся из-за его ухода. Его отказ больно ранил ее, и она ненавидела его за то, что почувствовала себя такой уязвимой.

— Я не ожидала увидеть тебя сегодня, Ронан, — промурлыкал гладкий женский голос из темноты. — Я думала, что твой король предупредил тебя держаться подальше от меня.

Ронан вышел из тени и уперся плечом в дверной косяк.

— Он — и твой король тоже, Шивон. Твое презрение — это то, что заставило его сформировать... сомнительное мнение о тебе.

— Ты думаешь, меня волнует, что Михаил Аристов думает обо мне? — Дампирша прошла через комнату, ее черные волосы ниспадали на одно плечо, а зеленые глаза светились теплом. Покачивание бедер пленяло Ронана. Ее черные кожаные штаны не оставляли места для воображения, а грудь чуть не вываливалась из корсета. Женщина источала секс. — Почему ты здесь?

— Ты знаешь, почему я здесь.

Ее губы скользнули по его уху, когда рука протянулась к члену через штаны.

— Может быть, я просто хочу услышать это от тебя.

Это показывало, насколько сильно ему было нужно снять напряжение, что он пришел сюда сегодня вечером. Однако его доводы не были полностью эгоистичными. У Шивон было кое-что, что он хотел, и он не собирался уходить, пока не получит этого. Михаилу была нужна вся помощь, которую он может получить. Ему нужны были ответы, почему он привязал человека, и ему была нужна армия, чтобы держать Сортиари в страхе. И вот Ронан пришел прямо в логово льва, готовый подать себя в качестве основного блюда для того, чтобы убедиться, что он мог помочь своему королю. Он грубо схватил Шивон за запястье и поднял ее руку между ними.

— Твои постоянные и глупые попытки захватить власть были непродуманными. Пора прекратить этот бред. Ты сделала себя врагом своего короля, а должна была присоединиться к Михаилу как можно скорее.

Она вырвала свою руку из рук Ронана, и дикое шипение скользнуло между оскалившимися клыками.

— Я не заинтересована присоединиться к нему.

— Даже теперь, когда он больше не один из бездушных?

Шивон прищурилась, ее глаза стали сияющими изумрудными щелочками.

— Ты лжешь.

Уголки рта Ронана поднялись.

— Его привязали. Ты бы узнала, если бы хоть чуть-чуть его чувствовала. Его силу пробудила женщина, и трон Михаила будет раз и навсегда укреплен в воскрешении вампирской расы. Он будет править *обеими нашими расами*.

Шивон начала расхаживать по пустой комнате, стуча шпильками.

— Кто эта женщина?

Он хихикнул.

— Будто я скажу тебе. — Хотя Шивон предложила кое-какие отвлекающие факторы, которые он ценил, но верность Ронана Михаилу была неоспоримой.

Она повернулась в его сторону, ее зрачки мерцали серебром.

— Тогда зачем ты вообще мне это говоришь?

— Шивон, не будь душой. Его союзники будут вознаграждены за преданность, и все, что

тебе удалось доказать ему, что ты нетерпимая, властолюбивая сука, которая предпочла бы видеть его мертвым.

— Какие комплименты, Ронан, — сказала она с ухмылкой. — Ты меня возбуждаешь.

Это было произнесено с сарказмом — ее фирменный знак, но пьянящий аромат ее желаний насытил воздух. Тело Ронана ответило тем же. Позже будет время для спорта. Сейчас ему нужно кое-что от нее, и он не собирался уходить, пока не получил этого.

— Я приехал сюда за *Кодексом Крови*. И ты отдашь его мне.

Шивон вытаращила глаза, перед тем, как у нее вырвался недоверчивый смех, прозвеневший в ушах Ронана свистом ураганного ветра.

— За *Кодексом Крови*. Ты шутишь, да?

Боги, ему бы этого хотелось. Михаил почти объявил, что никогда не возьмет Клэр в качестве пары. Ронан подозревал, что это было больше связано с ее деликатным статусом человека, чем с желанием Михаила не требовать ее в качестве своей пары. Он мог выпить ее, но также мог легко убить ее, если будет неосторожен. И, кроме того, она могла не пить из него, чтобы укрепить свои силы, если Михаил подозревал, что переход убьет ее. Он сам откажется от нее, отрицая, что основной инстинкт сведет его с ума. Он не мог править, не мог воскресить былую славу расы, если не будет в паре с Клэр. И Ронан был полон решимости найти способ, чтобы это произошло.

— Разве похоже, что я шучу? — Он собирался заключить сделку с дьяволом, и Ронан уже чувствовал, как его душа ускользает, прежде чем Михаил сможет отправить его в небытие. Шивон была хороша, когда была в настроении, но женщина была смертоносна, как гадюка. Сегодня вечером Ронан не занимался пустяками.

— Ты ничего не рассказываешь о женщине Михаила и появляешься из ниоткуда, прося пережиток вампирских знаний для родного отца... — Улыбка растягивает багровые губы Шивон. — Чувствую, у твоего короля неприятности в раю?

Женщина была не только бессердечна, но и порочна. Даже если она подозревала, что Михаил мог быть слабым, она не упустила бы тот момент.

— Вряд ли.

— Она перевертыш? Оборотень? Возможно, неприязнительная белая ведьма? — Шивон радостно всплеснула руками, упиваясь возможностями.

— Она — женщина, достойная твоего восхищения и страха, Шивон. Берегись. — Ронан не сомневался, что Клэр была бы страшным вампиром. У нее был дух, инстинкт самосохранения и много чего еще. Он просто должен был убедить в этом Михаила. — Я пришел сюда не только за *Кодексом*, но и с призывом взвешенно формировать альянс. Твой ковен силен. Ты вполне могла бы служить Михаилу.

— Что заставляет тебя думать, что я заинтересована в службе какому-то мужчине? — вскипела Шивон. — Уж не говоря о том, кто хотел отнять мою душу. Ты не пришел бы сюда сегодня вечером, чтобы я просить меня о присоединении к Михаилу. Ты пришел сюда за *Кодексом*. — Ее губы растянулись в снисходительной улыбке. — И чтобы трахнуть меня.

Ронан пожал плечами. Он не стал отрицать очевидное. Это была адская ночь, и он надеялся, что она поможет ему снять напряжение.

— Дай мне кодекс. Тебе он не нужен. — У Шивон был тайник с вампирскими реликтами. Какая ирония, что женщина ими никогда не интересовалась.

— Нет. — Она щелкнула запястьем. — Он нужен тебе. А значит, он становится ценным для меня.

— Так что, вместо того, чтобы дать его мне, потому что мы друзья, ты будешь использовать кодекс в качестве рычага?

— Друзья? — Ее голос был обольстительным мурлыканьем, которое пробежало по позвоночнику Ронана. — И это все, что есть между нами?

Он неохотно улыбнулся уголком рта.

— Мы — *очень, очень* хорошие друзья.

Шивон подошла к нему, и Ронан мог поклясться, что у ее бедер было магическое свойство, которое могло загипнотизировать любого, кто осмеливался смотреть на их покачивание. Она провела носом по его шее, глубоко вдыхая.

— Поклянись в верности мне, Ронан, и я отдам тебе рукопись.

Она снова взялась за его член, и этот ублюдок был уже тверд как камень. Если бы его член мог присягнуть, он бы уже это сделал.

— Я не могу этого сделать. Я поклялся в верности Михаилу и никому другому.

Огорченный вздох слетел с ее губ.

— Такая потеря. Тогда поклянись, что твое тело только для меня. Обещай мне здесь и сейчас, что ты не дашь себя ни одной другой женщине, и я отдам тебе кодекс.

Это была не связь пары, но такая клятва могла быть опасна. Однако он наслаждался телом Шивон достаточно регулярно. Он просто дал бы ей то, что у нее и так было.

— Надолго?

Она прошла к очень большому матрасу в дальнем углу комнаты, и Ронан пошел за ней, будто у него не было выбора. Он никогда не понимал, почему она решила жить так, как беженец без средств поставить достойную крышу над головой. Это удовлетворяло ее дикую индивидуальность. Женщина была далеко не тихоней; вот, вероятно, почему он приходил к ней снова и снова без единой мысли, но используя ее для своего удовольствия.

— Настолько, насколько я сочту нужным. — Она скинула ботинки, стянула с бедер кожаные штаны и отбросила их в сторону. Затем она высвободилась из тугого корсета, открывая взору грудь с темными уже стоящими сосками, напрягшимися так, будто они нуждались в его прикосновении. Желание набухало внутри него, растеклось теплом по венам, от этого Ронана бросила в пот. — Теперь иди, Ронан. Это небольшая цена, за то, что ты хочешь, не так ли?

Шивон растянулась на кровати, ее тело было бледной жемчужиной в окружении мятых черных простыней. Запах ее возбуждения заставил его клыки появиться из пульсировавших десен, и, хотя ему не нужно было кормиться, желание впиться в нее клыками — как и членом — было слишком сильным, чтобы сопротивляться. Если он возьмет ее вену, то скрепит договор верности кровью, и Шивон знала это. Она выманивала его своим телом, зная, что он не сможет ей отказать.

Были вещи и похуже, чем посвятить свое тело женщине. В свою очередь, убедив Михаила обратиться к Клэр, появиться гарантия, что Ронан будет одарен трансформацией, к которой он стремился на протяжении веков. Клятва верности на крови была наименьшей из его проблем на данный момент.

— Я хочу получить кодекс сегодня. — Он спешно теребил пуговицы рубашки, чтобы снять ее, скинул ботинки и брюки. В глазах Шивон мелькнуло серебро, когда она раздвинула ноги, приглашая, и член Ронана тяжело и жарко пульсировал, когда он стащил трусы с задницы.

— Сегодня, — согласилась Шивон. Он накрыл ее тело своим и рванул ее кружевные

стринги в сторону, вставляя ей одним жестким толчком. Она выгнулась навстречу ему, и Ронан зашипел, когда ее клыки острым жалом прокалывали его горло. Низкий гул звучал в его груди, пока Шивон пила, а ее киска сжималась вокруг его члена с каждым посасыванием.

Начиная с пробуждения Михаила, Ронан чувствовал себя сильнее с каждым днем, его собственное побуждение и желание стократно усилились. Он с силой вбивался в женщину под ним, схватив за мягкие бедра и направив ее ноги так, чтобы она его ими обхватила. Шивон вцепилась в ему в волосы, ее клыки все еще заняты, она пила из него. С криком Ронан встал, обхватив ее за задницу, когда продолжал немилосердно вбиваться в нее. Она вышла из его горла со страстным криком, и Ронан перевернулся, чтобы лечь спиной на матрас.

Он схватил горсть ее шелковистых черных волос и дернул ее голову в сторону. Ее киска крепко его сжала, когда она кончила, и Ронан жестко вцепился в горло Шивон, выдирая крик из ее уст, когда он стал жестко и яростно сосать. Ее кровь текла по его языку, сладкая и пьянящая. Ронан сосал так сильно, как и трахал ее, эффективно скрепляя свое согласие обменом кровью. Его накрыл оргазм, и Ронан с криком оторвался от ее горла, его член дергался внутри нее, когда она продолжала на нем скакать.

— Черт! Ох, Боги, как же хорошо!

Хриплый смех Шивон ласкал его слух за несколько минут до того, как ее язычок дотянуться до его горла, закрывая ранки, которые она сделала. Он ответил тем же, закрыв проколы и лениво слизав кровь, что стекала по бледной коже ее горла и между пышных грудей.

— Каррик, *dewch â'r codex mi*⁸! — Голос Шивон отозвался эхом по руинам заброшенного здания на старом валлийском диалекте, который использовала для разговоров со своим ковенем. Спустя несколько мгновений, вошел мужчина, неся в руках большую книгу в кожаном переплете.

Ронан передвинулся на кровати, понимая, что он все еще был в ней по самые яйца. Шивон, казалось, не разделяла его скромности, хотя глаза мужчины вспыхнули желанием, когда он увидел их тяжело дышащих, еще слитых после акта любви.

Их договор был скреплен, Шивон сдержала свое слово, хотя Ронану понравилась бы возможность сначала надеть чертовы штаны.

— Книга, — сказал Каррик с низким поклоном, кладя кодекс на кровать рядом с ними. Серебро блеснуло в его темных глазах, рот приоткрылся, показывая кончики клыков. — Вы бы хотели что-нибудь еще, хозяйка? — Мужчина не скрывал своего нетерпения, и он показал Ронану медленную, соблазнительную улыбку, которая раскрылась на всю длину его клыков, показав ряд ровных белых зубов.

— Что скажешь, Ронан? — промурлыкала Шивон ему в ухо. — Нужно ли нам пригласить Каррика присоединиться к нам? — Она смотрела на другого мужчину, когда пальцами ласкала плечи и предплечья Ронана. Их соглашение не включало других членов ковена Шивон, впрочем, Ронан и не собирался позволять ей помыкать собой.

— Нет. — Слово было произнесено с такой категоричностью, что выражение лица Каррика сдулось, как плохо запеченное суфле.

Шивон приподнялась на плече.

— Ронан, видимо, стесняется. Это все, Каррик. На сейчас.

Каррик кивнул и скрылся в тени. Ронан спихнул Шивон со своего тела, ему было больше

не интересно играть в ее игры, и она растянулась на кровати, наблюдая, прищурившись, как он поднял с пола рубашку и брюки.

— Я дал честное слово, ты и никто другой. — Он сунул руки в рукава рубашки с такой силой, что треснули швы. — Если ты думаешь поиграть со мной в игры, Шивон, ты будешь разочарована.

Шивон слизала каплю его крови из уголка рта.

— Ох, Ронан. Я еще не начинала играть с тобой. Бери кодекс. Надеюсь, что ты найдешь в нем ответ на то, что ищешь. Но в обмен на мое великодушие, твое тело принадлежит мне. Я буду использовать его так, как считаю нужным, когда и как я этого захочу. Нарушишь клятву, и я... расстроюсь.

Ее невинный тон опровергал огонь в ее изумрудных глазах. Ронан проклял свою собственную глупость дать члену принять за него решение. Он мог бы найти другой способ получить у нее кодекс. На самом деле его либидо бушевало в течение нескольких дней. Он нуждался в разрядке, и, очевидно, ему мозгу не хватало притока крови, чтобы принять логическое решение.

— Я не думал расстраивать тебя, Шивон. — Он мог поспорить с ней и позже. Сейчас ему было нужно получить кодекс прежде, чем она передумает.

— Хорошо. — Она растянулась на кровати, потягиваясь и показывая свою кремовую кожу. — Тогда раздевайся и присоединяйся ко мне. Я даже близко не закончила с тобой.

Ее команда раздражала, но Ронан не позволил ей увидеть этого. Вместо этого, он сбросил рубашку и дал брюкам упасть рядом с его брошенными ботинками и носками. Он опустился рядом с ней на кровать, протягивая руку, чтобы ласкать тяжелый вес груди, терев затвердевшие соски, будто сочных ягод с лозы.

— Сильнее, — приказала она, и Ронан с силой сжал ее нежную плоть. Она повела бедрами, выгибая спину, и издала тихий стон. — Мне лестно, что ты не хочешь делиться, Ронан. Но ты должен знать, что я очень щедра с членами моего ковена. Сегодня я дам тебе послабление, но в будущем ты ни в чем не откажешь мне. Понял?

Да. Он продал душу. И этот дьявол действительно был жестокой хозяйкой.

— Понял. — Это не означало, что он будет ее молить в будущем. Верность на крови или нет.

— Хорошо. — Она потянулась к его члену, и он затвердел в ее ладони. *Предательская сволочь.* Он хотел дать женщине то, чего она хотела. Трахать ее, пока она не будет слишком измучена, чтобы выговорить его имя, не говоря уже о других командах. К тому времени встанет солнце, и Ронан обязан будет присмотреть за парой Михаила.

"Нет грешнику покоя", — подумал он. Нет, если он хотел получить должное вознаграждение за свою преданность.

Он растянулся на спине и перекатил Шивон на свою грудь. Низкое урчание завибрировало в горле, когда она усаживалась на него сверху, тепло ее киски скользило по его эрекции, вызывая радостный гул в его груди. Если он и обрек себя на ад, Ронан предположил, что есть способы стореть и похуже.

К рассвету, Шивон смяла под себя черные простыни, мягко дыша даже после их многочасового соития. Женщина была ненасытной, жестокой. У Ронана были следы когтей на спине, чтобы доказать это. Не то, чтобы он жаловался. Ему было нужно высвобождение, а также тренировка... и ему нравится грубый секс с ней. Сегодня она взяла у него больше крови, чем было нужно для поддержания на год или дольше. И хотя часть его презирала ее за то, что она им манипулировала, Ронан уважал ее. Может быть, даже боялся ее, немного. Возможно, это было хорошо, что она презирала идею превращения. Она была бы действительно страшным вампиром. Одной из тех, что может стать серьезной претенденткой на трон Михаила, если ее не остановить.

Независимо от ее политики, в одном Ронан был уверен. Михаилу нужна Шивон в качестве союзника. У него было достаточно врагов, особенно с учетом того, что Сортиари были в городе. Самым важным для Михаила было показать дампирским ковенам, что он — король, за которым они должны следовать. Великодушный лидер, который поднимет их расу, и они поделятся своей силой. Ничего подобного не произойдет, если Михаил поднимет свою ленивую задницу и откажется от мысли не обращать Клэр.

Ронан погладил старую и потертую кожу на кодексе. В любом случае, ответы на все их вопросы скрыты на этих страницах.

Клэр уставилась на пустой коридор, Михаил — она отказывалась думать о нем, как о Майкле — расхаживал внизу, создавая внутри нее дыру размером с Техас. Она остро ощущала его отсутствие, будто какая-то важная часть ее отсутствовала. Фантомная боль конечности, которой больше не было. И это, черт побери, беспокоило ее. Его отказ все-таки ранил ее, смущение было горькой пилюлей после того, как она отдалась ему, но решение отстраниться было только его. Если он не хотел ее, так зачем ему было удерживать ее там? Конечно, другой человек, Ронан, удержит Михаила от каких-либо ужасных действий с Алексом, если она решит сбежать. Могла ли она это сделать? Несмотря на связь, которую она чувствовала, могла ли оставить его?

Хорошие аферисты глупцами не были. Лучшие мошенники никогда не делали ни одного движения, пока не собирали всю возможную информацию. И Клэр не хотела ничего делать, пока не узнает все, что ей нужно. Почему священник пытался ее убить? И он не был человеком, как и Михаил. Где ей было безопаснее? Здесь, с мужчиной — нет, с вампиром, — которого она едва знала, или там одной? Впервые за долгое время, Клэр боялась быть одна.

Пусть намеченный человек думает, что он главный. Михаил не хотел говорить, но она могла разговорить его. Она отбросила свою травму на задний план, и уставилась на пустое место, обратив внимание на грохочущий протест ее желудка. Если за всю свою жизнь Клэр чему-то и научилась, так это было то, что любое препятствие можно преодолеть, пока у тебя полный желудок.

— Я иду готовить! — объявила она, надеясь, что когда Михаил успокоится, вернется и присоединится к ней. А еще он даст ей ответы, которые не будут односложными, и она не уйдет, пока не получит все информацию. — Блинчики звучит хорошо. — В четыре утра можно было только завтракать. Оттолкнувшись от кресла, она побрела через гостиную, а потом по коридору в поисках кухни. — И кофе. Много кофе.

Даже после того, как провела здесь большую часть ночи, Клэр все еще была сбита с толку размерами дома. Кухня была больше, чем вся столовая, и укомплектована современной бытовой техникой, которая должна была стоять больше, чем Клэр зарабатывала за год. Черт, столовая была создана, чтобы вместить человек тридцать, и Клэр сомневалась, что Михаил когда-нибудь сидел за столом из красного дерева один, не говоря уже о развлечении полного зала гостей. Такая трата денег. Она залезла на стойку, чтобы снять необычную сковородку из нержавеющей стали с висящей полки над островом, и поставила ее на плиту.

— Не дай Алексу поймать себя с его сковородками Demeyere, — заметил Михаил, войдя в кухню. Он хмурился, брови нависали над яркими глазами, губы были сжаты в жесткую линию. — Он думает, что он — король этого замка. Он даже мне не позволяет пользоваться ими.

Клэр хихикнула. Хотя выражение лица Михаила все еще было довольно жестким, она ощутила, что он расслабился. Она была полностью хозяйкой ситуации. Возможно, она не потеряла главенство в этой игре.

— Поняла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она продолжала порхать по кухне, копаясь в шкафах. Несколько шагов, и он уже стоял

около нее, открывая шкафы, вытаскивая миски, посуду, муку, молоко и яйца. Ей удалось приручить дикое животное перспективой блинчиков? *Очко Клэр.*

Она скрыла свое самодовольное удовлетворение, когда смотрела на прозрачные двери огромного холодильника, обалдевая от количества еды внутри.

— Никогда бы не подумала, что холодильник вампира будет так набит.

Михаил неохотно улыбнулся. Его двойной набор клыков четко выделялся на фоне остальных зубов.

— И что ты знаешь о кулинарных предпочтениях вампира, мой маленький человечек?

Живот Клэр сжался от слова «мой». Прежде она никогда не была ни чьей.

— Не благодаря тебе. — Помимо того, что Михаил напал на нее, словно был изголодавшимся человеком, а она — чизбургером, и затем отстранился от нее, будто она разрушила его диету, потом он стал таинственным, загадочным, «я скажу тебе столько, сколько тебе нужно знать». — Должна сказать, я до сих пор не могу уложить это все в голове. Серьезно. Вампиры?

— Я — последний из древних. — Голос Михаила был низким и мрачным, когда он разбил пару яиц и добавил их в муку, а также другие сухие ингредиенты в прозрачную стеклянную миску. — Последний настоящий вампир. Остальные просто дампиры, которых еще не обратили.

Волна печали накрыла Клэр, и она проглотила ком эмоций, поднимающийся в горле. Разговор об ирреальном. Это не тот вид беседы, которую можно вести с другим человеком... э, э, э, с таким человеком. Ну, нормальным человеком, во всяком случае.

— Ты, серьезно, единственный вампир на всей планете? Я имею в виду, нет даже ни малейшей возможности, что есть еще один, о котором ты не знаешь? Как племя в дождевом лесу, или что-то подобное?

Он едва заметно улыбнулся, но эта улыбка не коснулась глаз.

— Я бы знал. Других нет.

Михаил был сиротой, точно так же, как Клэр. Правда, они были взрослыми, не дождавшимися волшебного дня, когда их удочерят или усыновят. Она всегда чувствовала такое глубокое одиночество, это бремя было очень тяжело нести. Зная, что Михаил, возможно, испытал то же чувство отстраненности, создало еще более сильную связь с ним.

— Я точно не вымирающий вид, но я была одинока так долго, сколько вообще помню. И моя мама ушла, когда мне было шестнадцать, с того времени я сама по себе. Это ужасная вещь, когда рядом с тобой нет никого, кто тебя знает. Не те люди, которые видят тебя каждый день, а люди, которые разделяют твоё прошлое и историю. Ты можешь быть окружен людьми и быть совершенно один. Понимаешь, что я имею в виду?

Михаил посмотрел ей в глаза, на его лице читалась такая невысказанная эмоция, что это заставило сердце в груди Клэр сбиться с ритма.

— Понимаю. — Его глубокий грудной голос казался пальцами, проникающими сквозь кожу и кости в ее скрытую душу. — Нет ничего настолько наносящего вред в этом мире, как изоляция.

Между ними повисла тишина, и Клэр пыталась сосредоточить свои мчащиеся мысли. Она, как предполагалось, работала над получением от него информации, а не на разделении ее самых сокровенных эмоций. Но она не могла не доверять ему, не могла подавить чувство правильности, которая накрывала, когда она была близко к нему. Или желание оказаться гораздо ближе.

— Ронан — дэмпир, верно? — Клэр вернула разговор к сбору информации. Она не могла позволить себе эмоциональную привязанность. Не тогда, когда она не была уверена, остаться ей или нет. — Что это такое?

Рык хозяина территории вырвался из груди Майкла, и Клэр приняла во внимание внезапное изменение в его поведении.

— Да, но не долго. Теперь, когда ты здесь, я обращаю его, и вампирская раса, наконец, будет пополнена после двух веков на грани вымирания. — Он поставил сковороду на горелку и включил газ. — Когда она нагрелась, он смешал немного топленого масла и молока для блинного теста, взбивая его, пока все не стало однородной массой.

— Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Я вижу сомнение в твоих глазах, Клэр. Ты привязала мою душу, и твоя кровь пробудила мою силу. Ты неумолимо моя. То, что установилось между нами, не может быть сломано. Ты — *«родственная душа»*. Моя пара.

Объяснение Михаила было кратким, но емким. Резким. Точно таким же, как он сам. Но эта речь о том, что она была его...

— *Пара?* Пара у животных. У людей не так.

Михаил вылил полную ложку жидкого теста на смазанную маслом сковороду, и она зашипела.

— У людей пары.

— У людей *свидания*. Они женятся. Они разводятся. То, о чем ты говоришь, звучит более постоянно, чем у людей.

— Мы все животные, Клэр. Некоторые просто ближе к примитивным инстинктам, чем другие.

Холод пробежал по позвоночнику Клэр. Разве она не напала на него, как дикая кошка на диване в гостиной? И разве она не хотела, чтобы он укусил ее? Погрузил свои клыки в нее, какая-то дикость? Несомненно, в ее уме Михаил был опасным хищником. В каждой части он показывал себя животным. Который долго не думал, прежде чем разорвать горло врагу.

— Расскажи мне о священнике.

Никоим образом она не была готова думать обо всем этом с парами. Этой мелочи придется отойти на задний план.

Михаил стоял к ней спиной, сосредоточившись на блинах. Он переложил один со сковороды на тарелку и налил еще одну полную ложку жидкого теста на горячую поверхность.

— В чем дело, волнуешься, что я не смогу с этим справиться? — В этот момент ничто не могло шокировать ее. — Он был оборотнем? Зомби? Или возможно раздраженным цербером? — Михаил мягко и весело фыркнул. Она захотела похлопать его по спине, тем самым разрушив его каменную внешность в тот момент. Вместо этого Клэр решила найти себе хорошее применение и обошла вокруг столешницы в поисках кофе. — Если эти парни, предположительно, хотят убить меня, разве ты не думаешь, что для меня будет справедливо узнать, кто они и почему?

Михаил вздохнул. *Смирение. Ха! Клэр: два очка. Вампир: фиг.* Он, вероятно, закатывал глаза и взвешивал варианты. Для него было слишком поздно играть с ней. Они разделили момент солидарности. Удержание в тайне чего-либо от нее теперь отрицало бы это, а Клэр полагалась на него.

— Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Я только пытаюсь защитить тебя, Клэр.

— Мне не нужна защита. Я заботилась о себе, с тех пор как мне было шесть, и моя мама решила, что быть наркоманкой интереснее, чем родителем. То, что мне нужно, это чертова информация.

Михаил перевернул блинчик и прошел к дальнему концу кухни. Он достал жестяную банку, которую вручил ей.

— Кофе.

Чтение мыслей — сверхъестественная черта? Клэр задумалась. Или, может быть, ее вампир просто использовал дедуктивные методы Шерлока Холмса. Клэр остановилась. *Ее?* Не важно, какая между ними была связь, он был для нее никто, и пришлось напомнить себе об этом. Она заполнила сетчатый контейнер в необычной кофеварке Cuisinart, и наполнила его водой. Все еще было трудно поверить, что она стояла в доме, который, возможно, заставил бы позавидовать Дональда Трампа. Это место было мечтой грабителя.

— Эй, где же Алекс? Я не хочу ранить его чувства, нарушив священное пространство кухни и еду, которую он не готовил, но у меня сложилось впечатление, что ты хотел, чтобы он слонялся поблизости. — Если Михаил не собирался давать больше информации, она действительно могла остаться в счастливом неведении? Нет. Если она решила довериться ему, то он должен был доверять ей в ответ. Иначе не было смысла оставаться. Хотя, если она решит сбежать, то чувствовала бы себя намного лучше, если бы знала, что Алекса не было рядом, чтобы принять на себя гнев Михаила.

— Он бодрствовал всю ночь. Я сказал ему пойти домой. Кроме того, я вполне уверен, мы можем справиться без него.

Интересно. Михаил блефовал, когда угрожал причинить боль Алексу, если Клэр сбежит? «Я всегда довожу до конца...» — обещание в его словах, прозвучавших ранее, вызвало волну трепета в ее теле. Его глаза светились теплом, глядя на нее. Трепет поселился низко в животе, и Клэр выругалась себе под нос. С помощью всего лишь взгляда он мог изгнать ее беспокойство, и она была готова взобраться на него, как на дерево.

— Ты уверен в этом? Разве он не должен делать кофе и блины, вытирая рот салфетками, или что там богатые люди желают?

* * *

Так много дерзости. Ему это нравилось. Майкл поставил две тарелки блинчиков на кухонный стол вместе с бутылкой сиропа и блюдечком сливочного масла. Он положил вилки и ножи, прежде чем занять свое место.

— Алекс работает на меня, но я сомневаюсь, что он будет прикасаться в ближайшее время к каким-либо ртам. Он вернется на рассвете. В настоящее время, я — твой слуга.

Клэр смотрела на него из-под опущенных ресниц, ее полные губы подергивались, будто она боролась с улыбкой. Майкл наклонился к ней, словно его тело, а не только душа, было связано с ней. Как он может удержаться подальше, пусть она держит не более чем кровью, если все, о чем он мог думать — снова поцеловать ее? Коснуться ее нежной плоти? Боги, он хотел ее. Хотел, чтобы она была его. Возможно, он мог наслаждаться ее компанией — ее телом — не усложняя связью пары. Не делясь своей кровью с ней. Он был достаточно

эгоистичным ублюдкой, чтобы рассмотреть возможность сделать это.

Когда кофе был заварен, Клэр принесла кофейник и поставила его на столешницу, а Майкл поставил чашки, сахар и сливки. Они оба устроились на своих стульях и приступили к еде.

— Убийцы, — сказала она, не глядя на него. — Расскажи мне о них.

Майкл так же уделял слишком много внимания своим блинам.

— Клэр, мое намерение — облегчить твою жизнь. Я уверен, что последние несколько часов были шоком для твоего организма и...

— Смотри, последние семнадцать лет моей жизни были либо пан, либо пропал. Я не какой-то нежный, хрупкий цветок, который нужен для защиты. Дай мне информацию прямо, или ты можешь забыть меня, потому что я не собираюсь сидеть здесь, бог знает сколько времени, без какой-либо информации, и вряд ли мне безопаснее здесь, чем в своей квартире.

Боги, как она говорила. Так беззащитно. Ее огонь заставил хотеть ее еще больше. Майкл посмотрел ей в глаза, зная, что в его собственных отражалось серебро. Она разбудила в нем зверя, как никто другой никогда в жизни, его порыв раздеть ее и взять прямо там, на кухонном столе, был сродни борьбе с жаждой крови. Он быстро обнаружил, что больше не мог отрицать ее желание, также как и свое стремление к ней.

— Мы называем их убийцы. Они — Берсерки убийцы, жестокие звери, выведенные для убийств и посланные Сортиари истребить вампирскую расу.

Она подняла брови.

— А Сортиари это...?

— Они влияют на судьбу, или так они утверждают. Тайное общество, проникшее в каждый аспект мира, как мы знаем, и чьи убийцы, как известно, скрывались за монастырскими стенами. На протяжении тысячелетий Сортиари брали на себя роль исполнить то, во что они верят, «в божественное предназначение»: изменять ход судьбы. Сверхъестественное сообщество не единственная их цель. Политики, религиозные деятели, гуманитарии, преступники... кто угодно и что угодно, идущее вразрез с их программой, является потенциальной мишенью.

— Черт побери, — сказала Клэр со смешком недоверия. — Это роман Дена Брауна, или что? — Ее выражение лица стало серьезным, пока она изучала Майкла таким взглядом, от которого у него закипала кровь. — Так почему они хотят меня убить? Я не богата. Не сильна. У меня около десяти долларов на счету, и я — официантка. Кроме моей крови, которая вроде бы только для тебя кажется динамитом, во мне нет ничего особенного.

— Клэр, я не думаю, что ты понимаешь свою значимость. — Как она могла? Майкл ущипнул переносицу и испустил медленный вздох. — Я — *последний* вампир. Если я умру, моя раса умрет со мной. — Как он мог объяснить ей, как много она для него значила? Для всех них? — Ты — моя пара. Женщина, которая вернула мою душу и разбудила мою силу. Из-за этого я могу изменять дампиров. Они могут, наконец, стать теми, кем должны быть. Сортиари провели столетия, пытаясь уничтожить вампирскую расу. Ты — единственное, что стоит между ними и успехом.

Клэр сосредоточила внимание на своей тарелке и нахмурилась.

— Как создаются дампиры?

Майкл откусил кусочек блинчика и молча прожевал.

— Дампирами рождаются. От пары вампиров или от пары вампир/человек.

— А что насчет пары дампиров? — Ее любопытство было благом для его уверенности.

Возможно, если бы он сделал, как она просила, и вооружил ее информацией, то смог бы убедить ее остаться.

— Мужчины дампиры бесплодны, — ответил он. — Пока они не станут вампирами, они не способны к производству потомства.

— Подожди. — Ее сомнительная улыбка заставила его живот сжаться. Боги, как он хотел ее. — Как такое вообще возможно? Вампиры мертвые. Или немертвые. Не так ли?

Майкл удивленно фыркнул.

— Наша физиология намного сложнее, чем могла бы описать современная наука. Когда дампир превращается в вампира, его душа отправляется в небытие. Это цена, которую платят, чтобы стать сильнее и развить острее чувства. Таким образом, тело вампира не становится немертвым. Наши сердца перестают биться, дыхание останавливается в груди. Кровь больше не течет по нашим венам, и мы больше не нуждаемся в пище, чтобы поддерживать нас. Но есть голод. Жажда крови, которая должна быть удовлетворена. И когда вампир пьет из вен живого человека, наши тела пробуждаются, возобновляют нормальные функции до тех пор, пока кровь не проходит через нашу систему. В большинстве случаев вампир должен пить из любой своей пары или дампира, чтобы процветать. Человеческой крови не достаточно, чтобы поддерживать нас. После того, как кровь проходит через наш организм, тело вампира возвращается в состояние покоя до возвращения жажды, и цикл начинается заново.

Ответная улыбка Клэр ослепила его.

— Жутковато. И вроде как круто. Я уверен, что любой ученый отгрыз бы себе руку, чтобы заполучить тебя. — Ее игривый тон распалил Майкла, направляя волны желания по венам. — Ты сказал, что крови человека не достаточно. Я — человек. Но ты, кажется, думаешь, что моя кровь, как энергетик.

Майкл засмеялся.

— Это. Для меня. Таким это делает связь пары. Клэр, когда душа отправляется в небытие, она не просто исчезает. Она присоединяется к другой душе. В данном случае, к твоей. Через века твоя душа привязала мою, и, когда ты родилась, ты взяла ее с собой. Когда я увидел тебя, ты вернула мне душу. Ты *привязала* меня. Мы две половинки одного целого. Это связь, которая *никогда* не может быть нарушена.

Клэр отодвинула свою тарелку, будто потеряла аппетит. Волна беспокойства накатывала на Майкла. Он надеялся, что его честность привлечет ее ближе к нему, поможет довериться ему, а не оттолкнет.

— Мысль, что душа, как некая бесконечная вещь, болталась во Вселенной, пока я не родилась, идет немного глубже, чем я обычно думаю. Я имею в виду, что моя душа потянулась и вцепилась в твою? Вроде как в сказке, не думаешь? Я должна быть честна с тобой, я перестала верить в сказки давным-давно. — Минута молчания повисла между ними, и грудь Майкла заныла от горя. Десна пульсировали от прорезающихся клыков, и он был одержим желанием разорвать глотку тем, кто хотел причинить ей вред. — Так... — она прочистила горло от переизбытка эмоций, — ... стать вампиром, это что-то типа... половой зрелости?

Блин застрял в его горле, и он запил его кофе. Такая наглая, такая любопытная его женщина. Жажда сжигала его нутро, член отвердел, а Майкл затолкал свое желание в глубину сознания. Сейчас он хотел насытить ее стремление к знаниям и ничего больше.

— Хотел бы я услышать ответ Ронана на это, — сказал он со смехом. — Уверен, он был

бы излишне оскорблен тем, что был неспособен уложить в постель каждую девушку, которая попадалась ему на глаза. Но отвечая на твой вопрос, становление вампиром инициирует нашу фертильность⁹.

— Это выглядит как противоречие природе, тебе так не кажется? Ты способен к воспроизводству только после того, как твоя душа уходит, а тело умирает.

— Чьей природе? — возразил Майкл. — Твоей? Возможно. Но в моем мире это естественно.

— Что произошло бы, если бы Ронан испил моей крови?

— Он бы умер медленной и мучительной смертью, — ответил Майкл, когда подавил рык хозяина территории.

Клэр прикрыла рот, чуть не подавившись кофе.

— Моя кровь убьет его?

— Нет, — хмыкнул Майкл, — а вот двухсот пятидесятифунтовый вампир, сидящий с результатом своего поиска — да. Клэр, я говорил тебе, что мы ближе к нашей животной природе, чем люди. Вампиры невероятно территориальны. Я, не колеблясь, убью любого, кто попытается забрать то, что принадлежит мне. Ты должна быть осведомлена об этом аспекте моей натуры.

— Ну, — сказала она на вдохе. — Ты чрезмерно склонен к насилию. — Она отвела взгляд, и пульсация ее дискомфорта завибрировала в Майкле. Наверное, он должен был быть более деликатным, на предмет его территориальности, но он больше не желал скрывать свою истинную натуру от нее. Сомнения грызли его. Ее сомнения. И ощущение покинуло его слишком грубо. — Солнечный свет беспокоит тебя?

— Да. — Майкл изучит ее. Он видел раньше, как она пыталась прочитать его. Если бы она просто открылась ему, то поняла бы, что их связь обнажила его для нее. Он ничего не мог скрыть. — Дампиры переносят солнечный свет так же, как и люди, но воздействие может меня убить.

— Ничего себе, — сказала Клэр со смешком. — Лос-Анджелес не самый лучший город для тебя, знаешь ли. Как часто тебе нужна кровь?

Он положил последний кусочек блинчика в рот.

— В прошлом я мог поддерживать себя, брать кровь раз в каждые три или четыре месяца. — Он посмотрел на нее. — Но я обнаружил, что когда дело касается тебя, я жадничаю.

Красивый ротик Клэр распахнулся на вдохе, и ее губы сформировали тихое «о». Трепет пробежал через него, и его жажда полыхала горячим огнем в горле.

— У тебя серебряные глаза. — Ее голос был едва слышным шепотом, ее глаза сияли. Ее пульс мчался, вены на горле пульсировали под нежной кожей. От звука ее сердца его накрывал всплеск похоти и кружилась голова. Как он мог вообще думать держаться от нее подальше?

Кожу Майкла покалывало от приближающегося рассвета, и тяжесть разочарования поселилась у него внутри. Их время вместе подошло к концу слишком быстро, и в течение нескольких минут жалюзи опустятся, чтобы запереть их обоих в этой жалкой могиле. Боги, как он ненавидел солнце.

— Что случилось? — Ее выражение лица смягчилось от тревоги, и Майкл мог поклясться, что у него лопнули мышцы сердца.

— Солнце всходит. — Его конечности уже чувствовались отяжелевшими, его тело

готовилось ко сну, который скоро достигнет его. Если бы он только мог провести еще один час с ней. *Черт, еще минута.* Он не был готов оставить ее. — Алекс скоро должен быть здесь. И Ронан тоже. Они присмотрят за тобой, пока я сплю.

Она, прищурившись, посмотрела на него. *Такая подозрительная.*

— Просто пойдешь спать, да? Вот так легко?

— Боюсь, это досадная необходимость. — Сколько он успеет сообщить ей о своих слабостях, пока солнце всходит? — У меня нет выбора, кроме как спать. Еще одна физиологическая причуда.

Она сверкнула озорной улыбкой, которая обожгла его грудь.

— Так ты говоришь, что если не ляжешь сейчас спать, то будешь просто валяться на полу?

Он в свою очередь улыбнулся.

— Более или менее.

— Вот и хорошо. — Клер продолжала изучать его, будто она могла влезть в его душу. — Я думаю, тебе лучше пойти спать. Сомневаюсь, что я смогу отнести тебя наверх, если ты вырубись на кухонном полу.

Нет, но он мог носить ее без каких-либо усилий. Она была пушинкой в его руках, и в нем все жаждало взять ее наверх, уложить в свою постель и почувствовать тепло ее прижатого к нему тела. Оставлять ее даже на несколько часов казалось слишком большим подвигом. Он имел в виду то, что он сказал о вовлечении ее в эту жизнь. Майкл знал, что если он надавит слишком сильно, она бросится бежать.

Он пересек кухню, подойдя туда, где она стояла у раковины, ополаскивая тарелку. Она смотрела на него, ее глаза были большими и светились.

— Веди себя хорошо, Клэр. — Он поцеловал ее в лоб, и она наклонилась к его руке, ее тело таяло от него. Боги, если он не оставит ее сейчас, то никогда не расстанется с нею. — Хорошего дня, мой маленький человек. — Майкл повернулся и пошел прочь, и усилие было сродни разделению двух магнитов. Через несколько коротких часов Клэр удалось укорениться сильнее в его сердце. В его душе.

И теперь, когда она была здесь, он собирался сделать все от него зависящее, чтобы она осталась.

Свежая кровь наполняла воздух, и горло Михаила жгло от жажды. Необходимость пить была сильна, несмотря на то, что он хотел утолить ее, прежде чем идти в бой. Проклятая кровожадность. Вторичные клыки пульсировали в такт с биением сердца. Некоторые из Сортиари добровольно перерезали себе горло в попытке отвлечь силы вампира от боя и ослабить его оборону. Однако Михаила было не удержать. Сволочи взяли Илию, и он не успокоится, пока не найдет ее.

Он размахивал тяжелым палашиом, срубая головы врагам, как свежую осеннюю пшеницу. Вокруг него была одна смерть: тела солдат Сортиари и их убийц было больше, чем вампиров, которых он мог сосчитать. Внутри все сжалось, когда ярость затмила глаза Михаила. Со всем, что было потеряно, он не переживет и ее потерю.

— Илия!

Майкл очнулся, имя сорвалось с его губ измученным криком, эхом отражаясь от стен. Прежде чем Сортиари уничтожили вампиров, у него была женщина. Недавно обращенная вампирша по имени Илия. Хотя они делили постель и кровь, Майкл знал, что она не была его женщиной. У нее не было души, которая сделала его целым. Только через коллективную память Майкл испытал на себе магию истинных уз. Так было, пока три дня назад его душа не устремилась к нему, заполняя пустоту, которая поглощала его на протяжении веков.

Солнце еще было на горизонте, он чувствовал это каждой клеточкой тела. И он был в сознании. В теле и разуме. Смерть — как сон в дневное время — не держала его в своих тисках. Но он изголодался.

По Клэр.

Его клыки мучительно пульсировали в десне, и горло горело неугасаемым огнем. Может быть, остатки его сна разожгли жажду? Его поиск Илии, который прошел через века и заиклился на человеке? Или он просто оправдывался, делая все что угодно, чтобы объяснить глубокую душевную потребность, которую он испытывал к Клэр.

В крошечной тьме стены приблизились к нему, воздух стал меняться. Запах смерти все еще был свеж в его голове, и паника хлынула в грудь Майкла, обжигая так горячо, как жажда. Он поднялся с матраца, споткнулся о толстый персидский ковер и рухнул на пол. С низким рыком он поднялся с пола и оделся, рывком распахнул дверь, вырвал петли из косяка. Он бежал, делая глубокие глотки воздуха.

Нужда. Потребность. Желание. Жажда.

Его эмоции проиграли гамму чувств, мчась в нем, как кипящие тучи. В доме было темно, карманы искусственного света освещали длинный коридор к лестнице. Майкл споткнулся, когда бежал по коридору, отчаяние отдавалось в каждом лихорадочном шаге. Он не мог сидеть взаперти в этой чертовой гробнице, отгородившись от всего мира. Каждый шаг вниз по лестнице был быстрым, под пальцами трескались перила от его несдерживаемой хватки.

Ее аромат сводил с ума, мысли снова вонзить клыки в нежную плоть ее горла занимали все мысли. Оказавшись на втором этаже Майкл притормозил, прежде чем бросился вниз по лестнице и направилась в сторону того дразнящего аромата.

— Клэр.

Она стояла у парадной двери, одна рука застыла на медной ручке. Локонь волос

каскадами ниспадали на одно плечо и скрывая ее голую руку — пшеница на заснеженном поле. Ее щеки пылали кровью, а губы были темно-розовыми и манящими. Майкл вытряхнул остатки своего сна из разума, и желание, что поднялось в нем, заставило член отвердеть на грани боли. Боги, он хотел ее, хотел похоронить себя так глубоко внутри нее, что уже не знал, где его тело заканчивалось, а ее начиналось.

— Что ты делаешь? — Паника поселилась в его тоне, когда он прижал ладонь к все еще закрытой двери. Она думала покинуть его? — Я же сказал тебе, что произойдет, если ты попытаешься уйти через эту дверь.

— Михаил. — Она прятала свою нервозность под фасадом спокойствия, но звук ее учащенного пульса эхом отражался в его ушах, как гром. Мышка попала в пасть голодного кота. — Что ты делаешь? Я думала, ты будешь в отключке. — Она нервно рассмеялась. — Я просто выйду подышать свежим воздухом. Знаешь, чувствую себя немного заключенной.

— Не пытайся управлять мной, Клэр. — Ее щеки стали еще краснее, и запах ее крови лихорадил его. Его истинное имя на ее губах было раем, звук медленно ласкал его. Слишком сильно. — И не называй меня Михаилом. Того мужчины больше не существует.

Она склонила голову набок. Изучая его, будто пытаясь разложить его по полочкам, пока он делал шаг от двери.

— Ронан называет тебя Михаил.

— Ронан зарвался. — Он сделал шаг к ней. А потом еще один. Клэр не попятилась. Скорее она расправила плечи и вызывающе вскинула подбородок. *Такая храбрость в этой женщине. Такая сила.*

— Я слышала, как ты кричал. С тобой все в порядке?

В ее тоне было беспокойство или подозрение?

— Куда ты идешь?

Она посмотрела ему в глаза без тени лукавства. Она убрала левую руку за спину, будто что-то скрывая. *Лукавая женщина.*

— Я сказала тебе. Иду на свежий воздух.

Где Алекс? И где, черт возьми, Ронан? Он обещал вернуться на рассвете.

— Ронан! — Голос Майкла прогремел по всему дому, а его смелая женщина даже не поморщилась от этого звука. Она стояла против надвигающейся бури, расправив плечи, будто готовилась к битве.

— Он занят. — Клэр скрестила руки на груди, заставляя грудь еще больше показаться из глубокого V-образного выреза ее рубашки. Майкл подавил желание схватить ее и вонзить клыки в эти заманчивые холмики плоти. — И Алекса здесь нет, так что не надо кричать и звать его, или кого-то еще.

Ронан вошел в комнату мгновение спустя, его выражение лица было озабоченным и немного шокированным.

— Солнце еще на горизонте.

— Спасибо, Ронан. Я не знал, если бы ты не сообщил мне. — Майкл вздохнул. — Где Алекс?

Ронан оглянулся, будто он понятия не имел, о ком Майкл говорил. *Добрые боги.*

— Я позвонил и сказал ему не возвращаться. Здесь все под контролем. Для него нет никакой необходимости быть здесь.

— О, в самом деле? — Майкл схватил Клэр за левую руку, дорогой кожаный бумажник был сжат в ней. Она попыталась освободиться и длинный рукав рубашки скользнул вверх по

ее руке, обнажив Патек на запястье. Она посмотрела ему в глаза, и ее щеки покраснели, прежде чем она виновато отвела взгляд. Как давно они у нее? С той ночи в Дьябло, без сомнений. Она заманила его в заднюю часть клуба с намерением ограбить. У его пары, казалось, было достаточно опыта.

Ронан посмотрел на Клэр, у него немного отвисла челюсть, прежде чем он проверил свою куртку.

— Ты залезла в мой карман?

Майкл закатил глаза на одобрительный тон Ронана. Он вырвал кошелек из ее руки и швырнул его обратно хозяину, оставив свои часы на ее запястье.

Клэр поджала губки и скрестила руки на груди, она была похожа на капризного ребенка. Майкл продолжал водить пальцем по ее руке, его большой палец действовал самостоятельно, поглаживая сливочную кожу.

— Просто глотнуть свежего воздуха? — спросил он, подняв бровь в сомнении.

Она отвернулась, сжав челюсти. Ее эмоции перешли от шока и смущения к глубокой обиде, которая натянулась и пронзила сердце Майкла. Он причинил ей боль, и стыд горячим и густым комком свернулся в горле. Он взял ее вену, использовал, а потом отверг, будто она ничто. И ничего для него не значила. Потом он выманил ее на вежливый разговор, только чтобы оставить ее на попечении другого мужчины, как только солнце взошло. Она могла не ощущать нерешительность, воющую в нем? Необходимость сделать ее действительно своей, которую он чувствовал? И страх, что этого никогда не будет.

— Так ты не спишь, — сказал Ронан, вставая спиной к Клэр, — мне нужно кое-что обсудить с тобой. Кое-что *важное*.

Взгляд Майкла скользнул в сторону Клэр. Если он снова оставит ее одну, она бросится бежать.

— Думаю, мы можем верить, что она будет хорошо вести себя. И больше не будет лазить по карманам, а, Клэр?

Она проигнорировала Майкла и сосредоточила внимание на Ронане.

— Конечно. Пофиг. Мне не нужен свежий воздух. Я просто посмотрю телик.

Клэр повернулась и зацепила большие пальцы за задние карманы, случайный жест заставил ее упругую грудь выступить и натянуть хлипкую ткань футболки. Майкл проглотил похоть, которая прилиwała и набухала в теле. Необходимость заполучить как ее тело так и кровь снова оставила его балансировать на грань логического мышления. Она легко отошла от двери, движение должно было быть случайным. Напряжение вибрировало в ней; пульс сбивался с ритма, и бешеного сердцебиения было достаточно, чтобы сказать ему — очнись он мгновением позже, и она бы ушла. Она украла бумажник Ронана и собралась уходить, в этом Майкл не сомневался.

— Я думала, вампиры не могут бодрствовать днем? — Она обвиняюще посмотрела на него, будто поймала его на лжи. Она была хитрой женщиной. Использовала промах, чтобы скрыть свою собственную вину.

Он медленно повернулся к ней лицом и поднял брови.

— Должен сказать, Михаил, мне тоже любопытно.

Клэр посмотрела на Ронана поверх плеча Майкла, и невольная улыбка заиграла на ее губах. О чем они говорили, пока он спал? Какие связи они создали? Ему не нравилась та легкость, с которой она дарила свою благосклонность другим мужчинам. Хорошее настроение, что пробудило Майкла, заставило его член затвердеть. Боль ревности пронзила

его грудь, и он потер через рубашку звездообразный шрам над сердцем. Ронан мог быть его другом, но Майкл не мог справиться с диким рычанием, вскипающим в горле.

— Подожди меня в кабинете, Ронан. — Взгляд Майкла не покидал Клэр, мерцающие золотые глубины испаряли все вокруг него.

— Это касается и Клэр тоже, — заметил Ронан.

Майкл не удосужился посмотреть на своего друга. Если он так сделает, то может попытаться разорвать горло другого самца. Его тон был ледяным:

— Да?

Клер перевела взгляд с Ронана на него и обратно, потом нахмурилась. Она была умна, отведя взгляд от другого мужчины, особенно когда эмоции Майкла были так изменчивы. Коллектив теребил нити его памяти. Первобытное, инстинктивное желание взять Клэр наверх, впиться зубами в ее горло, а членом в мягкую плоть, перекрывали всякое чувство приличия и собственного добровольного воздержания. Он хотел укусить ее. Пить из нее. Трахать ее, пока не останется никаких сомнений в ее сознании, которому она принадлежала. Она никогда не посмотрела бы снова на другого мужчину, даже с намеком на ласку, когда он был с ней.

— Мы с тобой, Ронан, обсудим любое дело, которое у тебя есть, наедине.

Клэр сделала шаг к Майклу.

— Ты ни при каком раскладе не будешь разговаривать обо мне за моей спиной, дружище. — Клэр ткнула пальцем в его грудь. Он посмотрел вниз на тонкий пальчик и сжал челюсти. Подушечка ее пальца упиралась в его шрам, и рык поднимался в его груди.

Боль от этого проклятого шрама была глубоко в душе, и Клэр только что ткнула в уже и так разволновавшегося зверя. Она встретила его взгляд с вызовом и не показала ни грамма страха. *Замечательно.* Майкл выдержал ее взгляд и привлек свою силу — силу, что по иронии судьбы, она помогла восстановить — и ее рука опустилась.

— Клэр, — произнес он. — Спать.

Ее глаза закрылись, и она обмякла в его руках.

— Это один из способов успокоить женщину, — съязвил Ронан в своей придиричивой манере. — Действительно, Михаил, не мог бы ты быть более своевольным?

— В мой кабинет, — процедил он сквозь зубы. — Я скоро приду туда.

Ронан испустил многострадальный вздох и повернулся на пятках.

— Оденься, — сказал он и покинул комнату. — Но предупреждаю, Михаил, если ты будешь продолжать относиться к ней, как к вещи, она сбежит из клетки, проскользнув сквозь пальцы. И если это произойдет, то она может оказаться в руках у наемника Сортиари. Или уничтожит наши сердца своими руками.

Тихое возмущение медленным огнем поднималось на поверхность еле сдерживаемого нрава Майкла. *Своевольным?* Он вынужденный король потерянной расы, чье будущее зависит от очень хрупкой, очень *человеческой* женщины в его объятиях. Женщины, которая никогда не сможет стать ему полноценной парой. У него нет выбора, кроме как своевольничать. И то, что он делал для Клэр, было для ее собственной защиты. Она могла казаться отлитой из стали, но как только она поймет весь объем своего непростого положения, ее слабая человеческая психика треснет. Ронан думал, что она сбежит? Майкл последует за ней и на край земли.

Он поднялся вверх по лестнице на площадку второго этажа, пройдя мимо коридора к гостевой спальне. Может она быть его парой или нет, Клэр принадлежала ему. Он

отказывался класть ее где угодно, кроме своей кровати. Никто не рисковал подниматься выше второго этажа. Даже Алекс. Третий этаж принадлежал только Майклу. Он освободился из одной тюрьмы только для того, чтобы похоронить себя в другой. На верхней площадке было темно. Тихо. Там воссоздавалось вековое адское одиночество. Неправильно было хотеть держать Клэр при себе, пленницей, точно такой же, как он?

Сделать то, что хотели они оба, было превыше того, что было необходимо для продолжения расы?

Он уложил ее на матрасе, будто она была хрупкой скорлупкой. Слишком тонкой, способной пострадать даже от малейшего неверного движения. Ее волосы рассыпались на темно-синей наволочке, будто золото, мерцающее глубоко под водой. Майкл наклонился, чтобы убрать пряди с ее лица, и Клэр вздохнула, звук настолько чистый и сладкий, что заставил сердце мужчины сжаться в груди.

Она была сокровищем. Красивым, экзотическим животным, нежным и редким. Она пробудила его силу, будто мать давно умершей расы, и она не подозревала, насколько была важна для всех них.

Аромат ее крови заполнил замкнутое пространство спальни такой сладостью, что Майкл чуть не начал пускать слюни. Его клыки пульсировала в деснах, и огненный жар прокладывал себе путь к горлу. Он кормился несколько часов назад, и все же жаждал ее с силой недавно превращенного. Его сердце энергично билось в груди, и сила поднялась внутри него. Он почувствовал себя ожившим. Живым. И все же этого было недостаточно. Он хотел большего, чем насыщения ее кровью. Пока она была человеком, наибольшую опасность для ее жизни представлял сам Майкл.

Он резко выпрямился, только сейчас понимая, что он склонился над ней, а его рот касался ее горла. Жажда крови захватила его, попутно ослабляя не только его разум, но и волю. Он взял бы ее. Вонзил бы клыки в шею и изнасиловал, пока она крепко спала под воздействием его приказа. Боги, еще даже двадцати четырех часов не прошло, а уже он оказался бессилён противостоять ее песне сирены. Власть, которую она имела над ним, была мгновенной. Мощной.

И опасной.

— Михаил! — Голос Ронана раздался с нижнего этажа. — Ты собираешь заставлять меня ждать весь день? Клади Спящую Красавицу на кровать и давай покончим с этим!

Майкл оторвался от Клэр, каждый дюйм его тела трепетал. Он с силой сжал руки в кулаки, когда зашагал к двери, все время его тело кричало развернуться и сделать то, что он так хотел. Хотя его и возмущало постоянное присутствие другого мужчины, когда Майкл закрыл за собой дверь, он понял, что Ронан — это, может быть, все, что стояло между ним и полным разорением. Возможно, Клэр нужна была защита не только от Сортиари. Майкл начинал думать, что кто-то должен защитить ее от него.

Ронан расхаживал как зверь в клетке, когда Майкл вошел через открытые двери. Его волосы на голове были диким клубком, как он грыз ноготь большого пальца, будто это мог быть его последний ужин.

— Что произошло между вами, пока я спал?

Ронан повернулся к нему лицом, на нем читало выражение разочарованного родителя.

— Правда, Михаил? Неполный день с твоим другом, а ты уже ревнуешь.

— Что произошло? — То как Ронан уходил от ответа, пробудило ярость Майкла, ревность это была или нет. Что-то пробудило его ото сна. Сдвиг, который никогда не

происходил за многие века его существования. Он испытывал чувство неотложности после пробуждения. Паника. Ронан напугал Клэр? Угрожал ей? Сделал нежелательный намек? Кровожадность Майкла разбушевалась. Не имело значения в данный момент, чьей кровью он насытится. Если Ронан оскорбил Клэр хоть как-то, Майкл насытит свою жажду прямо здесь и сейчас.

— Если, став ограниченным вампиром, превращаешься в бессмысленное животное, которым управляют основные инстинкты, возможно, я должен пересмотреть принятие твоего щедрого подарка. — Ронан сел за стол Майкла, открыл старую книгу в кожаном переплете, и сосредоточил свое внимание на том, что было написано там. Майкл знал эту книгу. Он видел ее где-то прежде... много лет назад.

— Где ты взял эту рукопись? — Его ревность брала верх над любопытством. Многие из реликвий вампирской расы были рассеяны по ветру после терактов Сортиари. Он нашел несколько из них на протяжении последних десятилетий, но о данном томе думал, что потерял его.

— Ты не единственный со связями, — ответил Ронан. — Или с влиянием.

Самодовольно. У Майкла было достаточно времени, чтобы допросить Ронана о том, как и от кого он получил книгу, но появление реликвии в настоящее время было наименьшим из его забот.

— Какое отношение книга имеет к Клэр?

— Я не совсем уверен. — Ронан продолжил перелистывать страницы, бросив косой взгляд в сторону Майкла. — Я не нашел именно то, что искал, но, если мои предположения верны, думаю, что я уберег тебя от жизни полной беспокойства, мой друг.

Майкл изогнул бровь.

— И как же?

— Думаю, Клэр — Сосуд.

Майкл недоверчиво усмехнулся.

— А я-то подумал, что ты придешь ко мне с чем-то, не основанным на мифах и легендах. — Майкл прошелся по комнате, его мозг гудел от жажды. До Клэр он сдерживал жажду в течение нескольких месяцев, даже без намека на бессмысленную кровожадность. Но теперь взять ее вену стало его навязчивой идеей, жажда поднималась до такой степени, что только насилие удержит его от нее. *Клэр — Сосуд.* Майкл насмешливо фыркнул. С тем же успехом она могла быть единорогом.

— Почему тебе так трудно в это поверить? — продолжил Ронан, уткнувшись носом в страницы, его внимание было сосредоточено на древнем тексте.

— Потому что этого не существует. — Надежда, осмелившаяся воспарить в груди Майкла, упала с неба со сломанными крыльями. — Это романтическая история передающаяся из века в век. То, что дает любовникам глупые надежды. — Он подумал о воспоминании вампира, который убил свою человеческую любовницу. Несомненно, тот был убежден, что женщина была Сосудом.

— Нет. Ты ошибаешься.

Боги, Ронан бесил Майкла, отказываясь отрываться от пожелтевших пергаментных страниц. Его пальцы скользили по строкам, будто он читал, его губы беззвучно шевелились.

— Ну что, Ронан, ты обнаружил то, с чем ни один вампир никогда не сталкивался?

— Не я нашел ее, Михаил. Это сделал ты.

Майкл вздохнул.

— Если ты пытаешься меня разозлить, это работает.

Ронан проигнорировал жесткие слова Майкла.

— У меня не было времени почитать. Час или около того. У меня займет много времени, чтобы во всем разобраться. Но из того, что я могу сказать, Сосуд несет в себе определенную... искру. Силу разума и духа. Внутренний свет или ауру силы, которая призывает вампира. Вроде сверхъестественной кошачьей мяты.

Майкл поднял бровь, потом строго посмотрел на Ронана.

— Ты хочешь сказать, что Клэр зовет тебя? — Ронан был в достаточной степени вампиром, чтобы почувствовать инстинктивную тягу, если то, что он сказал о ней, было правдой. Майклу скоро предстоит бой с ордой самцов за обладание Клэр? Он убьет любого, в том числе и Ронана, кто попытается отбить ее у него.

Ронан поднял глаза от рукописи.

— Ты не мог бы что-нибудь сделать со своим рыком. Это сбивает.

Дикий рокот стих в груди Майкла, хотя его раздражение никуда не ушло.

— Почему ты отказываешься отвечать на мои вопросы, Ронан? Я спрашиваю тебя, откуда ты взял кодекс, ты уклоняешься. Я спрашиваю, что ты обсуждал с Клэр, ты уклоняешься. — Сжав зубы, Майкл выдавил, — я спрашиваю, чувствуешь ли ты к ней влечение, ты уклоняешься. Мне надоело, что ты уклоняешься от моих вопросов.

— Да? Ну, мне надоело, что ты ведешь себя, как неотесанный дурак с замашками пещерного человека. У нас с Клэр была вежливая беседа, пока ты спал. Не более того. Я чувствую к ней тягу? Нет. Я чувствую силу ее жизненной силы? Конечно, да. Мы все это чувствуем. Но я также ощущаю отличие в ней, и это... тревожно. Что касается кодекса. — Ронан вздохнул. — Я взял его у Шивон. По такой цене, которую не стоит ни один из твоих богом проклятых бизнесов. Теперь, пожалуйста, мы можем вернуться к делу?

Шивон. Боги, эта женщина была бельмом на глазу Майкла. Она считала себя королевой, и правила своим ковенном железным кулаком, не говоря уже о превосходстве и презрении к расе вампиров. Она презирала идею превращения. Жертвуя душой, несмотря на перспективу привязи. То, что Ронан решил обратиться к ней, было еще одним раздражителем, которое Майкл должен был перенести. К тому же с кем мужчина спал — не было делом Майкла. Не если Ронан хотя бы словом обмолвился о существовании Клэр этой изворотливой женщине, он не постесняется потребовать, чтобы Ронан положил конец их роману. Шивон была дикой. Опасной. Переменчивой. И у него не было времени разбираться с ней.

Сухой жар лизал горло, и Михаил продолжал концентрировать свою энергию на том, чтобы переставлять одну ногу перед другой. Все, чтобы удержать свои мысли от проклятой жажды. Неважно, как Ронан получил рукопись, он предлагал Майклу проблеск надежды, тусклый, хотя возможный. Но проблеск был опасной вещью после веков тьмы.

— Расскажи мне все, что ты узнал, — сказал он. — Мы начнем оттуда.

Клэр проснулась, чувствуя прямо-таки похмелье. Она спала, как убитая, что было смешно, учитывая нынешние обстоятельства. Потребовалось несколько минут, чтобы глаза привыкли к темноте серых сумерек, и вокруг нее все медленно сфокусировалось, темные очертания спальни стали более определенными. Она лежала на нереальном острове кровати, огромная королевская кровать была незначительной по сравнению с размерами спальни. Тяжелые оконные металлические ставни, но легкий вечерний ветерок колыхал занавески, щебетание птиц, устраивающихся на ночь, наполнял воздух.

Она вытянула руки высоко над головой, удивляясь жесткости, которую она чувствовала. Священник вчера хорошенько ее отделал, но она чувствовала себя так, будто не разминала мышцы, по крайней мере, месяц. Туман, поселившийся в ее мозгу, казалось, неохотно рассеивался, и остатки сна цеплялись паутиной за ее воспоминания: Михаил снова к ней приходил и снова велел ей спать своим восхитительно глубоким голосом. И во сне Клэр упала в его объятия, не в силах противостоять команде. *Странно*. Тем более, что она не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь так спала. Последнее, что она помнила, что собиралась покинуть это место, и поворачивала уже чертову ручку, когда Михаил поставил крест на этом плане. Они стояли в фойе, а затем... *ничего*. Все, после этого момента было абсолютно пустым.

— Ах, дерьмо! — Клэр рывком села, и сразу же пожалела об этом. В голове зашумело, и комната закружилась. *Ничего себе*. Она действительно чувствовала похмелье. Она пропустила свою смену в закусочной, и Ланс прибьет ее. Она не могла позволить себе уволиться, даже под угрозой смерти от тайных обществ. И если ее новая нянька думала, что он может просто держать ее взаперти в его элегантном особняке, будто какую-то бездомную кошку в приюте, ну, ему следует подумать еще раз.

От центра постели она поползла к тумбочке. Срань господня, матрас был огромным. Вся семья может спать на этой фиговине. Вздох облегчения вырвался из ее груди при взгляде на телефон, и она взяла его с базы, позвонив по номеру закусочной, затаив дыхание и молясь, чтобы у нее по-прежнему была работа.

— Блинный Дворец, — ответил Ланс слишком радостно для того, кто стоял у горячей плиты в течение шестнадцати часов в день.

— Привет, Ланс. Это Клэр. Мне так жаль, что я пропустила смену...

— Черт побери, Клэр! Где ты? Ты в порядке? Я так волновался! — Паника, пронизывающая слова Ланса, привела ее в состояние повышенной готовности. Слишком много беспокойства за человека, который просто пропустил смену. — Я готовился подать заявление о пропаже.

— Я тоже скучала по тебе. — Клэр откашлялась, ее голос был низким и сонным. Что с ней происходит? — Посмотри на нас. Одна смена вдалеке друг от друга, и мы тоскуем друг по другу, как старая супружеская пара.

Последовала долгая пауза, и все внутри нее скрутилось в тугой узел.

— Клэр... прошло три дня.

Что?

— Эм, да. Верно. — Хороший аферист всегда успевает адаптироваться к ситуации. — Это я и имела в виду. Я немного выпала из жизни. Думаю, это мог быть мононуклеоз.

— Дерьмо, — простонал Ланс. — Ты ведь мыла руки всю последнюю неделю, верно? Последнее, что он хотел бы, это потенциальную угрозу здоровью в закускойной.

— О, да. Я всегда усердствовала в мытье рук. Но думаю, мне лучше держаться на расстоянии, пока я не смогу попасть в клинику и сдать анализы. Если у тебя есть кто-то, чтобы нанять и заменить меня, я пойму. — Клэр проглотила комок в горле. Ей нужна эта работа, блин. *Пожалуйста, пожалуйста, не увольняй меня.*

— Надо было позвонить мне раньше, Клэр. Но у меня был моноклеоз в средней школе, поэтому я знаю, что это может заставить слечь. Я могу нанять кого-нибудь временно, но не волнуйся. Твоя работа останется за тобой, как только ты поправишься. А пока я не хочу тебя здесь видеть. Поняла?

Она издала слышимый вздох облегчения.

— Поняла.

— Поправляйся, Клэр.

— Спасибо, Ланс. Увидимся позже.

— Дай знать, если тебе что-нибудь нужно, — сказал он.

— Конечно. Пока.

Мгновение Клэр сидела на краю кровати с зажатым в руке телефоном. Три дня? Как? Шатаясь, она побрела через огромную спальню, перед глазами все темнело, пока ночь постепенно поглотила последние оставшиеся серые сумерки.

— Черт побери! — Она резко выдохнула, когда шмякнулась коленом о полированное дерево старинного дивана, и она обошла гостиную, босыми ногами утопая в густом ворсе дорогого ковра. Когда она успела снять туфли? Какого черта происходит?

Пламенное негодование вспыхнуло в ней, сжигая кислород в легких, пока не осталось ничего, кроме адского пламени. Михаил что-то с ней сделал. Она вспомнила блеск серебряной вспышкой в глазах в тот момент, как он дал команду «спать». Он испробовал на ней какое — то странное вампирское моджо!

— Ублюдох, — сказала Клэр сквозь стиснутые зубы. — Я надеру ему задницу!

Она, спотыкаясь, понеслась к двери и слишком резко ее открыла, ударив себя по второму колену.

— Дерьмо. Михаил! — Его имя вырвалось из ее уст сердитым окриком, пока она хромала по коридору в сторону лестничной площадки третьего этажа. — Михаил! — Она собиралась убить его. Убить. Его. Никто не наколет афериста, а гордости Клэр был нанесен серьезный удар. Он склонил все в свою пользу, используя любую сверхъестественную силу, чтобы удерживать ее в бессознательном состоянии. Это был один из способов удержать ее в этом доме. *Какой. Придурок!*

Господи, это место было долбаным музеем. Спустившись вниз на один пролет, на площадке второго этажа, Клэр почувствовала, если она свернет не туда, то может оказаться в Нарнии, или еще в каком-нибудь дерьме. Обе ее колени пульсировали, и она была так слаба, что просто идти давалось ей с огромным трудом. Распаляясь гневом, она продолжала шагать вперед. Она могла бы упасть в обморок к тому времени, когда доберется до нижнего этажа, но, черт побери, она собиралась высказать зарвавшемуся кровососу все, что у нее на уме, прежде чем упадет.

Она пролетела вниз по второй лестнице, спотыкаясь и проезжая на заднице последние три ступеньки, и оказалась на первом этаже. Михаил вышел из-за угла, выглядя потрясающе красивым, и, как всегда, с одной саркастически поднятой бровью от любопытства.

— Клэр. — Как было возможно, чтобы его голос звучал спокойным и собранным? Это ее только сильнее разозлило. *И как он смеет быть таким чертовски великолепным!* Это было совершенно несправедливое преимущество. — Тебе надо отдыхать.

— Нет, не смей. — Боже, как он хорошо пах. Аромат темного шоколада и теплого летнего сада ударил в ноздри, и Клэр сбилась с шага. Его влияние на нее было мгновенным и инстинктивным. Она хотела раздеть его догола и облизать с ног до головы. *Будь он проклят.* — Три дня! — выругалась она. — Я спала в течение *трех дней?*

Он сделал медленный шаг к ней, а потом еще один. Его хищная походка завораживала. Каждый мускул его тела двигался и вырисовывался в выгодном свете, частично скрытый мастерски скроенными рубашкой и брюками. Рубашка и брюки она хотела сорвать и...

Сосредоточься, Клэр. Соберись. Не позволяй ему снова задурить тебе голову.

Она замерла на нижней ступеньке лестницы, ее температура тела стала подниматься. Его взгляд сместился к ее щекам, что она знала, что покраснела. У него не займет много времени, чтобы напугать ее, и он хорошо понимал, что пока сверху. *Ну, не надолго.*

— Клэр. — Он положил руки ей на плечи, и она оцетинилась. Он сделал это с ней раньше. У двери. Его зрачки блеснули серебром, и конечности Клэр налились свинцом. Отяжелели. — Спать.

Нет! Команда кричала в ее голове, пока Клэр цеплялась за необходимость бороться с той силой, что он использовал, чтобы сделать ее сговорчивее. Она почувствовала толчок, будто отвергая вторжение в психику, и Клэр выпрямилась, ее руки и ноги больше не были тяжелыми, а разум был чист от тумана, который тяготил ее.

— Не смей больше применять ко мне свою контролирующую разум магию, Михаил! Серьезно, какого черта ты думал? Я проспала несколько дней! — Клэр сделала очищающий вдох, но не смогла утихомирить свой гнев. — Тебе повезло, что ты больше меня, потому что иначе я бы тебя изувечила!

Михаил отступил и нахмурился, когда шок отразился на его красивом лице.

— Клэр, — снова сказал он, ртуть плавилась в его взгляде — *Спать.*

— Нет.

Она никогда не видела, чтобы он был так огорошен. Не тот спокойный, властный, задира-вампир. Складки на лбу и между бровей углубились.

— Я не могу тебя заставить.

— Ни за что и никак! — Ее живот заурчал со всей свирепостью растревоженного медведя, и Клэр обхватила себя руками, чтобы скрыть звук. Довольно трудно вести себя, как сильная девушка, когда ее живот кричал и требовал чизбургер. — Теперь послушай меня. Я не кукла, которую можно засунуть под одеяло и игнорировать. Я умираю от голода. Я грязная. У меня все болит. И мне нужен чертов стакан воды! Ты не представляешь, как о ком-то заботиться? — Она прошествовала мимо него в сторону кухни. — Я серьезно, Михаил. Если ты не покормишь меня через пять секунд, я *уйду.*

* * *

Майкл ошарашено уставился на Клэр.

Она стряхнула его попытку заставить ее спать, словно гусь воду. Это было невозможно.

Он никогда не видел, чтобы такое мог сделать человек. И она стояла, выпрямившись, глаза искрились золотым огнем, сопротивляясь его влиянию. Яростная. Сильная. Мощная. Он повернулся и беспомощно последовал за ней. Он не мог ее контролировать, и ее влияние на него было неоспоримым. Она обвинила его в том, что он морил ее голодом, но это он голодал. По ней. По ее крови. По ее телу.

Впервые Майкл начинал верить в настойчивое мнение Ронана, что Клэр действительно Сосуд. Как еще она могла противостоять его силе? Он последовал за ней на кухню, не в силах сопротивляться ее притяжению. Казалось, столы развернулись. Ибо она, конечно, внушила это ему.

В течение многих дней он держал ее в состоянии забвения. Ронан осуждал его за это, а Алекс... он неодобрительно посмотрел на него и пообещал не возвращаться, пока Майкл не наберется уму-разуму. Это казалось единственным вариантом на тот момент. Они нашли немного информации о Сосудах. Просто бесполезная мифология и догадки. Как могло случиться, что ни один вампир в истории рода никогда не сталкивался с этим? Если бы они сталкивались, то Майкл знал бы об этом через коллектив. Конечно, то, что никто не обнаружил Сосуд, еще не значит, что его не существует.

На данный момент надеяться было очень опасно. Майкл не мог позволить себе даже слабого оптимизма. Клэр обладала сильной волей, в этом он не сомневался. Ее ум был острым; она быстро смекала, что к чему. Однако это не делало ее волшебным человеческим существом, способным перенести обращение. А уж гарантировать того, что она сможет выдержать нагрузку коллектива, об этом и речи не было. Это не укрепит ее статус в качестве его пары.

— Тебе повезло, что я хочу есть. — Майкл вошел в кухню и обнаружил Клэр, роющуюся в холодильнике, выкладывающую горы еды на стол. — В противном случае, я бы ушла пять минут назад.

Она потянулась к висящей сковородке, ее пальцы едва скользнули по краю. Она нахмурилась, концентрируясь, когда встала на цыпочки, и все равно не смогла дотянуться.

— Позволь мне. — Майкл сократил пространство между ними, и протянул руку, перебирая посуду. Ее плечи задевали его торс, и дрожь прошла по его телу, поселившись низко в животе и скрутив яйца. Последние остатки ее крови мчались по его телу, и осталось недолго, прежде чем его тело вернется в состояние покоя. Что только усилит этот голод по ней.

Он выхватила сковородку у него из рук, закрыв глаза, и отшагнув от него.

— Спасибо. Я бы сказала, что это наименьшее, что ты можешь сделать.

Яд в ее тоне жег его. Хотя все они были правы. Ронан, Алекс, Клэр. Он сделал глупость, оставив ее против воли. Это был не тот вариант поведения, который будет способствовать развитию доверия или привязанности между ними.

— Сядь. — Она удивленно посмотрела на него, будто: *«Что ты сказал? Ты серьезно собираешься мне приказывать?»*. Майкл вздохнул и потер переносицу. Он слишком долго не был в компании других людей. Век в могиле и пара веков одиночества не сделали ничего, чтобы укрепить его социальное положение. — Пожалуйста, Клэр. — Он протянул руку, указывая на высокий барный стул. — Сядь. Я приготовлю для тебя.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Никаких игр?

Прилив волнения прошел через его ладони к ее спине. Майкл легонько подтолкнул ее в

сторону высокого табурета, и Клэр неохотно позволила ему это.

— Никакого притворства. Даю слово.

— Хорошо. — Клэр запрыгнула на табурет, она была осторожным зверьком, готовым удрать в любой момент.

Он подвел ее, схватив и удерживая против воли. Как он мог ожидать, что она будет такой, как ему нужно... его сила, мощь... если он обращался с ней, будто она всего лишь ваза, которой суждено почивать на полке, пока не понадобится? Она никогда не будет готова помочь им, если он не сделает ничего больше, чем просто таскать ее туда-сюда. Клэр была так же необходима раса, как и Майклу. Ее разрушение будет и его разрушением. Понимала она или нет, что они уже были единым целым. Неумолимо связаны. И пока что он так мало знал о ней.

— Почему той ночью ты вышла из автобуса? — Казалось, что лучше всего начать с ней разговор с этого. Майкл перевел взгляд на кучу еды, которую Клэр взяла из холодильника, рассортировал ее, собрав ингредиенты для цыпленка *riccata*, которого Алекс запланировал на ужин, прежде чем взять отпуск.

— Ты имеешь в виду *три дня назад*, когда ты и Ронан нашли меня?

Майкл поморщился от ее обвиняющего тона.

— Да. Куда ты шла одна в такой опасной части города?

— Это может удивить тебя, Михаил, но в двадцать первом веке женщина может ходить всюду, где хочет. Без сопровождения.

Боги, то, как она произнесла его имя... Он снова захотел быть тем мужчиной. Михаилом Аристовым. Вампиром. Воином. Уничтожителем врагов. Майкл Аристов был тихим венчурным капиталистом. Персоной, созданной для того, чтобы скрыть, кем и чем он был на самом деле. Майкл был слаб. А Сортиари были готовы поохотиться на эту слабость.

Ее голос был мягок и насыщен, как сливки, когда она сказала:

— Я искала тебя.

Майкл сосредоточил свое внимание на задаче обвалить куриные котлеты в муке, прежде чем положить их на разогретую сковороду. Но его сердце сильно стучало. Услышать ее слова, чтобы понять, что она почувствовала в ту ночь тоже, что и он... связь и необходимость... это было даже больше, чем он мог надеяться.

— Я не знаю, как священник нашел меня, — добавила она. — Я даже близко не была к закусочной.

— Скорее всего Сортиари следили за тобой. — Майкл не хотел ее пугать, но важно, чтобы она поняла объем полномочий Сортиари. — Вероятно, они узнали о тебе тогда же, как я. — Или раньше. Это обожгло его внутренности и рассыпалось золой. — Закусочная? — Поддержание разговора было ключом к ее спокойствию.

— Я — официантка. — Ее голос упал на октаву, будто ей было стыдно произносить эти слова.

— И воровка, — заметил Майкл. Он повернулся к ней лицом, вопросительно поднял брови и заулыбался.

Клэр улыбнулась ему в ответ, ярко и озорно.

— Я предпочитаю термин «аферистка». — Она поглаживала браслет его часов, и грудь Майкла распирало от удовольствия, что он видит что-то свое на ее теле. — Думаешь, Ронан рассердился за меня на то, что я украла его бумажник? — огорченно спросила она. — Я взяла его на случай, если мне понадобится наличка. Я не стала бы пользоваться его

кредитками или чем-то еще. От этого можно довольно быстро загреметь в тюрьму.

Умная женщина. Ощущая восхищение, Майкл едва мог представить уязвленную гордость Ронана, что Клэр так легко удалось украсть его кошелек.

— Зачем тебе были нужны деньги?

— На такси.

Она хотела оставить его. Чувство острой необходимости и потери вырвали его из смертельной хватки дневного сна. Какое-то внутреннее чутье заставило искать ее. Связь была сильна. Неразрушима. Даже вдали он чувствовал ее. Чувствовал ее эмоции. Отчаяние выбило воздух из его легких. Если Ронан был неправ, и она не могла быть обращена, ее короткая человеческая жизнь была бы не более часа против жизни Майкла. Он умрет без нее. И до сих пор он не сумел показать, как много она для него значила, сделав ее своей пленницей. Неудивительно, что она пыталась уйти.

— Ты боишься меня. — Это был не вопрос. Страх обострил ее запах, скисла цветочная сладость ее крови.

— Я боюсь ситуации. — Она теребила ремешок на запястье. — И, может быть, немного тебя.

— Тебе не нужно бояться меня, Клэр. — Майкл вернулся к делу, опасаясь, что, если он продолжит смотреть на нее, то отбросит осторожность к черту и возьмет ее, снова погрузив клыки ей в горло. — Я никогда не причиню тебе вреда.

— Я знаю это. — Слова долетели до него шепотом. — И это пугает меня.

Повисла тишина, Майкл с трудом подавил желание повернуться и посмотреть на нее. Чтобы успокоить себя, что она все еще здесь. Он обнаружил, что понятие их связи было трудно уложить в уме, хотя это было обычным для вампиров. Если все это было трудно понять для него, он едва мог представить, как трудно это было для Клэр.

Прошло тридцать молчаливых минут, и Майкл выложил на тарелку две куриные котлеты и кучку макарон в соусе маринара для Клэр. Он поставил тарелку перед ней и налил ей бокал красного вина, все время краем глаза наблюдая за ней.

Она наклонилась над тарелкой и вдохнула, ее веки затрепетали и закрылись от блаженства.

— Не думаю, что когда-либо чувствовала что-то настолько вкусно пахнущее.

Чувство гордости, что он смог ей угодить, накрыло Майкла, и он подвинул к ней бокал.

— Я не думал, что ты настолько голодна. — Он добавил стакан воды рядом с вином. — Прости.

Клэр сурово посмотрела на него и поджала губы. Он считал ее ярость очаровательной.

— Ты должен извиняться. Я все еще злюсь на тебя, Михаил. Я просто слишком голодна, чтобы беспокоиться об этом прямо сейчас.

Он не ответил, просто занялся своей собственной тарелкой. Его сердце едва билось, он даже не был уверен, что его тело могло обработать еду, но он хотел сидеть около нее. Разделить с ней еду. Разделить своего рода внутренний момент, который мог бы пробудить к нему немного любви. При этом он бы съел ведро гвоздей, чтобы снискать ее расположение, если это было бы нужно.

Стон раздался из ее горла, когда она с удовольствием вгрызлась в еду.

— О, Боже, как же вкусно, — сказала она с полным ртом пасты. — Я заранее извиняюсь за то, как я некультурно буду есть эту пасту, но это отнимает время от еды.

Она ела, как солдат на поле боя, вилка мелькала, а взгляд ни на секунду не отрывался от

тарелки. Вилка Майкла зависла у рта, когда он смотрел на нее и улыбался.

— А ты не шутила, говоря, что умираешь от голода.

Ее взгляд скользнул в сторону, и она остановила вилку на полпути ко рту.

— *Три дня*, Михаил.

Упрек не остался незамеченным, очко в ее пользу. Он должен был возместить причиненный ущерб.

— Почему ты называешь меня Михаил? — Он знал, каким будет ответ, но хотел услышать это.

— Потому, что это твое имя. — Клэр не посмотрела на него, а полностью сфокусировалась на тарелке.

— Меня зовут Майкл.

— О, это не так. — Ее сухой тон заставил его улыбнуться. Он наслаждался ее сварливым характером. — Я чувствую ложь на языке, когда называю тебя Майклом, поэтому я тебя так и не называю. Неважно, что ты хочешь по-другому.

Удивительно. Если то, что она сказала, было верно, ее инстинкты были больше похожи на вампирские, чем на человеческие. Еще одна странность, заставляющая его верить, что Клэр на самом деле таинственный Сосуд.

— Мне нравится, как оно звучит, когда ты его произносишь. Никто очень долгое время не называл меня Михаил.

— Ронан называет тебя Михаил, — снова заметила она.

— Верно. Но это звучит не так сладко, когда он меня так зовет.

Клэр остановилась, повернулась к нему, и блестящая улыбка появилась на ее лице.

— Ты только что сделал мне комплимент, Михаил?

Боги. Это была попытка — быть так близко к ней, и не прикасаться. Клэр была красива и умна; ее разум был быстрым и резким.

— Так и есть, — ответил он, возвращаясь к своей пасте и катая ее вилкой по тарелке. — Тебе нравится?

Он бросил на нее косой взгляд, и у него внутри все сжалось, когда румянец расцвел на ее щеках.

— Может быть, — сказала она, проглотив кусочек цыпленка.

Разве важно, была ли она Сосудом или нет? Майкл без сомнения знал, что хочет ее, так или иначе. Кроме того, он был уверен, что это безрассудное желание станет причиной гибели их обоих.

— У тебя есть четверки?

— Нет. Бери карту.

Если бы Ронан видел его сейчас, устроившегося на полу гостиной, мужчина задохнулся бы от смеха. Но Майклу было все равно. Каждый момент, проведенный с Клэр, был драгоценен; каждый новый день — подарок, который он не мог ждать, чтобы развернуть.

Прошло еще три дня. Три дня он был заперт в своем доме-гробнице, пока Ронан выступал в качестве его посланника, обращаясь к сильным ковенам дампиров и проводя их в свое лоно союзников, которые поддерживали изменения. Армия вампиров воинов для борьбы с Сортиари. Так он мог защитить Клэр.

Его пару. Сосуд и мать вампирской расы.

Или на это он надеялся.

— Твоя очередь.

Майкл посмотрел на выжидающую Клэр, милая улыбка играла на ее полных розовых губах. Боги, как он хотел прикоснуться к ней. Попробовать ее. Почувствовать мягкость лепестков ее губ возле себя.

— Прости. У тебя есть тузы?

Клэр состроила недовольную гримасу и передала карту. Сейчас их разделяло всего несколько дюймов, хотя он чувствовал, что между ними на мили простиралась пропасть. Он не знал, как сократить разрыв. Что делать, что сказать, что позволило бы ей полностью довериться ему. Его сердце перестало биться два дня назад, и еще никогда он не чувствовал так же остро пустоту, как сейчас. Кровь Клэр больше не поддерживала его, и если он снова скоро не покормится, то жажда крови накроет его с головой, и он возьмет ее вену, хочет она того или нет.

— У тебя глаза серебряные.

Майкл собрал четыре туза и отложил карты в сторону.

— Да. — Ему не нужно было подтверждение. Его эмоции балансировали на грани. Изменчивые. Каждый момент, проведенный рядом с Клэр был раем и адом одновременно. Или, скорее, чистилищем.

— Что-то огорчает тебя, — сказала она, и это его восхитило. — Или ты думаешь, как заставить свое моджо контроля над разумом сработать на мне?

Если бы это работало. Майкл выдохнул.

— Я... — слова ускользали от него. Забывали мысли, будто идешь по вязкой грязи. — Разочарован.

— Я не понимаю, почему. — Тон Клэр был легким, но глаза были прикрыты. Темное золото в полночном небе. — Ты выигрываешь.

— Я надеялся, что расстояние между нами сократится, но, кажется, с каждым днем оно становится только шире. — Он пытался раздавить разочарование внутри него, кипящее и бурлящее, как речной поток. — Ты все еще не доверяешь мне.

— Нет. — Клэр отложила карты, подтянула колени к груди и обхватила их руками. — Не доверяю.

— Почему?

— Потому что ты сказал мне, что хочешь, чтобы продолжала называть тебя Майклом.

Снова эта дурь? Майкл поднялся с пола и раздраженно выдохнул.

— Тебя не должно волновать, какое имя я выбираю.

— Волнует, если это ложь.

Раздражающая женщина.

— Пусть это ложь, если ты так считаешь. Но это не меняет того, кто я есть.

— Именно! — Клэр тоже встала, раскидав карты. Ее волосы каскадом лились на одно плечо, будто золотая пелена, а щеки покраснели от злости, что дразнило его жажду крови. — Так зачем врать? Это не изменит того, кто ты, *Михаил*.

Вторые клыки вырвались из десны, также как и рык из груди.

— Ты солгала. Назвалась не своим именем в ту ночь, когда мы встретились.

— Кроме шуток! — выплюнула Клэр. — Потому что я разводила тебя. Я солгала тебе, но не самой себе. Что ты делаешь каждый день. Ты лжешь себе о том, кто ты на самом деле, и нет никакого способа, при котором я могу тебе доверять — вообще — пока ты продолжаешь это делать.

Как он мог объяснить ей боль, которую он испытывал? Вину? Ответственность, которая давит через это имя на него? Это была мантия, которую он сбросил по определенным причинам, а она настаивала, чтобы он натянул ее снова и снова.

— Ронан говорит...

— Да срать я хотел на то, что говорит Ронан. — Майкл шагнул вперед, слова жгли горло. — Он такой же, как и ты. — Он подкрадывался к ней, но Клэр стояла на месте, вызывая подняв подбородок. — Ты не знаешь той боли, которую причиняешь мне каждый раз, когда говоришь это имя. — Боль, да. Но удовольствие тоже. Такое интенсивное удовольствие, что пробудило, как заточенное лезвие, и очистительный огонь Сортиари. Он не хотел, чтобы она называла его Михаил, потому что заставляла его хотеть ее еще больше. Жажда ее с такой силой, что он не понимал и не мог остановиться. Если они не смогут найти доказательства того, что Клэр действительно Сосуд, она никогда не будет ничем большим для него, кроме источника крови. И от этого ему захотелось кричать от злости на богов и резать всех и вся, чтобы не осталось ничего, кроме разрушений. Что-нибудь, чтобы притупить боль и необъяснимое чувство утраты, которое он чувствовал каждый раз, когда она произносила его имя.

— Нет, думаю, я не знала, что причиняю тебе боль. — Клэр едко посмотрела на него, упрямо сжав челюсти. — Потому что ты ничего не рассказал мне о себе! Я — пленница в этом доме уже почти неделю без объяснений, кроме того, что это для моей собственной защиты. Я осталась. Даже после того, как ты *отверг* меня. И это даже не потому, что у меня не было выбора, а потому, что каждая клеточка моего тела кричит доверять тебе. Как я могу, когда ты так много скрываешь от меня? Доверие — не улица с односторонним движением, Михаил. Если ты хочешь получить мое доверие, ты должен сам довериться мне. Так что, пока ты не решишь вытащить свою деспотичную, упрямую голову из задницы, не разговаривай со мной. И поскольку ты, кажется, не реагируешь ни на что кроме злости, я ставлю тебе ультиматум. У тебя есть ровно двадцать четыре часа, чтобы дать мне хорошую причину, почему я должна остаться здесь, с тобой. Если не сможешь, я уйду. Всего хорошего.

— Отверг тебя? — Боги, он едва сдерживался. — О чем ты говоришь?

— О той ночи! — Ее челюсти сжались крепче, и она издала натужный вздох. — Ты хочешь, чтобы я доверяла тебе? Я позволила тебе укусить меня, Михаил! Практически

вручила себя тебе на блюдечке, как какой-то шикарный ужин! И что ты сделал? Ты отстранился, повел себя так, словно я сделала что-то неправильно. Я доверилась тебе, Михаил. А ты не доверяешь мне. — Она пусто рассмеялась. — Черт, ты даже не хочешь меня.

Она повернулась и направилась в сторону фойе. Майкл почувствовал, как она ускользает, будто вода сквозь решето.

— Клэр, не выходи из дома. — Он зашагал за ней, сжав кулаки. Он не мог объяснить своего иррационального страха, что не сможет управлять ей. У него не было причин опасаться, что Сортиари — или никто, кроме Ронана, если на то пошло — знали, где она, ведь его собственность была хорошо защищена. Но его нутро сжималось при мысли о том, что она выйдет на улицу ночью.

— Иди к черту, Михаил, — выплюнула она и рывком распахнула дверь. — Ты не можешь приказывать мне, что делать.

Дверь захлопнулась за ней, это был конец, который Майкл чувствовал своим спинным мозгом. Если она уйдет сейчас, у него не будет шансов найти ее. В его теле не осталось ни капли ее крови. Ронан предупредил его, но он не внял предупреждениям мужчины. Он относился к Клэр, будто она была не более, чем имуществом — особым необычным ужином — и Майкл оттолкнул ее. Он был глупым, упрямым ослом, и если он не откроется, не впустит ее, он потеряет ее и все надежды на восстановление расы. Навсегда.

У него был небольшой опыт с такими эмоциями как терпение, понимание, и даже любовь. Века бездушия и безразличия были хороши в бою, и хотя он заботился об Илии, их отношения имели мало общего с нежностью, больше с первобытной похотью. Боль, которую он чувствовал, потеряв ее, была отражением его уничтоженной расы гораздо больше, чем просто от потери женщины. И за прошедшие века его сердце редко билось, застыв в камне. Михаил Аристов не нуждался в чувствах.

До сих пор.

Осторожно, чтобы не насторожить ее своим присутствием, Майкл открыл переднюю дверь и вышел в теплый ночной воздух. Он поймал ее запах на ветру, слаще, чем любой из цветов, которые украшали его огромный сад. Фонарики на солнечной энергии освещали путь сквозь изгородь и клумбы с большим фонтаном, в центре трех тысяч квадратных футов пространства. Каждый сантиметр был тщательно ухожен и засажен цветущими ночью растениями. Луноцвет¹⁰ и жасмин, Царица ночи¹¹ и лилия Касабланка¹². Майкл никогда не видел розы при свете дня, или ярких оранжевых птиц-из-рая на фоне голубого неба, но ему было все равно. Он видел ночью также хорошо, как никто при полном свете. И цветы благоухали только под покровом тьмы, а не под карающими лучами солнца. Возможно, даже сильнее. Но красота его сада не шла ни в какое сравнение с той женщиной, сидящей на краю фонтана и ласкающей воду пальцами.

— Я чувствую тебя. — Клэр не повернулась к нему лицом, просто сосредоточилась на бассейне с водой, что колыхалась под ее касаниями. Он медленно подошел к ней, будто боясь, что она обратится в бегство при малейшем движении. — Это, как будто ты под моей кожей. Встроен в часть моего мозга, о существовании которой я никогда не знала. Ты — мое шестое чувство, Михаил. — Она печально усмехнулась. — Что бы это не значило. Я знаю, что не имею никакого права быть настолько безумной. Это не значит, что я открытая книга. Я не говорю о моей жизни, потому что мне стыдно. Я вор — карманник. Лгунья. Моя мама была наркоманкой и воровкой, я даже не знаю, кто мой отец. Я с трудом закончила школу, и

мне нечего показать в моей жизни. А ты, Михаил? Чего ты должен стыдиться, чем не делишься со мной? Ты разочарован расстоянием между нами, но это ты его создаешь. Почему ты заставляешь меня остаться, если тебя не интересует ничего, кроме моей крови? Мы могли бы исправить эту проблему полиэтиленовыми пакетами и трубочками. Что я для тебя? Ты знаешь, помимо обеда на колесах.

* * *

Не имеет значения, что он думал или чувствовал к ней. Он был чуть больше, чем чужим. Самозваной нянькой. Тюремщиком. И все же, не подпуская ее, отказываясь говорить о себе, он задел ее за живое. *Как ты смогла так откровенно говорить о своей жизни, Клэр?* Вся эта ситуация была просто психозом. Вампиры? Дампиры? Тайные общества и сверхъестественные убийцы? *Боже.* Может быть, она умерла на тротуаре неделю назад, и все это какое-то странное чистилище. Ее наказание за вранье и воровство. Безумие, епитимья, которую ей придется заплатить, прежде чем будет разрешено оказаться в раю. Потому что там не было ни одной чертовой вещи, которую можно было отнести к нормальному.

Волна ощущений касалась ее кожи с каждым шагом Михаила. Острое осознание его присутствия нервировало ее. Возбуждало. Пробуждало что-то глубоко внутри, что пребывало в спящем состоянии до сих пор.

— Что ты для меня? — Его голос бы бархатно нежным, темным и теплым, как ночное небо. — Клэр. Ты для меня *все*.

Слезы навернулись на глазах, и она силой воли заставила их уйти. Она никогда и никому не была нужна. Никто не заботился о ней, никогда не беспокоился, жива она или мертва. Она едва знала Михаила, но его слова значили для нее больше, чем он мог знать. Честность в них вибрировала сквозь каждую частичку ее тела. Как можно чувствовать такую сильную связь с кем-то, с кем она знакома всего неделю?

Прохладная вода скользила сквозь пальцы. Для нее было плохо остаться здесь и жить, как принцесса в замке. Рано или поздно фантазии должны заканчиваться. Она хотела вернуться к своей дрянной захудалой квартирке без еды в холодильнике и, вытащив счета на оплату, решить, следует ли оплатить в этом месяце счет за электричество или за воду. Никаких слуг, никаких фантазий о спортивных автомобилях. Никаких *ну уж очень* красивых мужчин, следящих за ней. Потому что, как и все хорошее, в конечном итоге это должно закончиться.

Он присел позади нее на край фонтана, так близко, что у нее покалывало кожу, как от физического контакта. Так далеко от города, что был слышен только стрекот сверчков, когда Михаил сделал глубокий вдох и выдох.

— Ты пахнешь летним лесом, — сказал он на вдохе. — Цветами в самом соку. Твоя кровь — самый головокружительный аромат из всех. Он бьет в голову, как выдержанный коньяк. Я могу опьянеть от одного глотка.

Красивые слова. И так же, как коньяк, произнесенные им слова согрели ее тело до предела. Но это не то, что она хотела услышать. Не на самом деле.

— Скажи мне что-нибудь реальное, Михаил. Что-нибудь о *тебе*. — Она не смела

взглянуть на него, не доверяя себе, ведь он был достаточно близко, чтобы коснуться ее. — Дай мне что-нибудь, любую причину доверять тебе.

Он смахнул ее волосы с плеча, и она вздрогнула, когда мужские пальцы коснулись ее плеча и шеи. Его дыхание было теплым, кожа губ порхала возле ее уха.

— Я родился в Киеве в 1622 году. Мой отец был воином и царем; моя мать происходила из ирландского ковена и была принцессой по рождению. Я был воспитан, чтобы бороться рядом со своим отцом. Чтобы уничтожать убийц, которые пытались стереть нас с лица земли. Я воевал, кормился, трахался многие века существования. Я взял женщину в качестве супруги, и жил в относительном удовольствии. Я не утруждал себя связями с друзьями или парой. Я мало заботился о возвращении моей души. Моим единственным беспокойством было истребление моих врагов. В свою очередь, они уничтожали все, что я знал. И теперь я — последний из древних, и совокупность коллективных воспоминаний моей расы живет внутри меня.

Правда. Она звенела в ней с ясностью церковного колокола. Низкий гул вибрировал в груди Михаила, довольное мурлыканье, которое плавило кости Клэр.

— Кто эта женщина? — Ревность вспыхнула огнем в ее венах, но почему? Она не могла понять острую боль, как и эту необъяснимую связь, которую чувствовала с мужчиной, сидящим позади нее.

— Илия. Дочь Виктора Делова. Он был полководцем нашего ковена.

Клэр позволила пальцам скользить по воде, туда-сюда, туда-сюда. Михаил наклонился к ней, и сильные руки обвились вокруг ее бедер, сжимая в объятьях.

— Истребитель убил Илию. Вытащил матку из ее тела, пока она была еще жива. И когда никого не осталось, кроме меня, он дразнил меня этим знанием. Жег и пытал меня. Сдирал кожу с моего тела и бросал ее в пламя. И когда я думал, что сойду с ума от жажды мести и собственного бессилия, убийца пробил мою грудь серебряным колом и оставил умирать на дне могилы.

Правда.

У Клэр перехватило дыхание, и она откинулась в его объятия, упираясь спиной в твердую, мускулистую грудь Михаила. Руки вампира змеей обвились вокруг ее талии, и он притянул Клэр к себе. Так естественно быть в его объятиях. Клэр задрожала, боясь своей реакции, и легкости, с которой он был с ней.

— Как ты выжил?

Губы Михаила коснулись ее уха, и он глубоко вздохнул, надолго задержав дыхание в легких.

— Я был слаб. Голоден. Без надежды и помощи. Один. Я лежал в этой сырой, темной, тесной черной дыре целое столетие, питаюсь грызунами и любыми маленькими зверьками, нашедшими путь ко мне. Сто лет, прежде чем я мог собраться с силами и сдвинуть тяжелую каменную крышку в сторону и освободить себя.

Клэр обхватила его руки и крепко сжала.

— Сто лет? — выдохнула она. Промежуток времени был непонятен ей. — Михаил... — Ее сердце болело за него. За все, что он потерял. Он страдал. И выжил.

Его губы уткнулись в ямку между челюстью и горлом. Клэр вздрогнула от влажного тепла его языка и наклонила голову, чтобы дать ему лучший доступ. Он открыл рот, коснулся клыками ее кожи, заставляя все в животе Клэр сжаться, а ее кисть пульсировать. Она потянулась назад и запутала пальцы в его волосах, положив голову ему на плечо.

— Почему ты оттолкнул меня? Я думала, ты хотел меня, но...

— Я никогда не хотел *ничего* так сильно, как тебя. — Его пальцы пробежались по ее ушной раковине, и она вздрогнула. — Я не отталкивал тебя, Клэр. Я защищал тебя.

— От чего? — пробормотала она.

— От себя.

— Михаил, думаю, настало время позволить мне решать, нужна ли мне от тебя защита. — Она потянулась вверх, провела кончиками пальцев по его челюсти, ее ногти пощекотали короткую щетину. — Потому что, безусловно, от тебя она мне не требуется.

— Я никогда не буду питаться другой кровью всю оставшуюся часть моего существования. Никогда не положу руки на другую женщину. Ты принадлежишь мне так же, как и я связан с тобой. И это знание будет моей погубелью так же, как от любого кола в моем сердце.

Клэр вздрогнула от его слов.

— Почему?

— Ронан считает, что ты сосуд. — Голос Михаила был почти осязаем, вибрируя вдоль ее плоти. — Человек для вампира. Достаточно сильный, чтобы выжить при трансформации и способный выдержать вес Коллектива. — Он мягко фыркнул. — Все это бабушкины сказки.

Она не смела повернуться к нему лицом, просто сосредоточила внимание на звуке его голоса и то, как его пальцы сжали ее.

— Что такое Коллектив?

— Это наша память. Вампиры связаны через кровь. Единственным источником, который создал нас. Наши воспоминания едины, и они могут быть тяжелой ношей. — Он помолчал. — Это... давит на разум.

Без шуток. Клэр не могла себе представить, на что похож опыт воспоминаний, не говоря уже об очевидном нарушении неприкосновенности частной жизни. Она никогда не думала о развязке с Михаилом до этого вечера. Он хотел сделать ее вампиром?

— Почему я не могу просто остаться собой? — Она действительно была настолько плоха, как человек? — Ты сказал, что моя кровь — вот что важно. Вот и все ограничения. — Что она до сих пор не совсем понимала. — Я тоже должна быть вампиром?

— Да. — Он сжал ее крепче. — Я тоскую по тебе. Каждый гребаный день. Я хочу тебя, как ничто никогда не хотел за века существования. Ты спросишь, почему я установил между нами дистанцию. Почему я отвернулся от тебя. Это потому, что я не могу вынести мысли о том, что тебя не будет. *Всей тебя.*

Каждое слово, выходящее из его рта, было правдой. Близость, которой раньше не было, прочно укоренилась между ними. Если бы это было возможно — скрепить их вместе, еще ближе, чем они уже были. Он мог бы заполучить ее. Всю ее, именно так, как он хотел. Она с радостью отдастся ему, если это означало, что она могла удержать это ощущение.

— А что, если я — Сосуд? — Странные вещи происходили.

— Это миф. Ни одной записи об этом не было в памяти Коллектива.

— Все случается в первый раз, Михаил.

— Я уже дважды взял твою кровь. Больше, чем надо, и твоя сила не ослабела. Ты научилась противиться моей силе и не давать приказывать себе. Твоя жизненная сущность — эликсир для меня, ты вернула мне душу. Я хочу верить, и все же... что если я ошибаюсь?

Клэр сильнее обвила его руками и сжала.

— Но что, если ты прав?

Он напрягся позади нее, и она снова положила голову ему на плечо. Его пальцы впились в ее бедра.

— Я не могу удерживать себя дольше. И не буду. Отдайся мне, Клэр. Покорись.

Волна тепла распалилась между ее бедер, и Клэр взяла руку Михаила и направила ее к поясу джинсов. Не много времени займет потерять себя. Прикосновение. Ощущение рта на коже. Тепло в его шепоте. Ее пальцы нащупали кнопку и задрожали, когда она расстегивала молнию джинсов.

— Коснись меня. — Господи, ее губы едва могли найти слова, настолько она отключилась от желания. — Боже, Михаил, мне нужно, чтобы ты коснулся меня.

Она не могла объяснить, не могла определить, что лизало ее плоть и жгло ее изнутри. Связь, которая была между ними, ярко вспыхнула, выгибаясь и связывая их таким образом, что Клэр даже не осознавала. Она была беспомощна, чтобы сопротивляться.

Его рука погрузилась за эластичный пояс в нижнее белье, и он коснулся ее разгоряченной и пульсирующей киски прохладной ладонью. Клэр ахнула от ощущения, и он накрыл ее рот, глотая звуки. Ее ногти впились в его шею, и он застонал, язык переплетался с ее язычком в дикий клубок, от которого у Клэр перехватило дыхание, а остатки мыслей улетучились. Его палец нашел ее клитор, слегка потирая тугой нервный узел, он отстранился, глядя на лицо Клэр и продолжая поглаживать ее.

— Ни один мужчина не удержит меня от желания прикоснуться, попробовать тебя, получить удовольствие от твоего тела. Ты моя, Клэр. Моя пара. — Он щелкнул пальцем по ее клитору, и она вскрикнула и посмотрела ему в глаза. Серебро блеснуло в его зрачках, и это пугало и возбуждало ее. — Скажи это, Клэр. Скажи мне, ты моя и ничья другая.

Она едва могла сформировать мысль, а уж говорить... Он скользнул пальцами по ее влажным, опухшим губам и подразнил ее влагалище. Отчаянный всхлип вырвался из ее горла, а бедра дернулись ему навстречу. Он отстранился, снова потирая подушечкой пальца ее клитор. Жестокая, чувственная пытка, придуманная, чтобы вытащить из ее уст слова, которые он хотел услышать. Это была свободно данная клятва, была ли Клэр бессильна в чем-либо отказать ему?

— Я твоя. — Слова покинули ее губы с небольшим усилием. — Все, что ты хочешь, Михаил, можешь взять. Мое тело. Мою кровь. — У него уже была ее душа. — Что угодно.

Он подвинул одну ногу с края фонтана, и ее джинсы промокли насквозь, когда она погрузила икру глубоко в студеную воду. Широко раскрыв бедра, он дал ей полностью опереться на него, когда его рот прокладывал огненный путь вниз по ее горлу. *Сделай это!* Мысль вопила в голове, пока его клыки задевали нежную кожу. Она поежилась. *Укуси меня.*

Она никогда не хотела ничего больше. Ее крики раздавались в ночи, когда Михаил усиливал давление, поглаживая клитор, или посасывал нежную плоть ее горла. Клэр взбрыкнула бедрами на его прикосновение, цепляясь за его свободную руку и притягивая ее под свою рубашку к чашечке лифчика. Он ласкал ее грудь, когда два сильных пальца погрузились глубоко в ее киску, и, когда Клэр думала, что не сможет выдержать еще минуту, ослепленная удовольствием, его клыки прорвали ее кожу, восхитительно жаля в сопровождении мягкой поп-музыки.

— О! Боже!

Слова вырвались из ее горла рваным криком, ее тело задрожало, будто это было семибальное землетрясение. Низкий рык прогрехотал в груди Михаила, когда он сунул

пальцы глубоко внутрь нее, сжал ее ноющий сосок и брал мощный глоток за глотком из ее горла.

Клэр зажмурилась, когда ее накрыл оргазм. Хаос цвета и мерцание звезд под веками. Каждый дюйм ее тела дрожал так яростно, сжимаясь и выпуская с каждым изумительным толчком, волна за волной удовольствие накатывало на нее, дыхание перехватило, пропал голос и все мысли из головы, пока не осталось ничего, чтобы поддержать ее, кроме мужчины, который сжимал пару в своих объятиях. Михаил стал центром ее Вселенной, и, когда эйфория отпустила, Клэр поняла, что слова были самыми правдивыми за всю ее жизнь.

Больше не будет другого мужчины. Никогда.

Михаил Аристов был воскрешен женщиной в его объятиях. Он никогда не чувствовал себя более живым, чем в тот момент. Больше он не будет прятаться под именем другого, в тени от врагов. Клэр принадлежала ему. Никогда он верил в это больше, чем в тот момент. Сосуд. Мать расы вампиров. И он будет мужчиной, достойным чести быть ее парой.

Его сердце неистово колотилось в груди. *Тук-тук... тук-тук...* медленно возвращаясь к жизни, и отбивая устойчивый ритм, который отправил прилив сил бежать по венам. Он подхватил Клэр на руки и прижал ее тело к своему, потом повернулся и опустил ее с жесткого бетонной поверхности фонтана вниз, на прохладный, ухоженный травяной ковер, покрывающий огромные лужайки. Он стянул с нее рубашку и, в нетерпении увидеть тело, разорвал лифчик, ткань будто была сделана из бумаги. Лунный свет струился с неба, сверкая на ее бледных грудях, розовые соски встали торчком от прохладного поцелуя воздуха.

Михаил стряхнул наваждение и едва удержался от погружения члена до основания, в ее гладкий, плотный жар. Его сила была огромной, безудержной, когда он разорвал джинсовую ткань джинсов по шву посередине, спеша увидеть ее голой.

— Скорее, Михаил.

С придыханием заявление Клэр коснулось его плоти, резонируя внутри него, пока он не понял, что ее жажда была его собственной. Босые ноги впивались в траву, когда она толкнула бедра вверх, позволяя ему снять изодранные остатки ее джинсов и нижнее белье.

Всемогущие боги...

Михаил резко вдохнул, когда его взгляд уперся между бедер Клэр. Волоски были коротко подстрижены, почти полностью убраны, открывая ему беспрепятственный вид на ее сверкающую киску. Между набухшими губами жестко и гордо торчал клитор, словно умоляя его коснуться. Запах ее возбуждения накрыл его, сводя с ума необходимостью, жаждой и вожделением. Он сорвал рубашку со своего тела, отрывая в спешке пуговицы, чтобы почувствовать ее голое тело своим. Его брюки были рядом, и Клэр подалась вверх, ее руки тряслись, когда она потянулась к нему и помогла освободить его член от сдерживающей ткани.

— Я чувствую твой запах. — Удивительный акцент в этих словах, сказанных между прерывистыми вдохами, а ее глаза блестели в темноте, как золотые монеты. — Он... пряный и сладкий. Это сводит меня с ума.

Человеческие чувства не были достаточно остры, чтобы учуять тонкие ароматы, доступные вампиру. Она чуяла его желание, желание совокупляться, которое он не мог скрыть. Его тело посылало феромоны, которые человек мог воспринять на бессознательном уровне, но Клэр узнала их. Ответила на них. Еще одно доказательство того, что она была гораздо больше, чем просто человек.

Хотя он хотел смаковать ее, испробовать на вкус каждый ее дюйм, познакомиться с ее телом, но срочность диктовала, чтобы Михаил взял ее, сильно и глубоко. Вонзил клыки в ее плоть и соединил их тела, когда брал ее кровь.

Он сжал ее бедра руками и развел стройные ноги, опуская свое тело на прохладную траву. Он изголодался по ней. Безрассудное желание. Низкий стон завибрировал в горле, когда его губы встретились с ее киской, он жадно лакал ее, вкушая сладость возбуждения. Клэр задвигала бедрами в такт его рту, выгнула спину от травы и вцепилась пальцами в

пряди его волос, удерживая его.

— Не останавливайся.

Слова вылетели изо рта Клэр низким, протяжным стоном, который заставил яйца Михаила туго сжаться. Это было так давно... *прошли века* с тех пор он вбивал свой член в женскую плоть. Он собирался взять ее снаружи на лужайке, как животное, пока его мысли не прояснятся. Дикий, как любой другой зверь, бродящий по лесу, он руководствовался чем-то большим, чем разум. Необходимость стать парой этой женщине — *обладать* ею — направила его мысли в особое русло. Он вел себя как животное, потому что таким он и был.

Клэр извивалась под ним, ее крики страсти, долетающие до его ушей, дальше направляли его мысли по этому руслу. Его клыки пульсировали в деснах; горло горело, а жажда затуманивала мысли. Михаил прерывисто дышал, когда отстранился и повел ртом по внутренней стороне ее бедра. С тихим стоном, она развела ноги пошире.

— Сделай это. Укуси меня, Михаил.

В тот момент, когда клыки прокололи ее кожу, Михаил скользнул двумя пальцами в скользкий жар ее киски. Клэр вскрикнула, снова выгнув спину и схватившись руками за траву, будто стараясь удержаться на земле.

Ее кровь, текущая по его языку, была слаще амброзии, и он опьянел в одно мгновение. Он взял вену на шее всего минуту назад, но как же он изголодался по ней, каждый плоток только разжигал его жажду, а не утолял ее. Клэр продолжала извиваться под ним, он водил большим пальцем по ее жесткому и опухшему клитору. Ее внутренние стенки сжимались вокруг его пальцев, бедра двигались, и его имя вырвалось из ее уст диким криком.

— Михаил!

Боги, сила. Она поднялась в нем, воспаляя каждый нерв его тела. Потребовалось усилие воли, чтобы абстрагироваться и закрыть раны. Он хотел высосать ее. Пить из нее, пока ее сердце не перестанет биться. Накормить ее из своей вены и посмотреть, как она возрождается и становится его навсегда. Михаил нужно быть осторожней. Он не мог позволить себе превратить эту фантазию в реальность, пока не будет уверен. Он и так уже балансировал на лезвии бритвы. Один неверный шаг мог заставить ее бежать, и это будет для него гибелью.

Член Михаила пульсировал между ног, так сильно, что это причиняло ему боль. Он жаждал освобождения, пролить свое семя внутри нее, соединить их тела воедино. Тихий стон удовольствия ответил ему, когда он поднялся на колени и схватил Клэр за бедра, дергая ее к себе. Он взял член в руку и направил распухшую головку к ее входу, судорожно втянув воздух в легкие от шока, когда влажный жар приветствовал его.

— Да. — Клэр толкнула свои бедра навстречу ему, расстроенный стон вырваться сквозь ее стиснутые зубы. — Мне нужно почувствовать тебя внутри меня, Михаил. Сейчас. Пожалуйста. Боже, сейчас!

Она вцепилась руками в свои спутанные волосы, в ее глазах сверкала дикая страсть. Каждой частичкой животного, которым он был, она скользила по гладкой плоти его члена, лаская себя каждым толчком бедер. Тело Михаила напряглось, ощущение было настолько сильным, что он не хотел, чтобы она останавливалась. Когда ее крики стали более отчаянными и страстными, он знал, что она была близка к оргазму, и он отказался отпускать ее, пока не будет погружен в нее по самые яйца.

— Ты подождешь меня, Клэр. — Михаил отстранился, несмотря на ее протесты, кладя одну руку рядом с ней, другой обхватывая ее шею. Он опустил свои губы к ней, целуя с

бешеным отчаянием, и она ответила. Один клык царапнул ее нижнюю губу, и он застонал ей в рот, смакуя вкус ее крови на языке. Он исследовал ее глубины, входя дюйм за мучительным дюймом. Она была настолько тугой, будто сжимала его в кулак, и его тело дрожало от сдержанности.

Нетерпение Клэр победило его осторожность. Она пронзила себя отчаянным толчком бедер вверх, и Михаил поддержал ее, когда она задыхалась в течение момента неподвижности, низкий стон боли вырвался через ее полуоткрытые губы.

Ее глаза с трепетом закрылись, и он погладил большим пальцем ее яремную вену.

— Посмотри на меня.

Михаил отказывался двигаться, пока она не встретит его взгляд. Ее веки затрепетали и открылись, и он потерял себя в темноте сверкающего золота. Как же прекрасно она выглядела с мерцающим отблеском серебра. С рокотом он вытащил себя из нее, вздрагивая, когда ее крепкое тепло стремилось удержать его. Один резкий выпад, и он вошел в нее по яйца. Клэр вскрикнула, но она не оторвала взгляд.

— Еще раз.

Команда была произнесена знойным, дымчатым тоном, который разогрел кровь в венах Михаила. Он вытащил снова, упиваясь атласным скольжением, и вбил в нее, жестко и глубоко.

— Ооооо. — *Этот* звук. Протяжное «о», завершившейся стоном, подстегнуло его, и Михаил увеличил темп, двигаясь жестче, что заставило их обоих тяжело дышать. Клэр обхватила его ногами, ее каблуки впивались в его зад, когда она вскидывала бедра, чтобы дать ему войти еще глубже.

Стиснув зубы, удовлетворенное рычание завибрировало в груди.

— Моя. — Гортанный звук. Дикое собственническое требование, на которое тело Клэр ответила, ее киска крепко сжималась вокруг него. Он хотел бессмысленно ее трахать, пока тот жаркий, тугий канал не выжмет его досуха.

Ее пальцы обвивали его плечи, а ногти впивались в плоть.

— Мой. — Она повторила слово так по-собственнически, что Михаил подумал, что еще немного, и он получит свое высвобождение.

Эта женщина была его парой. Его. Она была достаточно сильна, чтобы получить дар, который он хотел ей дать. И пришло время приблизить их на один шаг к совокуплению, которое связало бы их вместе навсегда.

* * *

Клэр лучше бы умерла, чем использовала такие слова как «беспрецедентная страсть», «родственная душа» или «судьба». Но с каждой мимолетной секундой она понимала, что то, что происходило между ними сейчас, было больше, чем она понимала. Больше, чем они оба понимали. И она была беспомощна, чтобы бороться с этим.

Боже, он заставил ее чувствовать! Она даже не думала о том, что лежала на его лужайке и трахалась с ним, как какой-то сумасшедший эксгибиционист. Она хотела кричать. Кричать от каждого мощного толчка его бедер. Чтобы он взял ее глубже, сильнее. Он давал ей не достаточно, и она не знала, как получить больше. Михаил переполнял ее, подавлял ее,

держал на орбите, словно был солнцем, а она всего лишь планетой, попавшей в зону его притяжения. Она потерялась в нем и хотела отдать себя ему всю без остатка.

Никогда не будет *достаточно*.

С этого момента что-то произошло, когда он снова толкнул свои бедра, и снова пустота открылась внутри Клэр. В пещере столь глубокой и темной, что она отчаялась когда-либо найти из нее выход. Инстинкт пробудился в ней, заточил чувства, обоняние, звук, зрение. Они, казалось, усиливались с каждой секундой. Ей что-то было нужно... им... для того, чтобы их союз стал завершенным.

— Испей из меня, Михаил. — Слова вылетели из ее рта, будто на автопилоте. — Возьми мою кровь.

Звук в его груди был чисто мужским рыком, когда он опустил голову к ее горлу. Не похоже, что он уже вонзил клыки в ее кожу, но Клэр этого хотела — нет, нуждалась — снова. Сейчас. В тот момент, пока он ее трахал. Его губы коснулись ее горла, и ожидание спиралью опустилось в ямку ее живота, заставляя пролиться новый прилив влаги. Звуки от соприкосновения тел, когда он увеличил свой темп, и интенсивность только увеличили ее наслаждение, и Клэр запрокинула голову и повернула ее в бок, чтобы открыть ему полный доступ к своему горлу.

Его рот был раскаленным тавром. Огненный жар запечатлелся в тот момент, когда его клыки прокололи ее кожу. Еще один оргазм накрыл ее, напряженный и захватывающий. Клэр потерялась в ощущениях, уплывала не на облаке блаженства, а в сильном шторме. Он накрывал ее дикими волнами и разбивал на куски о берег натиска Михаила. Его руки крепко держали ее, а губы — горло, когда он глотал ее кровь и вбивал в нее свой член.

Сильнее. Быстрее. Глубже. Больше. Слова крутились в разуме Клэр, но отказывались формироваться на ее языке. Просто, когда наслаждение стало отступать, еще одна волна накатила, она была очень мощная, как первая. Она откинула голову назад и закричала, длинный, громкий крик наслаждения, от которого разболелось горло. Потянувшись руками к голове Михаила, она удерживала его, отчаянно желая, чтобы он пил из нее, принимал все, что она предлагала, до последней капли крови. Самосохранения не существовало, когда она начала уплывать, ее руки и ноги тяжелели, а в голове становилось мягко и пушисто. Он мог осушить ее, выпить до смерти, и все же это было то, чего она хотела. Так или иначе, она знала, что это должно было случиться.

Михаил оторвался от ее шеи с криком, который эхом отразился от высоких голливудских холмов. Его тело было жестким, и Клэр извивалась под ним, когда его член дернулся внутри ее и наполнил ее теплом, которое оставило ее слабой, дрожащей и тяжело дышащей. И желающей *большего*.

Струйка страха поселилась в ее крови, когда толчки Михаила стали мелкими и нежными. Она никогда не была одержима такой безрассудной похотью к человеку. Никогда оказывалась в такой ситуации, где ничто — ни жизнь, ни смерть, ни что-либо другое — не существовало, кроме *него*.

Что-то произошло в тот момент, когда его зубы вонзились в ее горло, и в то мгновение, когда он проник в нее. Будто некие космические силы сплывили их вместе, сварили их из двух половинок в единое целое. Это был трос? Ее душа, наконец, признала его?

— Что такое, Клэр? — Голос Михаила долетал до ее ушей мягкостью перышка, от медленной ласки, танцующей по ее плоти, Клэр знобило. — Почему ты боишься?

— Откуда ты знаешь? — Он нежно гладил ее по волосам, когда внимательно изучал ее.

До сих пор глубоко в ней, Михаил немного пошевелил бедрами, и она испустила медленный вздох, нежным движением он разжигал ее желание.

— Твой запах. Запах твоего страха окисляет сладость твоего удовольствия.

— Ты говоришь... — Она издала нервный смешок. — От этого мой желудок делает сальто. — Он нахмурился, будто не мог решить, означает ли ее заявление комплимент или нет. — Мне это нравится. — Его тело расслабилось, и она почувствовала, что она успокоила его.

— Это не объясняет, почему ты боишься. — Он лениво прокладывал дорожку из поцелуев вниз по ее горлу, и Клэр вздохнула, когда тепло его языка накрыло колотые раны от клыков. Михаил ускорил темп и давление бедер, и Клэр открылась ему, ее тело реагировало, и было готово к большему.

— Я боюсь того, что чувствую. — Она выгнула спину на прохладной траве, когда приподнялась, чтобы встретиться его медленный, чувственный поцелуй. — Я никогда не испытывала ничего подобного тому, что произошло между нами. — Еще один глубокий поцелуй, когда ее язык скользнул по его языку. — Это страшно.

— Это только начало. — Михаил перевернулся на спину, его черты лица окутали тени. Его сине-зеленые глаза вспыхнули серебром, когда он пересадил Клэр к себе на колени и взял ее за бедра своими сильными руками. Тени сделали резкими черты его лица, что сделало его похожим на хищника. Его ястребиный взор прижал ее, и на мгновение все, кроме него растаяло в темноте. — Каждый раз, когда мы будем вместе, узы между нами будут усиливаться. Скоро я напитаю тебя, дам тебе мою кровь, и твоя трансформация будет завершена. Ты будешь ощущать мои эмоции. Ты почувствуешь мое присутствие даже за много миль. Ты — Сосуд, Клер. Теперь я в это верю.

Волна трепета промчалась по телу, и Клэр спрятала свое беспокойство в глубины разума. Теперь, когда она знала, что он чувствовал то же, что и она, Клэр должна быть осторожна, чтобы уберечь свое сердце... так же как и разум. Он был так уверен в себе. Уверен, что конечно, они были на правильном пути. Клэр хотела, чтобы она могла разделить этот оптимизм. Но она знала лучше.

Михаил поднялся и обхватил ее руками, притягивая нежное тело и укладывая сверху на свое. Клэр ахнула от ощущения, вновь влага распространилась между ее бедер. Она могла быть уверена в одном: ее тело жаждало его, как лекарство, и одного раза никогда не будет достаточно.

Она самозабвенно скакала на нем, позволяя волосам свободно рассыпаться по плечам. Сильный кулак сжал ее волосы в хвост и потянул, чтобы обнажить горло. Ее конечности отяжелели, разум медленно реагировал. Клэр была пьяна Михаилом, пьяна его телом, его опрометчивыми словами, толстым членом, который растягивал и наполнял ее.

Будто по собственной воле, ее руки змеей обвили вокруг него, а ногти впились в его плечи. Он медленно зашипел, резко вскидывая бедра вверх, пока трахал. Ее груди терлись о его грудь, дразня пики ее сосков жестко и больно.

— Я собираюсь трахать тебя, пока солнце не встает. — Его дыхание обжигало ей ухо, его голос звучал низким гулом, который зажигала огонь внутри нее. — Зароюсь лицом между твоих бедер, и на коленях буду ласкать твою киску, пока ты не начнешь сходить с ума от оргазма.

Охренеть. Никто никогда не говорил таких грязных, экстравагантных вещей. Раскрасневшись от жара, желаний, голода, который она не понимала, Клэр прижала свои

бедр к его, вбивая его настолько глубоко в себя, насколько могла.

— Я собираюсь брать твою вену, — прорычал его голос ей на ухо. — Снова и снова. Насытиться самым сладким вкусом твоей крови. Ты осипнешь от криков, когда будешь кончать со мной, Клэр. Для меня одного. Больше никаких других мужчин. Никогда.

Словно чувствуя, что ее собирается накрыть оргазм, Михаил уткнулся лицом в ее горло и укусил. Холодный порыв, будто кто-то выстрелил в нее, побежал по ее венам, и Клэр зарыдала от наслаждения, каждая последующая волна была мощнее последней. Он отпустил ее и уперся руками в землю, используя ту в качестве рычага, когда вбивался в нее почти с яростью, пока крик вырывался у него из горла, а она погружалась в тепло, когда он кончил глубоко внутри нее.

У нее кружилась голова, ее тошнило, мир проносился рядом с ней в пьяном угаре, чтобы оставить ее абсолютно легкомысленной. Язык Михаила прошелся по ее горлу, и он уткнулся в нее носом.

— Ты моя, Клэр, — сказал он, тяжело дыша. — С этого момента, пока Боги не решат иначе.

Она проглотила страх, который появился внутри ее. *Черт возьми, Клэр. Во что ты вляпалась?*

* * *

Михаил уложил ее в постель перед самым рассветом. Он мирно спал рядом с ней, она предположила, что это был сон нежити. За ночь Клэр кое-что узнала о Михаиле Аристове: он держал свои обещания.

Он занимался с ней любовью в течение многих *часов*. Он столько времени простоял между ее ног, лениво проходя по ней языком, который привел ее в состояние экстаза, настолько сильное, что она могла поклясться, что это был внетелесный опыт. Он занимался с ней любовью медленно и нежно. Трахал ее жестко и грубо, что волновало ее и заставляло снова его молить. Он брал вену на шее, бедре и руке, с жадностью пожирая ее, пока Клэр снова не доходила до той точки, где она была готова предложить ему свою жизнь. Только он отстранялся и зализывал ее раны, их оргазмы слабели.

Михаил много сделал, много ей сегодня пообещал. Одно из этого — он не обратит ее до конца недели.

Вампир в пятницу. Она фыркнула. Похоже на название новой горячей группы.

Она едва опустила ноги сквозь поверхность своего мира, и теперь он хотел, чтобы она прыгнула в омут с головой. У Михаила больше не было вопросов. Больше не было сомнений. Он был убежден, что она переживет переход. Она принадлежала ему, и, для того, чтобы она действительно была его, она должна была стать вампиром. Он даже не спросил ее мнения по этому поводу, просто заявил. Ронан называл Михаила королем. И не в первый раз, Клэр признала, что королевское своеволие было присуще ему. Выход был только один: подчиниться.

Она не знала, готова ли она к этой жизни.

Несколько дней она была заперта в этом доме, закрыта от мира после рассвета, живя в бессолнечном состоянии и глядя на мир только сквозь плащ ночи. Она скучала по своей

работе, по общению с другими людьми. Черт, она даже скучала по своим больным ногам и спине в конце рабочего дня. Она упустила из вида Ванессу. Она была в порядке? Накормлена? Как у нее дела в школе? Ее мать даже не пыталась остаться трезвой?

Паника поднялась в груди Клэр. Она отбросила одеяло с тела и выбралась из кровати. Она тяжело дышала, сердце учащенно билось, Клэр думала, что оно может лопнуть в любую секунду.

— Боже милостивый.

Это был едва слышный шепот, но для таких существ, как Михаил это был крик. Он зашевелился в постели, одеяло съехало, обнажив совершенную мускулистую грудь. Паника отступила, и Клэр на цыпочках подошла к кровати и встала над ним, ей стало любопытно, когда она обнаружила звездообразный шрам, сморщивший кожу над сердцем. Она не замечала его раньше, ослепленная страстью.

Она протянула руку и провела по грубой коже. Его брови нахмурились во сне, а губы сжались в звериный оскал. Спящий мужчина перед ней был столь же диким, как бродящий по джунглям тигр. Просто то, что он выглядел одомашненным, еще не значило, что он был ручным. Нет, он был убийцей, безжалостным и жестоким. Он брал то, что хотел, без извинений. И совершенно ясно, что он хотел ее. На всю оставшуюся вечность.

Вечность!

Очередной приступ гипервентиляции накрыл ее, и Клэр села, опустив голову между коленей. Было невозможно ясно думать, когда он был рядом. Его присутствие привлекало ее внимание, зовя ее к себе. Когда он был в комнате — *черт возьми, просто в доме*—Клэр чувствовала его присутствие настолько остро, что он мог быть под ее кожей. Как она могла принять логичное решение, когда уже чувствовала себя слитой с мужчиной, неподвижно лежащим, как мертвый?

Я должна отсюда выбраться.

Все это было слишком. Она не доверяла своим мыслям, своим чувствам. Она не доверяла себе принять рациональное решение, когда он клал свои руки на нее. Клэр вздрогнула от воспоминания о его прикосновениях, и обнаружила, что она наклонилась к нему, протягивая руки, как бы беспомощно желая сделать это. Она даст ему все, что он попросит, не думая об этом. Такая смекалистая мошенница. Все, что потребовалось, чтобы победить ее — один великолепный, идеальный вампир.

Поди, разберись.

Клэр подняла одну из брошенных рубашек Михаила с пола и надела ее. Та свисала почти до колен, и рукава сильно закрывали ладошки. Она никогда не думала о размере его одежды, а сейчас купалась в ней, как малыш, одетый в рубашку взрослого. Он разорвал ее лифчик пополам и джинсы тоже. Он торопился взять ее. Прилив тепла разошелся между ее бедер от воспоминания. *Господи, Клэр. Соберись!* Простая мысль о Михаиле превратила ее в кашу. Вот почему ей нужно обратиться отсюда, чтобы она могла ясно мыслить.

Она застегнула рубашку и нашла в шкафу пояс, затянула его вокруг талии, чтобы сделать слишком длинную рубашку больше похожей на платье. Это был Лос-Анджелес, никто не будет бить ее плетью за попытку быть модной. Серый свет уходил из темной комнаты, первые признаки зари появлялись на горизонте. Ей нужно уйти, пока было еще достаточно темно, чтобы проскользнуть под радаром охранников снаружи и до закрытия тяжелых штор на окнах. Если она не выйдет оттуда до восхода солнца, то он никогда не позволит ей уйти.

И честно говоря, она, вероятно, сама не захочет уходить.

Часы Patek лежали на комодe из красного дерева, Клэр схватила их и надела на свое запястье. Она понятия не имела, вернется ли она, и если нет, то она не могла уйти без какой-то части его. С туфлями в руке, она прокралась из комнаты, осторожно открыв дверь, ее шаги были тяжелыми, неохотными. Ее собственное тело предавало ее, призывая ее остаться.

Мне так жаль, Михаил. Вина сжигала ее горло. На сердце лежал тяжелый камень. Могла ли она справиться с вечностью? Возможно, она сможет оставить свою человечность, чтобы быть с ним, если достаточно надолго отойдет от ситуации, чтобы серьезно все осмыслить. Но пока между ними не будет проложено расстояние, никогда не узнает наверняка, правильное решение она приняла — ее чувства — они были собственными, или это что-то созданное для необъяснимой связи между ними.

Она на цыпочках спустилась на два лестничных пролета и прошла через дом, как воришка. Ей придется пройти мили, прежде чем кто-нибудь сможет ее подвезти. Благодаря тому, что она оставила свою сумочку на тротуаре, когда Михаил спас ее от священника, о том, чтобы ловить такси, не было и речи. Выйдя из передней двери и оказавшись на дороге, Клэр осмотрела сад и обширные лужайки и пышный ковер травы, на который Михаил положил ее, когда занимался с ней любовью снова и снова, в благоухающем ночном воздухе.

В восточной части неба, оранжевыми оттенками начал появляться рассвет. Михаил хотел быть узником в своем собственном доме, и от этого ей стало его жалко. Он был одинок. Зол. Ранен. Боже, она была ужасным человеком. Трусом. Возможно, она не заслуживает любви, которой он хотел осчастливить ее.

Она определенно не заслуживала его прощения.

Из всех дампиров, которых Ронан знал, Эрик Дженнер был единственным мужчиной, более беспощадным, чем он сам. Дженнер был настоящим воином до мозга костей, жестоким и стойким. Также он был отменным сукиным сыном. Даже для дампира. Когда Михаил обратит Дженнера, тот будет силой, с которой нельзя не считаться. Он станет вампиром, достойным положения, которое Ронан собирался дать ему. И он будет по шею в дерьме, прежде чем получит шанс приспособиться к своей новой жизни.

— Шивон не обрадуется. — Голос Дженнера раздался громко без каких-либо усилий, глубокий и грубый. — Она оторвет тебе яйца, когда узнает.

Она уже держала их в кулаке. Ронан отбросил подробности своей договоренности с Шивон в глубину сознания и сосредоточил внимание на задаче.

— Давай я сам позабочусь о ней.

Ронан знал Дженнера почти столько же, сколько знал Михаила. Это был слепой случай, что Ронан наткнулся на потерянного вампира после того, как тот сбежал из ада, в котором убийцы оставили его умирать. Зная, что будущее человечества зависит от выживания Михаила, Ронан, не думая ни секунды, вытащил его из Европы. Америка казалась таким далеким миром. Черт, это было более двухсот лет назад. Дженнер жил в этой стране в течение нескольких месяцев, и Ронан подружился с ним. Так много историй. Ронан думал убрать Михаила подальше от Сортиари. И теперь та анонимность, которую Ронан надеялся дать его другу, была давно в прошлом.

— Могут быть и другие ковены, которые захотят быть обращенными, — задумчиво произнес Дженнер. — Хотя Шивон посеяла семена ненависти. Она может и змею убедить, что та умеет летать, если у нее будет подходящее настроение.

Правда. Разве не она убедила Ронана поторговать своим телом за кодекс?

— Я не заинтересован в создании из нее врага, и воровать у нее из-под носа — не способ приструнить ее.

— Ее ковен не единственный в городе. К кому ты еще обращался?

Как единственный сотрудник, Ронан мог положиться на Дженнера в любой ситуации. Он был одним из немногих, кому Ронан мог доверять, и не за его способности. Но мужчина не был дипломатом. Он сначала ломал кости, а уже потом задавал вопросы.

— Я связался Самуилом и Джулианой. Их ковены являются вторыми по величине после Шивон. — Из тринадцати дампирских ковенов, разбросанных по всему городу, ни один не был столь же силен, как Шивон. Мелкие дрызги изредка вспыхивали, но никто, казалось, не был заинтересован в испытании горячего нрава этой женщины. — Еще три ковена связались со мной на прошлой неделе. Как ты можешь догадаться, они все рассчитывают на возможность перехода.

Дженнер фыркнул.

— И без сомнения, склонить чашу весов силы.

Вот чего Михаил и Ронан боялись.

— Они должны быть проверены. Их преданность. — Придется заплатить за кровь Михаила, и не просто душами. — Мы не можем дать вампирам бесчинствовать по всему городу. Должны быть установлены границы. Некоторых, вероятно, попросят уйти из города. — Как только увеличится численность, они смогут разделить сферы влияния. —

Боги, мы построим общество с нуля. Понятия не имею, с чего начинать.

Дженнер наклонился вперед в кресле, его темные глаза смотрели на Ронана.

— Начни с меня и пойдти оттуда.

— Это план, — сказал Ронан, устало вздыхая. — Все, что я хочу знать от тебя, Дженнер, ты точно готов?

— Черт побери, готов. — Мужчина подвигал массивными плечами и хрустнул шеей из стороны в сторону. — Я был готов на протяжении десятилетий.

Как и многие из них. Михаил так долго был проклятием их существования. Последний из древних и не достаточно мощный, чтобы поднять свой народ к былой славе. Но так как он взял кровь Клэр, все развивалось довольно быстро. Почти слишком быстро. Детали должны быть проработаны, альянсы сломаны и созданы. Собрать армию за несколько дней, хотя обычно занимает несколько недель — месяцев — и чтобы все было сделано. И от политики всего этого у Ронана кругом шла голова. В своей работе, когда была проблема, он заботился о ней. У тебя есть кассета с порнушкой, которую нужно раздавить? Нет проблем. Девушка беременна от твоего партнера? Никто никогда не узнает. Твой барыга грозит тебе оглаской в журнале? Подача не с той стороны. Но это... Ронан провел пальцами по волосам. Если они быстро не приведут будущее царство Михаила в порядок, то будут легкой добычей для Сортиари. И нечего будет приводить в порядок.

Бюрократия построения царства и защита короля отнимали немало терпения Ронана, и кроме того, ожидалось, что он все продумает до того, как Михаил даже соберется рассмотреть это. Нет ничего важнее для Михаила, чем обеспечивать их безопасность, но он балансировал по лезвию ножа. Не требуется много времени, чтобы изменить равновесие на чаше весов, и разрушить все, что он стремился построить.

Шивон была просто самкой, чтобы брать ее в расчет.

— Если условный мир не может быть достигнут между Шивон и Михаил, в этом нет смысла, ты знаешь.

Помимо того, что Дженнер был большим, страшным ублюдком, он также был бриллиантом. Возможно, он говорил как один из *«Сынов Анархии»*, но его ум был быстрее, чем у большинства Нобелевских лауреатов вместе взятых. Еще одна причина, по которой Ронан выбрал его вторым дампиром, к которому обращался Михаил.

— Думаешь, она не будет объявлять войну? — Вопрос был риторическим. Конечно, будет. Женщина жаждала крови и бойни, как другие шоколада.

— Она будет требовать... и ожидать, что ее приказы будут выполнены без вопросов, — заметил Дженнер. — И когда Михаил пошлет ее, она пустит первую кровь. В этом я не сомневаюсь.

Как и Ронан.

— Как думаешь, что она будет требовать? Я имею в виду, кроме клятвы от Михаила не обращать ни одного из членов ее ковена.

— Может быть, собственный трон? — Дженнер печально усмехнулся. — Возможности безграничны.

Истощение давило на Ронана, когда он откинулся в шикарном кожаном кресле в своем кабинете. Небоскреб выглядывал в центре Лос-Анджелеса, но прямо сейчас Ронан не мог волноваться и оценивать вид, или что-нибудь еще. Он сомневался в том, что если продолжит бессмысленно трахать Шивон, то отвлечет ее от амбиций. Скорее всего, он подозревал, что она могла использовать свою договоренность с ним, как инструмент борьбы с Михаилом,

чтобы посадить семена сомнения в верности Ронана в голову мужчины. И пытаться убедить ее, что поклясться в верности Михаилу — было в ее интересах, мягко говоря, казалось непростой задачей.

— Соглашение должно быть достигнуто, каким бы шатким оно ни было. — Даже завуалированный мир был лучше открытой войны. Во всяком случае, она купит Ронану немного столь необходимого времени. — Достигнуть его — в этом то и проблема.

— Согласен. — Голос Дженнера скреб Ронана по ушам, как наждачная бумага. — Что нам нужно, так это отвлечение.

— Как же отвлечь женщину с одной мыслью на уме? — Она была неумолима последние недели, требуя присутствие Ронана в своей постели каждую ночь. Что сделало практически невозможным сосредоточить свое внимание на обращении к союзникам Михаила, как его господин просил.

— Дай ей то, чего она хочет. — Дженнер оперся на мускулистое плечо.

Ронан насмешливо фыркнул. Женщина хотела только двух вещей: трахаться и воевать. Ядро идеи укоренились в его сознании, и он ударил себя за то, что не подумал об этом раньше.

— Дженнер, ты — умный ублюдок. Думаешь, что мне нужно подстрекать к восстанию или к двум?

Звериный оскал появился на губах мужчины.

— Почему нет?

Это могло бы сработать. Разногласия между ковенами были достаточно распространенным явлением. Она была бы так занята тушением мелких пожаров, что подозрения о паре Михаила и воскресения его силы отошли бы на второй план, и она могла бы дать Ронану немного пространства.

— Конечно, это все может аукнуться и тогда мы серьезно вляпаемся.

Дженнер рассмеялся. Поистине угрожающий звук без намека на шутку.

— Я думал, что ты можешь исправить что угодно, Ронан.

Пару недель назад он тоже так думал.

— Мне понадобится помощь. — Он знал больше, чем несколько дампиров, которые распускали грязные слухи, и он должен бдительно следить за событиями. Недели будет не достаточно, чтобы пустить под откос стремления Шивон. Ему понадобится целый месяц, а может и больше, прежде чем он сможет быть уверен, что Михаил — и Клэр — защищены. И он даже не учитывал, что пройдут дни после его обращения, прежде чем полностью восстановится. — Я должен знать, что могу рассчитывать на тебя. Ведь если Шивон выяснил, что мы затеяли, то поймет обе наши задницы.

Дженнер прищурился, его глаза стали темными щелочками, делая еще более смертоносным, его зрачки поблескивать ртутью.

— Я мог быть членом ее ковена, но она не владеет мной. Я объявлю свою независимость от нее сегодня вечером. Она разозлится, но какое мне дело? Когда я буду обращен, хочу посмотреть на ее попытки причинить мне вред. Увидев доказательства Возвращения Михаила к власти, она будет умолять мужчину укусить и выпить ее.

Безусловно, самые истинные слова, произнесенные за сегодня. Она говорила об этом, но Шивон действительно жаждала власти. Она отбрасывала свои убеждения в сторону, в одно мгновение, если изменения помогали поднять ее статус. Желудок Ронана сжался от понимания. После того, как Михаил обратит его, он станет сильнее. Мощнее, чем мог себе

представить. Наконец, он станет существом, которым он был рожден. Из-за этой силы и власти он окажется настолько соблазнительным для Шивон, как никогда, и разорвать его соглашение с ней будет практически невозможно. Он пообещал ей свое тело, как обычная шлюха. Ради Михаила. Его короля. И его друга.

Даже король вампиров не мог нарушить обещание, как только оно было дано. Клятва на крови могла быть разрушена только кровью. Ронана официально будут иметь всю вечность.

Фан-блядь-тастично.

— Что-то ты не договариваешь. — Дженнер не скрывал обвинения в своем тоне. — И пока ты не расскажешь мне все, что нужно знать, я не стану тебе помогать с тем дерьмом.

Ронан потер переносицу и откинулся на спинку стула. Доверие важно, если это сработает, и не будет никакой пользы, если Ронан не был готов ответить тем же. Слишком много историй было между ними, чтобы он сомневался в верности своего друга.

— Клэр ушла.

Дженнер, не веря, рассмеялся.

— Нет. Как такое вообще возможно? Если она привязала его, и она взяла его кровь...

— Пара Михаила — человек. Вроде как выследить ее — проблематично.

Дженнер откинулся на спинку стула и завыл.

— Иисус, блядь, Христос, Ронан. У Михаила проблемы посерьезнее, чем Шивон, если это так. Как ты мог надеяться воскресить расу, если его пара не только человек, но даже не может питаться от него?

Ронан пытался сохранять оптимизм, но когда Дженнер произнес это, ему пришлось признать, что их положение было довольно-таки мрачным.

— Она вернется. И когда она это сделает, Михаил ее обратит.

Дженнер выгнул брови.

— Ах, вот она человеческая магия.

Ронан предпочел проигнорировать сарказм.

— Позволь мне волноваться о проблемах Михаила, пока ты сосредоточишься на моих. Я хочу, чтобы Шивон отвлеклась. Ты можешь сделать это или нет?

Дженнер вытащил из кармана сотовый телефон, нахмурившись, он быстро просмотрел все сообщения на экране.

— Не думаю, что тебе придется беспокоиться о занятости Шивон. — Он посмотрел Ронану в глаза, его выражение лица было суровым. — Убийцы сегодня напали на два ковена. Среди бела дня. Ее и Саида в Долине. Они не заботятся об осторожности, и скоро еще нападут.

— Твою мать! — Брань слетела с губ Ронана, когда он стартовал из кресла. Слишком много переменных встали у них на пути, найти Клэр становилось наиболее важной задачей. И теперь ему нужно было волноваться о случайных нападениях? — Нужно уведомить Михаила. Мы поможем тебе, чем можем, но Боги, мы совершенно не готовы. — Настал время ускорить график. Михаил хотел дождаться возвращения своей пары, прежде чем Ронан будет обращен, но они не могли ждать. — Давай двигаться, прежде чем не останется никакой проклятой богами расы для спасения.

Дженнер поднялся из кресла и последовал за Ронаном к двери.

— Я сделаю это для тебя, Ронан. Ты получишь вознаграждение от Михаила.

Разве это не было чертовой правдой?

Клер рухнула перед унитазом и опорожнила в него желудок, еще и еще, пока не осталось ничего, кроме боли и тошноты, что жгли ей горло и оставляли ее ободранной изнутри. Она чувствовала себя, как при смерти. Хуже, чем при смерти. Будто смерть переехала ее семнадцать раз на пригородном автобусе, перевернулась, разогрела, а затем снова переехала. И она устала. Так чертовски *устала*, она едва могла ставить одну ногу за другой, не говоря уже о том, чтобы подавать ведь день еду.

Она сжала маленькую пластмассовую палочку так крепко, что перекрыла кровообращение в пальцах. Это не желудочный грипп. И так как она не могла переварить пищу в течение недели, это не испорченный пакет Доширака. Нет, ее болезнь была гораздо сложнее, чем простое пищевое отравление. Она смотрела на красные полосы, красующиеся в маленьком окошечке теста. Это был пятый тест, на который она пописала в последние три дня. Он не ложный, и это не была кусающая за жопу карма, за то, что она сказала Лансу, что это мононуклеоз.

Беременна!

Слово эхом отозвалось в ее голове, будто пронеслось по длинному коридору, и закончилось безмолвной окончательностью, которая оставила ее трясущейся, и на грани слез. После ухода из дома Михаила двенадцать дней назад, она сосредоточила все свои силы на том, чтобы перекрыть все связи, которые между ними сформировались. Все, чтобы удержать его от ее поисков. От возвращения ее к нему. Потому что, как только это произойдет, Клэр была уверена, что она больше никогда не покинет его.

Она принадлежала ему так же, как он принадлежал ей.

Даже отдельно от него ее тело вибрировало осознанием того, будто какая-то часть его была вложена в нее. Ощущение правоты, нашедшее отклик в Клэр, напугало ее так, как ничто иное за всю ее испорченную жизнь. Каждую минуту каждого дня ее мысли бродили около ее вампира. Того, кто должен был провести с ней всю вечность. Мужчины, который был полон решимости удостовериться, что она будет с ним вечность.

Ничто никогда так не пугало Клэр, невозмутимую карманницу, как Михаил той ночью после того, как они занимались любовью. Он был настолько полон радости, настолько позитивен, что она была Сосудом, что был готов впиваться зубами в ее горло снова и снова, высасывая ее жизненные соки, так чтобы он мог пополнить ее своими и тем самым превратить ее в вампира.

Сильного. Мощного. Бессмертного.

Дрожь танцевала по ее коже, когда она поднесла пальцы к горлу и почувствовала медленное биение пульса. Экстаз, который она почувствовала в тот момент, когда он погрузил клыки в ее плоть, был неповторимым. Воспоминание о каждом глубоком толчке в ней, в сочетании с сильным посасыванием его рта, заставило местечко между ее бедер гореть от желания. Желудок Клэр яростно сжался, и она склонилась над унитазом еще раз. Боже, как нелепо, что она буквально теряет свой обед в разгар сексуальной фантазии?

Михаил мог быть убежден в том, что она — Сосуд. В запале она тоже была в этом убеждена. Но уже сейчас Клэр не была уверена. Разве человек, способный пережить превращение в вампира, не мог выдержать небольшой токсикоз? Не говоря уже о том, что в последнее время у нее была скорость и живучесть черепахи. Со встречи с Михаилом она

почувствовала странную пустоту, и это только ухудшилось за последние несколько дней. Что, если она была ниже среднего по шкале сверхсущест?

Ударила волна тошноты, и Клэр в очередной раз стошнило. Она собиралась слопать тарелку с блинами, и выпить галлон воды, так желудку придется хоть что-то выбросить в следующий раз. Вампирские сперматозоиды Михаила должны были быть какими-то серьезно сверхъестественными пловцами. Кто, черт возьми, мог обзавестись токсокозом через пару недель после беременности?

— Клэр, ты в порядке? — Голос Ланса сопровождал стук в дверь, и она медленно поднялась с пола.

— Все хорошо. Я буду через секунду. — Она включила кран и плеснула холодной водой на лицо после того, как вымыла руки. Она выглядела ужасно. На всей планете не хватило бы тональника, чтобы скрыть темные круги под глазами, и ее кожа была такой бледной, практически прозрачной. Не такой образ люди хотят видеть, как им подают еду. Господи. Она была похожа на пациента из какого-то Апокалиптического фильма про вирус.

Когда она вышла из ванной, Ланс ждал у двери, сложив руки на груди.

— Я думал, ты сказала, что это был мононуклеоз.

— Я тоже. — Конечно, ее нынешний мононуклеоз был гораздо круче, раз так в миллион. — Я, наверное, просто не на сто процентов поправилась, вот и все.

— Иди домой. Ты не можешь быть здесь, если все еще больна, Клэр, и ты еле ходила прошедшую неделю, будто уже на смертном одре. Я пытаюсь завлечь клиентов, а не отпугнуть их, чтобы они с криками вылетали за дверь.

Она издала усталый стон и прислонилась к стене для поддержки.

— Я знаю. Ты прав. Но обещаю, я не заразная. — Если только вампирская сперма не могла волшебным образом пропитывать не только ее, но и всех, кто оказывался слишком близко к ней. — Я не могу позволить себе пропускать еще смены, и я никогда бы не вышла на работу, если была больна, ты это знаешь. Это просто усталость, вот и все. — Арендную плату нужно было вносить уже на следующей неделе, да и эта неделя собирается быть короткой, благодаря небольшим каникулам с Михаилом. — Мне нужно быть здесь.

— Как только ты чихнешь, то окажешься снаружи, — предупредил Ланс.

— Никакого чихания, никакого кашля, даже хлюпанья носом. Клянусь. — Хотя она не могла гарантировать, что снова не сбежит в туалет. Особенно, если кто-то придет и закажет фаст-фуд. Фу.

— Хорошо. — Ланс сочувственно похлопал ее по плечу. — Но утреннюю смену завтра я отдам Кэрри, так что ты сможешь поспать. Посмотри, ты могла бы немного отдохнуть.

Да Бог с ним.

— Спасибо. — Клэр была уверена, что она рухнет в постель, как только придет домой и проспит до завтрашнего обеда. Она никогда не ощущала такого глубокого истощения, чуть ли не до костей.

Ланс подмигнул, когда направился в сторону кухни.

— Возвращайся к работе.

— Да, сэр. — Клэр подмигнула в ответ и отправилась проверять свои столики.

Остаток смены прошел быстро благодаря постоянному потоку клиентов и двадцати пачкам крекеров, от которых ее не тошнило. Она периодически поглядывала на дверь, ее нервы брали верх каждый раз, когда входил человек, одетый в темно-красную рубашку. Она сбежала из безопасной крепости Михаила, но она не была глупа. Клэр знала, что для

Сортиари не займет много времени понять, что она больше не находилась под охраной вампира. И тогда они придут за ней. И не будут играть по правилам.

Когда она вытаскивала из Михаила информацию о тайном обществе, которое охотилось на него, и с которым он, видимо, когда-то встречался, ее меньше беспокоили пешки и больше интересовали те, кто дергал за ниточки. Куклы были несущественными. Как карманник, Клэр никогда не заморачивалась с холуями. Если она не могла вести с ними дела — будь то извлечение информации или игра с подставным лицом — она времени не теряла. Ей было необходимо понять, кто эти Сортиари прежде, чем она сможет выйти на их сторожевых псов. В ретроспективе она должна была узнать все, что могла, про убийц. В том числе и их слабости. Потому что, если у нее будет еще одна ночная стычка с силами нечисти с черными глазами, она сомневалась, что выйдет из нее на высоте.

Клэр возилась с бутылочками соли, перца и кетчупа весь следующий день, ее мысли неизбежно возвращались к Михаилу. Он был расстроен? Опечален, что она ушла? Обозлен? Его резала та же глубокая боль до костей, которую чувствовала она? Самое главное, найдет ли он ее, или Клэр успешно удалось заблокировать их связь, и скрыть от него свое местонахождение? Он насытился ее кровью вчера, когда они были вместе. Она все еще слышала постоянный стук его сердца в ушах, чувствовала нежный пульс на ее щеке. Сейчас он мог попытаться сейчас найти ее, выследить, как сделал прежде. И часть ее жаждала этого. Надеялась вопреки всякой надежде, что он приедет и снова найдет ее.

Конечно, он в конечном итоге появится. И потом, она убежала от него, когда знала, что он не мог последовать за ней. В такое утро-после, как правило, довольно просто отправить сообщение. Он мог бы решить умыть руки. Не говоря о том, что она делает все от нее зависящее, чтобы разорвать связь, которая связала его душу с ней. Так что да. Нужно ли удивляться, что он не готов пасть у ее ног?

В глубине души она надеялась, что он не отказался от нее. Ей просто нужно немного пространства. Место, чтобы подумать. Но если она вернется к нему, он будет настаивать на ее обращении? Что он думает о перспективе стать отцом? Может, вампирские папы не любят быть привязанными к детям. В таком случае, возможно, все это беспокойство является спорным?

Клэр крепко обхватила себя руками, будто пытаясь удержать половинки ее тела вместе. Она скучала по нему так сильно, что было больно. Это было так ужасно, позволить ему обратиться? Вернуться к нему и молить простить ее уход?

Он хотел, чтобы она вернулась, или она сожгла этот мост?

* * *

Даже когда убийцы оставили его умирать, Михаил не испытывал такого отчаяния. Коллектив напал на его мысли, воспоминания кровоточили в его реальности, пока он не мог отделить одно от другого. Горло жгла жажда, и сердце начинало биться медленнее, пока он больше не мог выносить звук, душащего ритма в груди. Он хотел расцарапать плоть, пройти через мышцы и кости, и вырвать проклятую штуку раз и навсегда.

Боль утраты была невыносимой.

— Пятеро погибших. Еще двенадцать раненых.

Слова Ронана растворились в глубине души Михаила, непонятные и неотделимые от воспоминания о давно брошенной и проигранной войне. Где она? Почему ушла? Он не мог почувствовать ее присутствие, даже ни намек, где она могла быть. А когда она противилась его попытке принудить ее, она как-то блокировала связь. Было очевидно, она не хотела, чтобы он нашел ее, и несколько дней он даже не пытался.

Гнев за то, что она ушла от него, снова жарко разгорелся у него в груди. У него не было ни времени, ни терпения на ее игры. Если она хотела уйти, хорошо. Хотела убежать от защиты, которую он предлагал, пусть так и будет. Михаил прожил многие века после смертельного удара убийцы, и десятилетия на дне могилы. Он не позволит ей добиться успеха там, где другие потерпели неудачу. Она не будет его концом.

— Михаил, ты меня слышишь?

Он провел руками по волосам, когда разъяренный рык поднялся вверх по горлу. Его клыки вышли из десен, когда ярость и отчаяние накрыли его, будто тяжелые мантии, которые он не в силах был сбросить. *Клэр... Клэр, Клэр, Клэр...* ее имя атаковало его здравый рассудок. Воспоминания о ней в его руках были самой ужасной пыткой. Она убегала, пряталась от него, и он не сомневался, что где-то ее подстерегали убийцы Сортиари, готовые забрать ее жизнь, и был не в силах остановить это.

— Михаил! — Крик Ронана раздался в ушах. — Боги поберите все, послушай меня. Мы в осаде, и если ты ничего не сделаешь, мы все умрем!

Михаил с силой потряс головой в безнадежной попытке выбить его вялые мысли о Клэр. Его эмоциональный компас качнулся с севера на юг. Сразу же он разозлился, поклявшись никогда больше не думать о ней, а в следующий момент он оплакивал ее потерю, будто она умерла. Ему пришлось столкнуться с реальностью, что она ушла. Скрылась от него. Ее присутствие больше не горело в его душе; он был не более чем лучик света в необъятной тьме. И не было ничего, что он мог сделать. Но стоя перед ним, Ронан и большинство вампиров просили его о лидерстве. Ему нужно было сосредоточиться на кризисе, которым он мог управлять, вместо того чтобы спустить все на тормоза.

— Мне жаль, что Клэр ушла. — Михаил повернулся к своему другу, но эти слова были, как плевок в лицо. — Мы нашли ее однажды, и мы найдем ее снова. Возможно, так она в большей безопасности. Если она спряталась от тебя, то она скрылась и от них. Пока мы не сможем удержать атаки убийц на приемлемом уровне, она в меньшей опасности, чем дальше она от тебя. — Ронан сделал глубокий вдох и пожал плечами. — Но сейчас, Михаил, ты должен сдержать свое слово, данное мне. Прежде, чем ты слишком, черт бы побрал богов, ослабеешь, чтобы сделать дело. Наши люди нуждаются в защите. Мы должны противостоять Хранителям Судьбы, и пусть они знают, что мы не будем подавлены, как дикие собаки. Покажи своим людям, что ты достоин их верности.

Это была достойная речь на поле битвы. Такую речь Михаил сам произносил много раз в течение своей долгой жизни. Но без Клэр рядом, все казалось бесполезным. Все было потеряно, прежде чем он мог быть спасен. Она, тем не менее, дала ему силы. И позволить им пропасть зря было бы кошунством.

— Расскажи мне об этом Дженнере. — Михаил смотрел на сад, окутанный ночью, но не менее яркий под его пристальным взглядом. Лунный свет блестел в фонтане, звук падающей воды звучал в ушах Михаила, будто тот стоял рядом с кипящим гейзером. Он проводил каждый вечер у фонтана, с тех пор как ушла Клэр. Вспоминая их моменты вместе, его тело тосковало по ней. Одна ночь связала его с ней. Восемь часов ее тело принадлежало ему и

только ему. Он пойдет за ней. И когда он найдет ее, то сделает все от него зависящее, чтобы убедиться, что у нее больше никогда не будет повода покинуть его.

— Он сильный. Яростный. Редкостный засранец. Он переживет обращение, я в этом уверен.

Михаил хотел бы разделить ясный взгляд Ронана.

— Он из ковена Шивон?

— Был, но больше нет. Он знает, на какую лошадь поставить свои деньги.

Михаил повернулся к Ронану, не в силах скрыть снисходительную издевку, скривившую его губы.

— Так ты говоришь, что Дженнер подстраховался, и предполагает, что присягнув мне в верности, не только получит то, чего хочет, но и останется в живых? — Он не хотел или не нуждался в любом мужчине, который решил прийти к нему исключительно с целью удовлетворения своих собственных эгоистичных целей. Шивон все еще была дампиром и не могла никого обратить. Ее сила заключалась в ненависти. Предрассудки любого вида не приветствовались в ближайшем окружении Михаила. Он никогда не думал обратить какого-нибудь дампира против его воли, и если Шивон будет расписывать Михаила, как монстра, терзающего своих людей с одной, единственной целью — изгнания их души.

— Что я говорю, ты — упрямая заноза в заднице, это то, что Дженнер хочет лучшего для расы. Он хочет поставить Сортиари на место раз и навсегда. И он хочет служить своему королю.

— Королю. — Михаил насмешливо фыркнул. — Я был унижен женщиной. Я схожу с ума. Пройдет немного времени, прежде чем вы все слепо последуете за сумасшедшим. Это то, чего ты хочешь?

— Я хочу того, что ты пообещал мне, — сказал Ронан. — Я хочу, чтобы ты сдержал свое слово. Что касается твоего ума, меня это не волнует. Любой мужчина без пары будет страдать. Клэр не понимает. Она не знает эту жизнь так, как ее знаем мы. Дай ей время. Она придет в себя. В самом деле, держу пари, она вернется к тебе, прежде чем нам представится шанс найти ее.

Надеющийся, оптимистичный ублюдок.

— А если нет?

Взгляд Ронана встретился с взглядом Михаила, и мгновение тишины повисло между ними.

— Она — Сосуд, — просто сказал он.

Как будто добрая воля Клэр была отобрана просто потому, что она была особенной. Но это не так. Она свободно отдавала себя ему и не потому, что она была Сосудом. Михаил отказывался верить, что их связь была подделана в результате соития и больше ничего. Что-то произошло между ними, выходящее за рамки простой биологии. *Тогда почему она ушла от тебя, тупой ублюдок?*

— Нам нужен Дженнер, — продолжил Ронан. — Мы набираем за день, обыскиваем город, обращаемся ко всем тринадцати кланам. Пройдет немного времени, прежде чем кандидаты выстроятся в ряд и будут просить об обращении.

Михаил не мог делать все по-своему. Особенно, если Клэр решила остаться скрытой от него. Его сила будет флагом, и, пока он снова не выпьет ее крови, ему не хватит сил, чтобы провести других дампиров через переход. Если он вскоре не обратит Ронана, то все, за что они боролись, было напрасно.

— Коллектив будет подавлять тебя, — предупредил Михаил. — Если ты не обретишь контроль, то утонешь в воспоминаниях. — Даже сейчас он чувствовал, что ему трудно дышать под натиском. — Твои чувства станут еще острее. Сила — неизмеримой. Кровожадность возрастет тысячекратно, и держать ее в узде будет практически невозможно. Готовы ли ты на все это, Ронан? Ты готов отдать свою душу?

— Я был готов на протяжении веков, — сказал Ронан с такой страстью, которую слишком хорошо знал Михаил. — Мы все. Наверняка ты чувствуешь напряжение и отчаяние своего народа. Ты больше не можешь держать все это на себе. Я готов к тому, что требуется нашей расе. Позволь мне помочь тебе, взять на себя бремя, Михаил.

Михаил знал, что нет лучшего мужчины, чем тот, кто стоит перед ним. Ни одного достойного чести быть укушенным им.

— Где сейчас Дженнер? — Если Ронан подвергнется переходу, Михаилу потребуются услуги умного мужчины. Особенно с учетом того, Сортиари осмелели в своих нападениях на дампирские ковены.

— На кухне. Я попросил Алекса сделать ему парочку бутербродов, пока мы разговариваем. Нужна куча калорий, чтобы кормить кого-то настолько большого.

По крайней мере, Михаил всегда мог немного расслабиться и повеселиться в компании Ронана.

— Приведи его. Я хочу поговорить с ним наедине. — Михаил мог лучше оценить намерения дампира без присутствия Ронана. Вскоре его тихий дом наполнится суетой, когда Ронан приведет больше дампиров в их лоно. Несмотря на сокрушительное разочарование, которое Михаил почувствовал из-за отсутствия Клер, глубоко внутри него разгоралась искорка надежды. Раса вампиров возродится снова, и он поведет их.

Настало время Михаилу самому готовиться к войне.

Он остался стоять, чертовы боги, он был так напряжен, что не мог присесть даже на секундочку. Ронан вернулся несколько минут спустя с дампиром, мужчина был достоин звания воин. Коротко стрижен, его можно было счесть лысым, и покрыт древними татуировками, от ауры Дженнера шло устрашение, это Михаил оценил. Дженнер не преклонил колени, не поклонился и не сделал ничего такого, он немного склонил голову в знак уважения к Михаилу. Когда Дженнер поднял голову, серебро пробежало в его темном взгляде, когда он изучал Михаил... Это была не враждебность... скорее любопытство. В дикой улыбке блеснули белые зубы, контрастирующие с темной кожей Дженнера, это придавало ему вид человека, который провел свою жизнь под ослепительно палящим солнцем Калифорнии.

— Ты не то, что я ожидал, — сказал Михаил. Шивон собрала хорошую команду бойцов, в этом не было никаких сомнений.

— Я не то, что многие люди ожидают. — Под грубой внешностью проскальзывало очарование личности Дженнера. Озорство светилось в его глазах и в кривой усмешке. Также баловство и изрядная доля злорадства.

— Ты покинул ковен Шивон?

Дженнер безучастно пожал плечами.

— Более или менее. Мы с Ронаном согласились, что с ней нужно понянчиться в определенной степени.

Шивон, конечно, могла быть союзником. Просто потребуется время, чтобы обработать ее. Настало время, когда Михаил не думал, что он мог пожалеть.

— Что известно об убийцах? Они напали на ее ковен?

Голос Дженнера был груб, как и его внешность.

— Три раза за последние две недели. Ваше восхождение к власти — это заноза в заднице. Она обвиняет в нападениях вас, и пытается настроить других людей против вас.

Этот мужчина был больше, чем просто мускулы. У него были здравый ум и голова на плечах. Суждение Ронана не могло быть подвергнуто сомнению. Он, конечно, знал, что делал, когда выбрал следующим для обращения Дженнера.

— А что ты думаешь о моем восхождении, Дженнер? Разделяешь ли ты мнение своей госпожи?

Взгляд мужчины потемнел, когда низкий рык прогрехотал в его груди.

— Я не принадлежу Шивон.

Михаил вскинул бровь.

— А кому ты принадлежишь?

Губы Дженнера сложились в ухмылку.

— Не мужчине. И не женщине. Я принадлежу себе. — Михаил открыл рот, чтобы ответить, но Дженнер перебил его. — Но я буду служить вам, мой король. Клянусь в верности так долго, как вы будете править. И если вы примете решение укусить меня, я хорошо буду служить вам.

— И я должен попросить тебя убить Шивон?

Дженнер прищурено посмотрел на Михаила.

— Я бы этого не советовал, но, тем не менее, я бы хотел совершить то деяние.

— Ты останешься здесь. — Михаил повернулся в сторону сада. — Переход помешает Ронану служить мне в течение не менее трех дней. Ты будешь моей правой рукой до его завершения перехода.

— Как скажешь. — Грубый тенор голоса Дженнера не дрогнул даже каплей сомнения.

— Позови Ронана.

— Да, мой господин. — Обращение и формальность, с которой Дженнер обратился к нему, нервировали и подпитывали Михаила. Мой господин. Он мог быть королем, за которым стоило идти?

С уходом Дженнера опустилась тишина. Самец станет грозным вампиром. Тем, который заставил Сортиари дрожать от страха. Запах крови Ронана показал, что тот вошел в комнату. Жажда Михаила жгла горло, и хотя он обещал никогда не пить ни из кого другого, кроме Клэр, его клятва Ронану и всей его расе заставили его действовать.

— Дженнер сказал, что ты хотел меня видеть? Как все прошло?

Михаил вспышкой движения атаковал Ронана, повалил его на пол, как и любой голодный хищник. Не говоря ни слова, Михаил погрузил клыки в горло своего друга, разрывая вены, чтобы открыть его полностью. Он насыщался теплой, густой кровью, через какое-то время она больше неохотно текла по его языку, и ему пришлось с силой высасывать ее, чтобы истощить тело Ронана. Сердцебиение мужчины замедлилось, когда тот вцепился в руку Михаила с широко раскрытыми от страха глазами.

Тук, тук. Тук, тук. Тук. Тук... тук.

Сердце Ронана, как дампира, едва билось, и Михаил оторвался от горла мужчины и вонзил клыки в свое запястье, чтобы открыть вену. Михаил прижал ее ко рту Ронана и дал крови течь в горло, уговаривая Ронана пить. Вскоре боль от клыков, прокусывающих запястье, пронзила Михаила, когда Ронан стал жадно пить, тянуть все сильнее и сильнее,

пока мириады голосов коллектива не покинули разум Михаила, оставив его в тишине, и он покачнулся от порыва силы, которая ушла от него, когда он сливался с Ронаном.

Дампир резко, яростно отстранился, закричал от боли, его спина выгибалась дугой. Михаил позвал Дженнера, тот вбежал, и остановился на месте, нахмурившись от раскинувшийся перед ним картины.

— Блядь.

— Отнеси его наверх, — сказал Михаил, тяжело дыша. — И держись подальше от его клыков. Я буду через минуту.

Дженнер не задал ни одного вопроса, не издал ни звука. Он просто кивнул в знак благодарности и сделал то, как было проинструктировано. *Прекрасный мужчина на самом деле.*

Михаил рухнул на пол, его сила сейчас была как у ребенка, по сравнению с тем, что было несколько минут назад. Ему нужна Клэр. Было необходимо восполнить его силы. «*Где ты?*» — звала его душа в отчаянии, когда его глаза с трепетом закрылись.

Больше не Последний из Древних. Это было так, если Ронану удалось пережить обращение.

Огонь мчался по венам Ронана. Невыносимый жар опалил кожу, в горле бушевало адское пламя, никакая вода не могла утолить его. Боль пронзала каждый дюйм его тела, мускулы сводило судорогой. Он с силой сжал челюсти, и клыки прокололи нижнюю губу, пьянящий запах собственной крови привел его в неистовство жажды и похоти. Что-то удерживало его, связало ему запястья и лодыжки. Знакомая паника нахлынула, он задергался в путах, и низкое, опасное шипение вырвалось между его зубов.

В самом истоке его сущности раскрылась огромная пещера. Все, чем он был, направилось в темную пустоту, хлынув из него, словно потоки воды из крана. Пустота была всепоглощающей, больше, чем он мог вынести. Его самосознание испарилось, и, хотя он пытался удержать ту часть себя, она исчезала, пока не осталось ничего, кроме шелухи. Теперь он был одним из бездушных. Непривязанным. *Вампиром.*

Ронан боролся, чтобы освободить руки: одно из того, что его злило — это связанные руки. Кровь собралась в трещине его губ, и его язык метался, отчаянно слизывая кровь с нанесенной самому себе раны.

— Успокойся, Ронан. — Голос Михаила был как луч света в бесконечной ночи, зовя его из тоннеля. — Если ты позволишь себе поддаться кровожадность, то сойдешь с ума.

Он бежал по темным улицам, в отчаянии. Жажда была слишком сильна, переход был слишком жестоким. Он мог думать только о двух вещах: кормиться и трахаться, и неважно, что будет первым, когда он пресытится. В отдалении, запах крови взывал к нему, раздражая его. Вел к месту жажды, гася все причины. Как животное, он принял, вдохнул сладкий аромат и сменил курс. В конце темного переулка он нашел ее, загнанную, дрожащую на холодных камнях, укутанную в рваное одеяло, чтобы защитить ее от стихии.

Ее глаза широко распахнулись, когда она заметила его, и запах страха замял восхитительный аромат ее крови. Он набросился на нее размытым движением, его клыки вонзились в ее горло, прежде чем она смогла издать крик. Первый фонтан крови был прохладным бальзамом, прогоняющим сухое тепло, сдавившее его горло. Он впился сильнее, сминая трахею мощными челюстями, воздух вышел из ее легких еще до того, как у ее сердца был шанс перестать биться...

— Нет!

Ронан задергался, выгибаясь и натягивая веревки. Широко раскрыв глаза, он осмотрел свое окружение, его дезориентация только усугубила воспоминания, которые одолевали его разум. Цвета были почти ослепляющими, несмотря на темноту в комнате, и каждая пылинка в воздухе создавала свой индивидуальный аромат, который сливался в перегрузке обоняния, которая приводила его в бешенство. Звуки... громкие, резкие, с размерами, которые он никогда раньше не замечал... забивались в его уши, и он не хотел ничего большего, чем обхватить руками голову и заблокировать нарушителей шума. Он думал, что его чувства были остры прежде... но боги, это было *невыносимо.*

— Ты можешь поест. Но только если сможешь контролировать свое безумство!

Голос Михаила гудел в ушах Ронана, он разговаривал с ним, будто Ронану было три года... или он был домашним питомцем.

— Не ори на меня. — Собственный голос Ронана, казалось, усилился, заглубев от пожара в горле. — Развяжи меня. Сейчас же, черт побери.

— Этого не произойдет. Ты еще слишком нестабилен.

Он хотел посмотреть в глаза Михаилу, но его собственные отказывались фокусироваться, перебегая от одного центра к другому, пока у него не закружилась голова. Его живот сжимался, и Ронан проглотил сухие спазмы, поднимающиеся в горло. Черт, у него даже не было ни капли желчи, чтобы захлебнуться, или немного слюны, чтобы проглотить его болезнь.

— Аххххх! — Крик обжег его горло, когда он снова начал бороться. Тепло, звук, резкость — все вкупе с паникой, вызванной смирительной рубашкой, медленно заставляли его пугаться.

— Ронан! — Команда Михаила была белым шумом в голове Ронана. Еще одна волна воспоминаний накрыла его сознание, и Ронан был поглощен откатом. Комната исчезла, и он перенесся в прошлое, в старинное воспоминание, переживая жизнь, в которой его не было.

— Ронан!

Он не мог дышать. Страх захватил его, и он сломал поверхность воспоминания, возвращаясь в настоящее. Легкие больше знакомо не расширились, независимо от того, сколько воздуха он втянул через нос.

— Твое тело умирает, Ронан. Обращение почти завершено. — Михаил склонился над Ронаном, удерживая тело мужчины, когда тот боролся со своими путами. — Не борись с этим. Я скоро освобожу тебя, клянусь. Пусть это произойдет, и боль не будет столь сильной. Когда ты поешь, твои легкие снова начнут функционировать, но до тех пор тебе не нужен кислород, чтобы выжить. Постарайся не паниковать.

Обращение.

Его воспоминания вернулись к нему единым порывом. Он вошел в кабинет Михаила, ожидая продолжения разговора. Но мужчина напал на Ронана, опрокинул того на пол, чтобы выпить досуха. Его мир померк, и он поплыл. Михаил прижал свое запястье ко рту Ронана, и тот пил. Пил и пил, пока он думал, что лопнет. А потом все исчезло в темноте.

— Как долго? — Он закрыл глаза, сосредоточился на веревках и пробрался сквозь мириады звуков, к сердцебиению Михаила. Слишком медленное, спорадическое сокращение вело Ронана и одновременно вызывало его жажду горячей вспышкой в горле. — Как долго идет обращение?

— Почти три дня, — сказал Михаил. Ронан закрыл глаза и сосредоточился. Его тело успокаивалось, его друг ослабил хватку и медленно отстранился. — Ты уже практически приблизился к концу. Все, что осталось — покормить тебя.

Воспоминания Коллектива царапались в глубине его сознания, заставляя себя выходить на первый план его мыслей, но он отказался поддаваться и вытаскивать их. Он слушал звук пульса Михаила, давая ему успокоить себя. Если бы он только мог потрахаться, черт, мог насытить жажду, чтобы не было никаких сомнений, сходит он с ума или нет, и Михаил бы его освободил.

— Я держу все под контролем, — сказал он сквозь зубы. В его сознании словами были шумы в сердце, хотя в ушах все звучало сердитым криком. Он перешел на то, что считал эквивалентом шепоту. — Я могу сделать это, Михаил. Развяжи мои руки и позволь мне покормиться.

Чтобы доказать свою точку зрения он лежал на матрасе неподвижно как смерть, что было не далеко от его нынешнего физического состояния. Отсутствие регулярных функций организма — слюна не выделялась, легкие не двигались, а сердце почти не существовало —

пригрозило снова накрыть его паникой. Пустота, которую он чувствовал в своей сущности, бесконечная и темная, заставляла его закричать от страха, но Ронан взял контроль над своими мыслями. Все это было частью обращения. Кормиться, чтобы пробудить свое тело. Хотя технически он умер и родился заново. Об этом он так долго мечтал. Он охотно пожертвовал своей душой.

Наконец, он был вампиром.

— Со временем ты привыкнешь. — Михаил отстегнул один из наручников, который удерживал Ронана на кровати, и тот потер освободившееся запястье. Он прищурился. Даже в затемненном помещении яркость пронзала его глаза, будто иглы. — Все твои чувства стали острее. Ты научишься различать запахи и звуки. Без солнечного света твоё уже острое зрение позволит ясно видеть в темноте. И ещё кое-что...

Это не удивило Ронана. В конце концов, он полагался на силу Михаила десятилетиями.

— Дампиры ощутят, что меня обратили, и придут за моей силой.

— Все будет отличаться от того, к чему ты привык. Ты был в подвешенном состоянии десятилетия. Теперь, ты будешь давать. Пустота чувствуется... — Михаил помолчал, будто ища правильное слово.

— Насилием? — отважился произнести Ронан, когда безуспешно пытался сглотнуть.

— В некотором роде. — Без лишних слов Михаил освободил второе запястье Ронана. — Прости, что я пока не освобождаю твои лодыжки. Я должен быть уверен.

Ронан резко сел, и комната поплыла перед глазами.

— Уверен в чем?

— Дженнер! — прокричал Михаил. Ронан съежился от звука, но заставил свой разум приспособиться к дискомфорту.

Через мгновение дверь в спальню распахнулась, и вошел Дженнер в сопровождении женщины, которую Ронан не узнал. Он склонил голову и, прищурившись, посмотрел на Михаила. Женское сердце нервно трепыхалось, ускоряя пульс наряду с богатым цветочным ароматом, от которого у Ронана потекли слюнки. Или, по крайней мере, во рту стало не так, боги побери, сухо. Женщина была взволнована и немного напугана. Ее реакция взывала к хищнику в нем, и дополнительный набор клыков, пульсируя, вышел из его десен. Если он не погрузит их в горло женщины, то сойдет с ума.

— Если ты причинишь ей вред, Ронан, я изобью тебя до крови. Ты меня понял?

Защитный тон Михаила был замечательным.

— Я понимаю. — Кровожадность охватила Ронана, и он заставил себя сосредоточиться на его обещание позаботиться о женщине, которая добровольно решила покормить его. Он хотел ее. Хотел, чтобы ее кровь хлынула в его горло. Дампирша села на край кровати и откинула волосы, обнажая горло.

Ронан схватил ее резким движением и погрузил его клыки в ее плоть.

Блаженство.

* * *

— Ты выглядишь уставшей, Клэр.

Она бледно улыбнулась Ванессе, когда остановилась возле открытой двери. «Уставшая»

было преуменьшением. Клэр была готова рухнуть и не желала ничего, кроме как упасть лицом в кровать.

— Да я не то слово, что устала. Еще болею мононуклеозом. — Если под мононуклеозом, она имела в виду «токсикоз». — Как дела в школе? Тебе что-нибудь нужно? Тетради? Карандаши? Зажимы для бумаг?

— Нет, у меня все есть. — Она оперлась своим маленьким тельцем о дверной косяк и скрестила руки на груди. — Я думала, хотя... я имею в виду, если ты еще не слишком здорова...

Клэр терпеливо ждала, пока Ванесса задаст вопрос. Она знала лучше, чем кто-либо, как неловко может быть просить помощи. Даже от друга. Когда они были нищими, у ее матери никогда не было проблем с тем, чтобы попросить, одолжить и украсть. Клэр терпеть не могла попрошайничество и заимствование. Очевидно, ей было неприятно и воровство.

— Я хочу купить лифчик, и мама не совсем, ну, ты знаешь.

Ей больше не нужно было ничего говорить. Клэр точно знала, что с мамой Ванессы. А если серьезно, лифчик? Ванесса была в пятом классе.

— Ну, если ты действительно думаешь, что тебе нужен лифчик, мы могли бы завтра сходить за ним. Я закрываю закусную. Мы можем походить по магазинам, до того как я пойду на работу. — У нее может быть достаточно сил, чтобы пройтись с Ванессой по магазинам, если они пойдут пораньше. С каждым днем к закату у Клэр оставалось все меньше сил, что она едва могла держать глаза открытыми.

— Это было бы здорово! — Лицо Ванессы просветлело, и она наклонилась к Клэр. — Корра Маккенна говорит, что у каждой девочки в пятом классе должно быть не меньше одного спортивного бюстгальтера. — Взгляд Ванессы упал на ее грудь, и она пожала плечами. — Это не значит, что мне есть о чем беспокоиться, но я не хочу быть единственной девочкой в школе, которая не носит лифчик, ты понимаешь?

— Будь готова к девяти, хорошо? Мы поедим пончиков, прежде чем пойдём в магазин. — Ну, Клэр купит Ванессе пончиков, в любом случае. Она сомневалась, что сможет опрокинуть в желудок стакан воды, не говоря уже о тесте во фритюре. Ее живот содрогался при одной мысли, что она сделает шаг в сторону от двери. — Я собираюсь лечь и немного отдохнуть. Увидимся утром. Хорошо?

— Я буду готова. — Ванесса чуть ли не прыгала от возбуждения. — Увидимся завтра!

— Увидимся.

Клэр закрыла дверь в свою квартиру и повернула замок. Господи, она была истощена. Шаг за шагом, одна нога за другой, теряя фокусировку, она добралась до кровати. Ее руки бродили по нижней части живота, поглаживая чрево. Там, внутри нее, рос ребенок. На самом деле маленький... человек? Вампиры считаются людьми? Или в ее случае ребенок будет дампиром? Михаил сказал, что результатом вампиро-человеческих пар являются младенцы дампиры. И на что были похожи эти гибридные младенцы? Они рождались с маленькими кривыми клыками? Если это так, то о кормлении грудью не было и речи.

Будут ли у ее ребенка мини-клыки, шло вторым фактом после того, что через девять месяцев Клэр будет отвечать на маленькую беспомощную жизнь. Кто-то будет зависеть от нее. Полагаться на нее. Черт, она должна будет кормить его, и обеспечивать крышу над головой. Ей придется одевать его, кормить его, укладывать его спать и убирать за ним...

Он.

Таинственная улыбка изогнула губы Клэр. Она не знала как, но она была уверена, что

ребенок будет мальчиком. С темными волосами Михаила и голубыми глазами. Мысли о ее вампире заставили ее грудь болеть, а глаза слезиться. *Глупые гормоны.* Убегать от него было глупо. А продолжать сосредотачивать всю свою энергию на блокировании их связи, было еще хуже. Может быть, именно поэтому она в последнее время так вымоталась. Ее тело уже пыталось направить все, что у нее было ребенку, и, блокируя Михаила, она расходовала энергию, которой у нее не было.

Еще неделю. Ей нужна еще одна неделя, чтобы все обдумать. Решить, что она действительно хочет. Мог он обратить ее теперь, когда она была беременна? Она не знала, как это у вампиров работало. Еще больше оснований, чтобы вернуться к нему. Клэр не любила действовать вслепую. Он пошел против своей природы. Михаил мог вооружить ее знаниями, помочь ей сформировать лучший план атаки.

Даже при всем при том, она скучала по нему. Он был с ней, понимал он это или нет. Она чувствовала его присутствие, будто он стоял прямо рядом с ней, и были моменты, когда она хотела развернуться и убедиться, что он стоит у нее за спиной. Как так сильно можно тосковать по кому-то, с кем она провела так мало времени?

Клер рухнула на кровать, слишком уставшая, чтобы даже обувь снять. Снаружи раздался звук полицейской сирены, становясь все громче и громче, проезжая мимо жилого дома с вспышками красного и синего света, прежде чем исчезнуть куда-то вдаль. Она скучала по дому Михаила, вдали от огней и звуков города. Она мечтала о тихом и мягком спокойствии. Она тосковала по *нему*.

Я постараюсь быть мамой, которой ты заслуживаешь, детка. Она уже уплывала в страну сновидений, когда подумала. *А может, если повезет, вы получишь папу, которого заслуживаешь.*

Йен Грегор развалился на жестком дешевом офисном кресле в опрятном кабинете Тристана Макалистера. Он праздно проводил дни в замке с темными и гулкими залами, освещаемые факелами. Он послал бы к черту всю эту таинственность. Ждать директора в ярко освещенном офисе с шелковой зеленью, украшающей книжный шкаф, было далеко от бывшей славы Сортиари.

Что случилось с великолепием и, черт, благосостоянием?

Спустя еще десять минут скуки, Тристан решил украсить комнату своим присутствием, медленно пройдя через дверной проем, будто мир ждал, чтобы выполнять его приказы. Сортиари всегда были группой самодовольных, эгоистичных ублюдков. По крайней мере, одна вещь не менялась на протяжении веков с момента их создания. А так как он не успел подняться выше позиции Тристана сейчас, ничего не оставалось, кроме как сидеть и слушать то, что этот ублюдок должен был сказать.

— Боюсь, ситуация изменилась, Грегор.

— Это был ад. — Они все сражались на одних полях, все еще действуя по напечатанным приказам таинственных провидцев, которые управляли директивами Совета. И Тристан был еще тот подозрительный сукин сын, он украшал свой кабинет вещами, которые умерли в восьмидесятые годы. Ему нужно избавиться от кубика-рубика — шагнуть в XXI век.

И теперь Грегор должен был сидеть здесь и слушать, как этот скрытный, лицемерный сукин сын говорит ему, что все изменилось? Что многовековая жажда мести должна просто отойти в сторону. Пренебречь и спрятаться в их грязной истории? Грегор расправил плечи. Его родословную можно было проследить до самых ранних шотландских королей. Род, который был почти раздавлен предательством властолюбивого лэрда и его поганого ковена. Для Грегора ничего не изменилось.

— Скажи мне, Тристан. Что твои провидцы увидели сейчас, спустя столько столетий уверенности, что то, что мы делаем, больше не в интересах Судьбы?

Тристан вздохнул и провел рукой по волосам, на висках которых начали проявляться признаки седины. Ничто не было непогрешимо, даже директор Хранителей Судьбы, как могло показаться. Грегор пытался сдержать самодовольное чувство удовлетворения, которое кривило его губы. Замкнувшись от мира, став настоящим отшельником, Тристан не сделал ничего, кроме как подписал себе смертный приговор.

— Если ты последуешь за ним, то приведешь в движение вещи, которые нельзя будет остановить, — сказал Тристан. — Это то, чего ты хочешь, Грегор? Твое чувство мести настолько сильно, что ты готов оклеветать Судьбу в процессе?

Ему даже не нужно было обдумывать свой ответ.

— Да.

— Ты не ссорился с Михаилом Аристовым, — ответил Тристан. — Ты просто стремишься уничтожить то, что он представляет.

Точно! Разве не в этом смысл?

— Двести пятьдесят лет назад, ты отпустил меня с инструкциями убить всех до последнего. Что вдруг изменилось, почему Михаил Аристов может обмануть смерть не один раз, а два за одно тысячелетие?

— Я не жду, что ты поймешь, Грегор. Ты не можешь видеть ничего, кроме своей слепой

ненависти.

Будто директива по ликвидации целого вида была решением, где было место состраданию.

— Объясни мне. — Его тон был ледяным. — Развлеки меня.

— Это указ Судьбы, — просто сказал Тристан. — Это все, что тебе нужно знать.

Грегор рванул вперед и стукнул кулаком по столу, отправляя горшок с шелковыми фиалками на пол. Воздух в офисе Тристана стал статичным от остаточного заряда магии. Магия Тристана была слишком слабой или слишком трусливой.

— А как же твое обещание мне? — выступил он. — Я верно служил тебе!

Его акцент усилился, давно потерянный башмак языка его предков вернулся, наряду с его гневом. Он превратил проклятие своего рода в благословение, позволив Сортиари использовать его и его братьев для их выгоды. Но теперь стало ясно, что он и его собратья были не более чем шавками, как и думали вампиры. Их держали на слишком коротком поводке.

Но больше не будут.

— Ты убил их всех, Грегор. Чего еще ты хочешь? Есть изменения на горизонте. Изменения, которых у нас до сих пор не было предусмотрено. Настало время позволить весам балансировать. Это должно закончиться.

— Это не закончится, пока я не скажу. — Грегор встал со стула и прошагал к двери. Не все из них были мертвы. Был еще один вампир на земле, и как только Грегор уничтожит Михаила Аристова, он начнет уничтожать сородичей Михаила. И возможно, Грегор придушит каждого дампира и, наконец, найдет то, что так долго искал.

— Есть девушка. — Резкий выпад Тристана заставил Грегора остановиться на полпути к двери. — Блондинка, все еще дитя. Она под защитой в качестве пары вампира. С ее головы не должен упасть ни один волосок, Грегор. Ты меня понял?

Он повернулся и едко посмотрел на Тристана.

— Она важна, не так ли?

Мрачные слова Тристана задели за живое.

— Ты не представляешь, насколько важна.

Похоже, у директора были свои собственные приоритеты. Грегор решил прочесть между строк: *Убей вампира и его пару, если должен, но пощади девушку.* Конечно, Грегор не давал гарантий.

— Ты должен подумать о ремонте, — сказал он перед тем, как уйти. — Попробуй найти Стекольщика и Решетчика. Я уверен, что можешь сделать заказ онлайн, даже не выходя из офиса. — И с этими словами он закрыл за собой дверь, вероятно, обменявшись последними словами с любым из членов Сортиари.

* * *

— Ну? Что же этот ублюдок сказал?

У Сортиари на поводке больше нет питомца, Грегор подстроился под шаг Алека.

— Ничего, что имеет значение, — ответил Грегор, когда забирал свое оружие у охраны. Макалистер был чертовым параноиком, он даже не позволял своим людям ходить

вооруженными по его офису. — Ты нашел ее?

— Да, — ответил Алек. — Прямо там, где мы оставили ее. Михаил, должно быть, отпустил ее. Или она решила, что якшаться с вампиром не в ее интересах.

Грегор насмешливо фыркнул. По этой причине Макалистер заткнул его? У маленького питомца Аристовы изменились взгляды?

— Он придет за ней. — Они остановились перед лифтами, и зашли в первую попавшуюся кабину. Грегор нажал на кнопку «первый этаж». — И мы можем устроить засаду.

— Уже скоро. Если мы будем ждать достаточно долго, сукин сын сколотит собственную армию. Бесплезно давать ему взять верх.

— Нет, нет. Вот почему ты возьмешь отряд мужчин и подождешь его в кафе. — Если сука настолько глупа, чтобы вести свою жизнь, будто ничего не изменилось, можно поклясться, что Грегор извлечет из этого выгоду. — И я хочу за ней проследить. Узнать, где она живет. — Если им не удастся захватить Михаила в кафе, есть хорошие шансы, что он учует ее аромат у нее дома. Может, тогда Грегор сможет увидеть в ней человеческую девушку. настолько чертовски важную для Сортиари. Если он правильно разыграет свои карты, девушка может оказаться полезной разменной монетой в будущем.

— Сколько человек ты хочешь дать мне с собой?

Грегор вышел из лифта в гараж и направился к своей машине. Количество берсерков работающих на Сортиари составляло около четырехсот. Двести из них сейчас были в Лос-Анджелесе, для решения проблемы с Восхождением Михаила к власти. *Боги. Двести берсерков против одного вампира. Позор.*

Хотя, разве не Грегору не удалось убить Михаила в первый раз? Они не оказались бы здесь сейчас, если бы он не совершил ошибку.

— Возьми тридцать. Я не хочу, чтобы хотя бы малейший шанс был в его пользу.

— Ты не думал, что если бы Судьба хотела увидеть вампира мертвым, этого было бы не так уж трудно достичь, — заметил Алек. — Если это желание Судьбы, то нам будет все равно, возьмем мы трех или тридцати трех мужчин.

Грегор ощетинился. А логика-то у его сородича здравая. Чудеса не прекращались.

— Вот почему ты возьмешь тридцать. — Он нажал на брелок и отключил сигнализацию на своем BMW. — Чтобы убедиться, что Судьба на сей раз все сделает правильно. — Он чертовски долго полагался на мнение Сортиари о Судьбе. Теперь же он забьет болт на их грандиозные миссии или их провидцев. Он будет заботиться только об одном: о смерти каждого последнего вампира и дампира на планете.

Он посмотрел вверх капота машины на Алека.

— Ты больше не будешь отвечать перед Тристаном или Советом. Теперь ты будешь отвечать мне. И только мне.

Алек ухмыльнулся.

— Это вопрос гребаного времени.

Да. Так и было.

Когда война уже началась, и вампиры больше не могли выходить победителями из атак Сортиари, Михаил бродил в отдаленных деревнях и фермах, прячась от посторонних глаз под покровом темноты, в поисках убийц, и сочувствующих Сортиари. Тогда власть церкви была абсолютной. Убийцы использовали монастырь для того, чтобы манипулировать несчастными людьми в их убежище и, в некоторых случаях, помогая своему делу. Суеверия свирепствовало, и они боялись *вампиров* из легенд: нечистых, бездушных демонов, которые разоряли села, убивали всех без разбора в поисках крови. Ну, по крайней мере, в легендах хоть что-то было правильно. Их бездушные тела приносили не больше зла, чем любое существо, которое существовало на земле, но, возможно, именно та пустота побудила Сортиари искоренять их. Невежество породило только бессмысленное насилие. Судьба, которой, по их утверждениям, они служили, была не более чем отражением их собственных необоснованных страхов.

Сегодня он охотился в переулках и кварталах Лос-Анджелеса, но не на авторитетов Судьбы или их болонок — Берсерков. Возрождение его врагов прямо сейчас было меньшей из забот Михаила. Он поклялся, что позволит Клэр самой принимать решение. Что он не будет тянуть трос, которые скрепил их души. Конечно же, он лгал себе. Он больше не мог держать себя вдали от нее, как он не мог остановить восход солнца каждое утро.

Если он вскоре не найдет Клэр, то сойдет с дьявольского ума.

Одетый для битвы, Михаил чувствовал себя самим собой как никогда. Мужчиной, которым он был. Отказавшись от дорогостоящих костюмов и дизайнерских деловых костюмов, он снарядил себя боевой экипировкой современного воина. Толстый нейлоновый ремень удерживал метательные ножи, кинжалы и 40-калиберный Ругер. В его черной рубашке с длинными рукавами и штанах были вставлены легкие бронежилеты, чтобы отвести удар клинка. Возможно, он не имел преимущества магии, которое было у Сортиари (они заговаривали свое оружие), но на его стороне были скорость, сила и хитрость. Он мог сломать врагу шею простым поворотом руки. Его сапоги на толстой подошве стучали по мостовой, этот ритм помогал сфокусироваться. Многовековая война собиралась перекинуться в Лос-Анджелес, и он не мог это остановить, но интересно, сколько убийц окажется на улицах города, когда Сортиари отпустят поводки берсерков, поглощенный страстью к войне.

Сколько еще вампиров умрет прежде, чем он восстановит силы и обратит их?

Обращение Ронан существенно ослабило Михаила. Коллектив носился по его разуму, его способности хоронить воспоминания в подсознании уменьшилась без сил Клэр, крови и жизненной силы, которые она дала ему. Без нее он был потерян.

Высокомерные решения никогда не приводили к благоприятным результатам. Он подталкивал Клэр слишком сильно, слишком быстро. Взаимодействия с людьми для него были редки. В коллективном сознании были только несколько воспоминаний о вампиро-человеческих отношениях, одно из которых было мучительным видением мужчины, который по неосторожности убил свою любовницу в надежде обратить ее. Михаил взял Клэр, будто она была какой-то жалкой безделушкой, которую он нашел на улице. Не дал ей никакого выбора ее настоящего или будущего, только требовал послушания под видом защиты. Несмотря на его обращение с ней, она отдала ему свое тело. Подарок, который он не

заслужил. Он вознаградил ее, провозгласив, что ее жизнь, которую она знала, закончилась. Что она принадлежала ему и должна была отказаться от своей человечности, не задумываясь.

Ничто из его сожалений или планов возмещения не будет важно, если он не сможет найти ее.

В восточной части неба первые полосы серого цвета начали заполнять горизонт. Еще одна ночь впустую. Он вновь вернулся на улицу, где убийца напал на нее. Запах Клэр задержался, едва заметный под слоями грязи, выхлопами и испражнениями мириады существ, которые прошли тем же путем за последние две недели. Боги, город был настолько обширен. Она может быть *где угодно*.

Ему казалось, что она села на самолет и улетела так далеко от него, насколько это возможно. Ее кровь больше не текла по его венам, Михаил должен был следить за ней с помощью своего троса. Тот соединил их через тела и ее кровь. Единственная вещь, которая укрепила бы неразрывную связь между ними, это если бы она взяла его вену. Как только это будет сделано, он сможет отследить ее местоположение независимо от расстояния. Но до тех пор, он был потерян. Он купался в море настолько глубоком и бесконечном, что отчаялся когда-либо достичь берега.

Присутствие Клэр порхало по его чувствам, почти слишком слабое, чтобы быть реальным. Михаил развернулся и набрал быстрый темп, он несся по тротуару к захудалой закусочной, втиснутой между заброшенным зданием и ломбардом. Ветер поднимает пыль и мусор, и ее запах обрушился на него, почти заставляя его встать на колени.

Через большое панорамное окно он увидел ее, и сильная волна чувств захватила его. Вывеска на входе гласила, что столовая еще не работает, она возилась с кофе и выпечкой на большом сервировочном блюде, которое было накрыто прозрачным пластиковым куполом. Темные тени залегли под ее глазами, а щеки слегка запали. Ярких искр не было в ее золотых глазах, и кости выпирали, глубокое истощение проникло в поры Михаила и начало истощать его уже и без того ослабленные запасы энергии.

Она была больна? Ранена? Умирала?

Паника поднялась в его груди, когда он вспомнил женщину, которая погибла от укуса своего любовника. Хотя Михаил не кормил Клэр из своих вен, он не рассматривал возможность что то, что он взял столько ее крови, могло бы нанести ей непоправимый ущерб.

Он бросился к двери, намереваясь отвезти ее в безопасное место. Он изучит страницы кодекса крови, отправит Ронана в отдаленные уголки земли в поисках лекарства от всего, что ее беспокоило. Все, чтобы гарантировать, что она остается рядом с ним, здоровая и цветущая...

Запах крови достиг его ноздрей, и Михаил остановился как вкопанный. Существо, одетое с головы до ног в черное, медленно приблизилось, устойчивые малиновые капли сочились из его протянутой руки.

— Мы предполагали, что ты снова выползешь из своей норы.

Ледяная ярость прокатилась по позвоночнику Михаила. Голос убийцы был темным и холодным, будто звучал из могилы. Михаил бросил вороватый взгляд в сторону закусочной, отчаянно отвлекая внимание убийцы от Клэр, которая стояла там, совершенно незащищенная.

Убийца проследовал за взглядом Михаила, зловещая ухмылка появилась на его губах.

— Не волнуйся, мы разберемся с ней достаточно скоро.

Михаил стал действовать. Он обогнул убийцу и оскалился. Сортиари, должно быть, извлекли урок из их последней попытки убить его, потому что убийца, стоявший перед ним сейчас, был существом-горой с выпирающими мышцами и вооруженный для сражения.

Он сверкнул широкой улыбкой, которая показала его удлиненные резцы. Чернильная чернота проглотила белки его глаз, и он двигался с плавностью опытного воина. Из ножен за спиной он вытащил длинный кинжал. Голубая сталь сверкала под фонарем, и он метнулся со скоростью кобры, вонзая лезвие в правый бицепс Михаила. Физическая боль была ничем по сравнению с резким ударом по его самолюбию. Без поддерживающей крови Клэр, он был слабее, медленнее, его ум был менее острым, чем должен был быть.

Один, на улице, без дополнительной защиты, он оставил Дженнера следить за Ронаном. Михаил был ослабленным вампиром против Голиафа-истребителя — Берсерка-военачальника, подкрепление которого, несомненно, было близко. Несколько недель назад Михаил мог позволить убийце вонзить осиновый кол ему в сердце, лишь бы покончить с этим существованием раз и навсегда. Но больше нет. У него было ради чего жить. Пара, которую нужно было отыскать, и раса, которую нужно было пополнить. И будь он проклят, если позволит этому — или любому другому из зловещих тварей Сортиари — убить его.

Воинственный крик сорвался с уст Михаила, когда он рванул к своему оппоненту. Убийца приготовился к нападению и встретил его лоб в лоб, его бритвенно-острые зубы оскалились и были готовы кромсать. Громкий треск эхом отразился от фасадов зданий, когда Михаил повалил убийцу на землю, со смачным шлепком обрушив его на тротуар, который потрескался от удара.

— Мне говорили, что ты грозный. — Кровь вытекала изо рта убийцы, когда тот смеялся. — Но это были лишь цветочки. — Он сделал выпад раньше, чем Михаил мог раздавить его голову, и вскочил обратно на ноги. — Великий Михаил Аристов, «неубиваемый». Ты даже не стоишь моего времени.

Убийца сплюнул под ноги Михаила, медленно обходя его. Убийца назвал его *неубиваемым*. Он мог только надеяться, что название правдиво и окатило его соперника здоровой дозой страха.

— Двигайся в этом направлении, и я успокою тебя навечно, — предложил он, медленно улыбаясь. Его клыки удлинились в начале боя от желания и нужды разорвать своего врага в клочья, а не только от потребности в крови.

— Солнце вот-вот встанет, вампир. Если ты собираешься убить меня, сделай это как можно быстрее. В противном случае, я могу просто дать солнцу сделать эту работу за меня. Я буду смотреть, как ты горишь, и отдам твой прах твоей паре, прежде чем сверну ей шею.

Кожу Михаила уже покалывало от прихода утреннего света, но будь он проклят, если его сожгут или с ним сделают что-то иное. Он вытащил кинжалы-близнецы из ножен и схватил их поудобнее, готовясь к нападению. Убийца бросился, и Михаил увернулся от дикого броска, пропуская кинжал убийцы в сантиметрах от себя. Михаил воспользовался оплошностью в своих интересах и ударил ублюдка в челюсть рукоятью, зажатой в правом кулаке. Когда его противник споткнулся, Михаил рванул вперед и с размаху опустил руку вниз, молниеносно вонзая острие между шеей и плечом убийцы.

Лезвие вошло по рукоять. Кровь лилась по кулаку Михаила, запах раздирал его горло от жажды. Отстраняясь, убийца сделал шаг вправо, смех булькал в груди, он вытащил лезвие и с грохотом бросил его на тротуар.

Самодовольный ублюдок даже умереть не мог со спокойным достоинством. Он прижал

руку над раной, кровь пульсировала у него между пальцев с каждым ударом сердца. Ониксовая чернота проглотила его взгляд, чернильно-черные завитки распространились по его векам и скулам. В тисках вожденной битвы, чтобы убить берсерка, требовалось отрубить ему голову. Жуткий смех поскреб уши Михаила, и он потянулся за кинжалом, чтобы закончить путь убийцы раз и навсегда.

Краем глаза он заметил несколько тел, мчащихся по тротуару к нему. Где был один убийца, несомненно, будут еще. Раненого убийцу перед ним поджидали еще впереди и, вероятно, несколько позади. У Михаила были печальные шансы. Он приготовился к нападению существ с черными, мертвыми глазами, наступающих на него из такой же тьмы, какая была в могиле, в которой он был вынужден прожить век.

— Думаешь, можешь убить меня? — прокричал он сквозь шум города, который бил по ушам. — Я — «неубиваемый»!

Через тридцать минут он или победит своих врагов, или погибнет от их рук, или сгорит от проклятого рассвета. В любом случае, этот бой будет его последним боем. Крик из переулка слева от него привлек внимание Михаила, и он обернулся. Боги. Что еще может попытаться убить его этим утром?

Из тени появилась женщина, словно мстительный призрак, закованная с головы до ног в черную кожу, только бледные щеки блестели под покровом волос цвета воронова крыла. Зеленые глаза блестели серебром в сером рассвете, за ней расположился маленький эскорт дампиров, все они были экипированные для борьбы. *Шивон*. У женщины было удивительное чувство времени. Никакие мечи или кинжалы не потянули бы это страшное собрание. Они принесли с собой целый арсенал современного оружия.

— Направо! — рявкнула Шивон парням за своей спиной, и раздались выстрелы. Видимо, женщина решила убить сначала их общих врагов, так, возможно, позже она сможет убить его сама.

В этом случае действовал принцип враг моего врага — мой друг. Он сможет побороться с Шивон позже. Все что имело значение сейчас — уничтожить убийц, прежде чем они смогут заполучить в свои руки Клэр. Он сделал несколько шагов назад, будто отступает, уводя бой подальше от нее.

Рубаки появились на улице, словно из воздуха, тучи темных фигур в сером рассвете. Михаил вздрогнул, вспомнив о кинжале в руке, ослабив пальцы вокруг рукояти, когда он перенес вес, готовясь к предстоящей атаке. Вожак берсерков был ранен, но сильно разозлен от нанесенного ему ущерба. С издевкой и удовлетворением он улыбнулся. Михаил позволил сражению позади него исчезнуть в глубине его сознания, сосредоточившись на угрозе перед ним. Еще один убийца присоединился к большому ублюдку, пытающемуся продырявить колом сердце Михаила, вооружившись теми же современными тактическими средствами, которыми были снаряжены дампиры Шивон.

Михаил вложил в ножны один из своих кинжалов, выбрав вместо него метательный нож. Почти так же быстро, как выстрел, он выхватил клинок из-за пояса, и пустил в полет, похоронив лезвие по рукоять в шее второго убийцы. Он вырвал лезвие из убийцы, будто оно было не более чем щепкой, но цель Михаила была верной, и кровь била фонтаном из вены. Боги, как его горло горело от жажды.

Его внимание было обращено к малиновому ручью, текущему из шеи убийцы, но Михаил стряхнул с себя кровожадность, и с рыком понесся к большому убийце. Кинжал требовал более близкого расстояния, и клыки Михаила были столь же опасны, как кинжал в

руке. Он резал, рубил, его рука двигалась как в тумане, когда он стал прогрызать себе путь мощными челюстями, разрывая плоть.

Михаил дрался, как одержимый, рубил, резал, пинал и бил со всем гневом и мстостью в каждом ударе. Михаил кровожадно избивал убийцу, пока не закачался, а у его ног не образовалась масса из сломанных костей.

В своей слепой ярости Михаил сделал шаг слишком близко, и берсерк схватил его за ноги. Он жестко ударился об асфальт и перекатился как раз перед тем, как второй убийца смог пробить его грудь колом с серебряным наконечником.

Хватит этой херни.

Он серьезно ослабел от борьбы с предыдущими двумя убийцами, но занялся и этим. Оба кинжала прочно лежали в его ладонях, он полоснул берсерка, разрубив от горла до позвоночника. Отвлекаясь, Михаил пропустил удар в челюсть и отлетел назад, проскользил несколько метров по тротуару перед тем, как остановиться. Военачальник берсерков вытащил пистолет из кобуры и прицелился Михаилу в лицо.

— Мы — Судьба.

Прежде чем спустить курок, убийца рухнул на колени. Длинный клинок торчал из его горла, и дыхание клокотало в его груди, когда он завалился вперед. Над ним возвышалась Шивон, поставив сапог на спину убийцы, она выдернула клинок и отделила голову от позвоночника. Она вытерла лезвие о бедро и побрела к Михаилу, стуча каблуками по тротуару.

— Ну, Михаил, — промурлыкала Шивон. Она бросила взгляд на первые лучи солнечного света и повернулась к нему с торжествующей улыбкой. — Выглядит так, будто я спасла твою жизнь. Думаю, что за такую услугу ты мне должен, разве нет?

* * *

После половины дня с Ванессой, полной смены и нескольких часов сна вечером, Клэр была не готова начать все заново с длинной утренней смены. Кто хотел получить завтрак в 5:00 утра? Последние двадцать четыре часа слились воедино, когда она раскладывала сырные булочки на блюде и привинчивала пластиковые крышки на свои места. Запах кофе творил чудеса с нее тошнотой. Может, младенцам-дампирам нравился колумбийский жареный?

Тепло расцвело в ее груди, и Клэр замерла как вкопанная. Оно распространилось по телу к конечностям, лучи тепла придавали ей силы и стойкость, изгоняли все следы тошноты и непосильного переутомления. Она чувствовала себя живее, чем была после ухода от Михаила.

Михаил.

Ее вампир был рядом. Она ощущала его в глубине души. Желание пойти к нему переполняло ее, заставляя переставлять ноги, будто она не могла контролировать собственное тело. Тяжелый груз был снят с Клэр, когда она открыла связь между ними и позволила его силе затопить ее, наполнить в ней все, что она давала крошечной жизни, растущей внутри нее.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Выстрелы эхом отдавались у нее в ушах, и она заставила себя отшатнуться от стеклянных дверей. Она укрылась за высокими столами, присев на корточки и прижав руки к животу, чтобы оградить своего будущего ребенка от надвигающейся опасности. *О, боже. Там Михаил!*

Он был сильным. Непогрешимым. Бессмертным вампиром, который рвал глотки своих врагов голыми руками. Конечно, он мог выйти сухим из воды в любой ситуации, но возмущенные крики сливались с лязгающим металлом, подавая первые предательские признаки сомнения, пуская корни в ее доверие.

Она должна была помочь ему.

Все, что она могла надеяться сделать, это безоружно и незащитно отвлекать нападающих достаточно долго для того, чтобы Михаил одержал верх. Она распахнула дверь с достаточной силой, чтобы снять ее с петель, и выбежала на улицу как раз тогда, когда первые утренние лучи солнца стали обрисовывать городской пейзаж. *Дерьмо!* Улица выглядела как зона боевых действий. Тела устилали землю, и Клэр обежала побоище в поисках его, молясь, чтобы его не было среди погибших. Размытое движение привлекло ее внимание, и Клэр обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть высокую, худую женщину, одетую с головы до ног во все черное, ее темные волосы развевались, будто кудри были сделаны из атласной ленты, когда она бежала. Слева от нее, компания странных людей тащила тело к боковой аллее, когда то боролось, пытаясь освободиться.

— Михаил!

Задушенный крик Клэр эхом отразился в ее ушах, заглушая звук приближающихся сирен. Солнечный свет проникал сквозь окна высоких зданий, убирая тьму на тротуаре, но все-таки Михаил боролся со своими поработителями. Золотые лучи ласкали его кожу, и его спина выгибалась, лицо искажалось от боли. Клэр согнулась пополам; его боль была ее болью, и зной опалил ее плоть и довел кровь в ее жилах до кипения.

Эти люди тащили Михаила, воспользовавшись его слабостью, когда тащили его в тень аллеи. Собственная боль Клэр притихла, и она ринулась вниз по тротуару, отчаянно пытаясь добраться до него. Мышцы уже болели, легкие горели, она заставляла себя бежать так быстро, как могла, но когда она добежала, проулок оказался пуст.

Он ушел.

Нет! Ее душа звала его, беззвучно крича, но тот крик, который раздавался в ее голове, оставлял ее слабой и дрожащей. Кто-то мог бы просто вырвать бьющееся сердце Клэр из ее груди, разлука была очень острой. Она рухнула на колени, ее грудь вздымалась с каждым тяжелым дыханием, когда белый свет начал застилать ее зрение. Вой сирен нарастал, приближался, какофония заглушала ее собственные кричащие мысли, когда сотрудники департамента полиции Лос-Анджелеса и спасательных служб прибыли на место происшествия.

Боже, пожалуйста, пусть с ним все будет хорошо. Она послала тихую просьбу во Вселенную, когда отряд полиции сосредоточился на ней.

— Медленно повернись! Руки за голову!

Она бы не подумала, что в тот единственный раз, когда ее схватит полиция, она на самом деле будет невиновна. Клэр сделала, как ей сказали, развернулась к приказному тону. Дыхание застряло в горле, когда она осмотрела пустой тротуар, все, кроме двух тел, которые валялись на другой стороне улицы, исчезли.

Какого черта...

— Ладно, Мисс Томпсон. Расскажите мне еще раз, что вы видели.

Клэр сидела в одной из кабинок кафе и, кажется, в миллионный раз вспоминала для детектива, что было утром. Полиция Лос-Анджелеса ни при каких обстоятельствах не могла считать ее подозреваемой благодаря тому, что Лэнс поручился за то, что она находилась в закускойной, когда звучали выстрелы. Хотя тактика детектива была впечатляющей. Очевидно, он пытался вытрясти ее из нее информацию в надежде, что она знала больше, чем говорила. Она выбежала в гущу событий, в конце концов. Никто даже с минимальными инстинктами самосохранения не сделал бы такой глупости.

— Лэнс был в подсобке, готовился к завтраку, а я собиралась открывать. Я услышала драку на улице, потом раздались выстрелы. — Детектив (на его бейдже было написано Рурк) смотрел на нее так пристально, что у Клэр все внутренности натянулись, как тетива у лука. Это был холодный взгляд животного, бесчувственный и расчетливый, будто тот присматривался к потенциальной угрозе. Она проглотила ком в горле и постаралась говорить увереннее, чтобы в ее историю поверили. — Там двое мужчин лежали ничком на тротуаре, а еще трое тащили другого человека в сторону переулка. Я выбежала и крикнула, чтобы они остановились, потому что было очевидно, что парня похищали или что-то в этом роде, но когда я догнала их, они ушли.

Детектив Рурк постучал карандашом по столешнице, *тук, тук, тук*, это сверлило череп Клэр.

— А вы не знаете человека, которого схватили? — Рурк пригвоздил ее взглядом, который послал ледяной холодок в ее душу. — Вы понятия не имеете, кто это был?

Она покачала головой.

— Вы думаете, что это было связано с бандой? — Но это было не важно. Клэр просто хотела, чтобы он ответил на один из ее вопросов, чтобы создать основу для его ответов. Она не доверяла ему, или тени, которая прошла в его взгляде. Настало время заставить ее внутренний детектор лжи работать.

— Не обязательно.

Правда. Или хотя бы смутный ответ, чтобы заставить ее думать, что он был прав.

— Мы озабочены этим актом насилия, совершенным очень нестабильным человеком, у которого мог возникнуть соблазн снова напасть. В следующий раз это может быть посреди торгового центра или в начальной школе. Все, что вы можете вспомнить, было бы полезно, Клэр. Мы хотим найти человека, который в ответе за это все, прежде чем будут потеряны еще жизни.

Снова Рурк сообщил достаточно правды и лжи, поэтому Клэр было трудно получить ясную картину. Слишком рано для ерунды. Его дружеское к ней отношение заставило ее вздрогнуть. Сначала «Мисс Томпсон», а сейчас «Клэр». Будто он пытался наладить какую-то интимность и доверие между ними. Ему придется сделать намного больше, чем просто назвать ее по имени, чтобы успокоить ее.

— Я говорила вам, человека, которого я видела, тащили против его воли. Не думаю, что это он убил этих людей.

Рурк зажмурился, когда изучал ее.

— Как вы можете быть уверены, если вы не видели ничего, что происходило до вашего выхода из закуской?

Беспокойство съедало ее, и Клэр проглотил страх, застывший в ее животе, как камень.

— А в каком вы участке, детектив?

Его снисходительная улыбка не коснулась холодных глаз.

— Отдел Метрополитен.

Ложь.

— О. — Клэр прищипила его своим взглядом. — Моя подруга Леа работает диспетчером. Вы ее знаете?

— Конечно, я знаю Лею. Она — отличная девушка.

Ложь. Клэр не знала, кто работал в полиции Лос-Анджелеса и детектив Рурк тоже.

— Ну, передайте привет от меня в следующий раз, когда увидите ее. — Клэр поднялась, и он последовал ее примеру, он отразил ее действия с жидкой точностью, подняв еще один красный флажок. Это была тактика запугивания, она несколько раз сама использовала ее. — Я хотела бы помочь, но это все, что я знаю. Надеюсь, что вы найдете парня. В этом районе не было особого ажиотажа, и я уверена, что многие люди хотели бы, чтоб впредь так и было.

Рурк слишком долго смотрел на нее, его губы сложились в тонкую, жесткую линию. Она вспомнила, что Михаил поведал ей о том, что Сортиари проникают в каждый аспект общества, и дрожь промчалась от основания ее шеи до кончиков пальцев ног. Ее единственным утешением было то, что если этот парень на самом деле с Сортиари, то это означало, что парни, которые утащили Михаила, были не оттуда. Она надеялась, что в этом случае Михаил будет в безопасности с дьяволами, которых он не знал.

— Я позвоню, если что-нибудь вспомню.

Рурк заморгал, будто вспомнив, что ему надо вести себя на уровне, и улыбнулся.

— Это было бы здорово. И мы могли бы послать кого-нибудь для наблюдения. Вы будете здесь весь день?

Если она не может помочь ему. Внутренняя тревога гремела в ее теле, и Клэр никогда не хотела соврать так сильно, как сейчас.

— Да. — Это взяло все силы воли, которыми она обладала, чтобы казаться спокойной. — Я работаю до пяти.

— Отлично. Спасибо за уделенное время, Клэр. Я буду на связи.

Опасная аура окружала детектива Рурка. Та, что показывала Клэр, что не захочет с ним связываться во второй раз. Ей нужно выбраться оттуда. И ей нужно найти Михаила. Боже, она была глупа, что так легко избавилась от его защиты. Связь пылала между ними, независимо от космической силы, которая связала их души. В этот момент решение было принято за нее. Независимо от того, что будет, они должны быть вместе. Клэр покончила с действиями в одиночку. Ей нужен Михаил. И она не собирается больше жить без него.

Михаил расхаживал по логову Шивон, все время проклиная ненавистное солнце, которое удерживало его от Клэр. Он боролся с дюжими охранниками коварной женщины, стремясь добраться до Клэр, чувствуя обжигающее тепло солнца, лижущее тело, волдыри образовывались на его плоти, пока они не потащили его под сеть тенистой аллеи.

— Ты вызываешь у меня головокружение, — пожаловалась Шивон. Она развалилась на импровизированном троне, закинув ногу на ногу. — Ты здесь до заката, Михаил. Зачем беспокоиться о том, чего ты не можешь изменить?

Тринадцать часов он провел взаперти в ветхом здании Шивон, которая утверждала, что оно является ее собственностью. Он проснулся задолго до заката, его тело боролось с дневным светом, благодаря желанию добраться до своей пары. Честно говоря, он был удивлен, что они его не убили, дневной свет моментально бы поджарил его. Для вампира было опасно находиться вдали от охраны своего дома, и вот почему. Боги, Шивон говорила в течение часа, а Михаил уже был сыт ей по горло. Он повернулся к дампирам и оскалился.

— И чего ты от меня хочешь?

Ее изумрудные глаза вспыхнули серебром, когда едва заметная улыбка заиграла на ее полных губах, показывая тонкий намек на клыки.

— Я думаю, мы должны поговорить, не так ли?

Он фыркнул.

— Мне *нечего* сказать.

— Нечего? — Ее насмешливый смех эхом отразился в пустом здании. — Даже женщине, которая спасла твою жизнь?

— Тащить меня, как заложника, вряд ли называется спасением жизни.

— Верно, — согласилась Шивон. — Хотя я могла бы позволить убийцам разобраться с тобой, или посмотреть, как ты будешь гореть в солнечном свете. Но поскольку я чувствовала себя доброжелательно, то решила помочь тебе. — Она остановилась, расчетливая улыбка появилась на ее лице. — И присмотреть за твоей парой.

Михаил напрягся, рык поднимался в его груди. Он выдавил слова сквозь зубы.

— Если с ней что-то случится...

— Успокойся, Михаил. — Шивон пренебрежительно махнула рукой. — Мне глубоко плевать, какое дерьмо ты решаешь уложить в постель. Она в безопасности. Каррик последовал за ней из закуской к жилому дому на Саус-Вестлейк. Должна сказать, что никогда бы не подумала, что ты будешь брать кого-то из таких трущоб.

Гнев вскипел у него внутри и поднялся к груди.

— Попридержи язык, женщина. Ты говоришь о моей паре.

Шивон ухмыльнулась от превосходства.

— За такое одолжение — то, что я защищаю твое — я думаю, что заслуживаю компенсации. Не так ли, *Ваше Величество*?

Михаил решил проигнорировать насмешку в ее тоне. Если он не удержит свой нрав в узде, то раскроит ей горло и начнет войну, на которую у него нет времени.

— Я поблагодарил тебя. Разве этого недостаточно?

Очередной раунд веселого смеха был ему ответом.

— Отнюдь нет.

Конечно, нет. Не для кого-то такого хитрого и расчетливого, как она.

— Тогда чего ты хочешь?

— Я хочу Ронана.

Михаил поднял бровь. *Ронана?* Нет, Шивон хотела *власти*. Более высокого ранга, чем давало ее нынешнее существование. Как Ронан мог поднять ее, если она не знала, что мужчина был обращен, и она все равно как-то пыталась использовать эту силу?

— Ронан мне не принадлежит, чтобы давать его больше, чем ты можешь им обладать.

— Он присягал тебе на верность. Освободи его от данного слова.

Вряд ли.

— Почему? — С Ронаном при дворе, Шивон могла обратить весь свой ковен, создать силу, с которой придется считаться. Но она не скрывала своего презрения к вампирам и не хотела быть бездушной и ограниченной. Так почему тогда ей нужен вампир в своих рядах? — Возможно, твое презрение всего лишь притворство? Ты хочешь быть обращена, дамфир? Ты тайно тоскуешь по силе, которую мог дать тебе *твой король*? — Она выпрямилась, оскалив зубы, и предупреждающе зашипела. — Независимо от твоих планов, Шивон, я не могу вернуть клятву Ронану. Только он может сделать это. Если он захочет прервать свои отношения со мной, то так тому и быть.

Изумрудные глаза Шивон сузились.

— Ты такой же высокомерный, как и глупый, Михаил. У меня нет абсолютно никакого интереса к уходу на тот свет... *или моей души*. Придержи свои силы и забвение. Я их не хочу.

Он набросился на нее с невыносимой скоростью, прижав ее руки к так называемому трону, и прорычал ей в лицо:

— Тогда чего ты хочешь? Прекратить позерство и угрозы, *прекрати тратить мое время!*

Она вызывающе дернула подбородком и закинула ноги на подлокотник кресла, сбивая его руки в сторону. Острые каблуки ее шпилек с треском ударили об пол, когда она села и полностью оттолкнула его.

— Я — не дура, так что сделай одолжение, не обращай со мной так. Я знаю все о твоей паре, Михаил. Она — человек. — Заявление Шивон, в сочетании с ее ухмылкой превосходства, вызвало рокот гнева в груди Михаила. — Так-так, Михаил. Если бы я была тобой, то следила бы за собой.

Он встал из кресла, чтобы не искушать себя вонзить когти в ее плоть. Ничто не порадует его больше, чем лишиться ее жизни раз и навсегда, и единственное, что удерживало его от совершения преступления, это армия солдат-дампиров, которых она привлекла на свою сторону.

Между гниением под землей в темной могиле и проведением дневного времени с этой женщиной, он с радостью выберет могилу.

— Все, чем может быть моя пара, не твоя забота. — Он выдавил слова сквозь зубы. — И угрозы против нее, как бы ни завуалированы они звучали, приведут к твоей смерти, женщина.

Довольная ухмылка растянула ее тонкие губы.

— Мужчины, достойнее тебя, пробовали. Им так и не удалось. Не обо мне тебе нужно беспокоиться, Михаил. Не мне подчеркивать недостатки твоего партнера.

— Тогда зачем метать угрозы?

— Потому что я могу быть стервой, когда я не получаю того, чего хочу. — Она смахнула

невидимые ворсинки с плеча. — Отдай мне Ронана, и я буду держать ее личность в секрете. В противном случае... — Серебро мелькнуло в ее глазах, и она обнажила клыки. — Я помогу разжечь восстание, которое совершит набег на Сортиари, уничтоживших твой вид, хотя это жалко сравнивать.

С каждым днем эта женщина будем все большим и большим бельмом на глазу.

— Я же сказал, что это не мне отдавать.

— Из тринадцати ковенов, сколько, думаешь, будут тебе верны? А что касательно ковенов за пределами города? Существует ковен в Сиэтле, который презирает людей. — Ее легкий, разговорный тон скреб по ушам Михаила. — На них охотятся, как на диких животных, игры раз в месяц и пресыщение кровью. Я могу только представить, что они подумают, когда узнают, что королева вампиров — это существо, которое они считают не более чем ланью в лесу.

Михаил вспыхнул. Его клыки впились в нижнюю губу, и вкус крови только подстегнул его к насилию.

— Скажешь еще слово, и я сдеру кожу с твоего тела.

Из тени Шивон появились охранники, серебро в их глазах блестели как у стаи волков. Это было невыносимо. Солнце сядет в считанные минуты, и он устал выглядеть спокойным, беззащитным перед ней.

— Ты умрешь, прежде чем сможешь даже подумать о том, чтобы коснуться меня пальцем.

Настало время Шивон понять, против кого она шла. В одно мгновение он схватил ее за воротник и повалил на пол. Она боролась против него, потянулся к кинжалу в ножнах на боку, но он был быстрее и схватил ее прежде, чем она смогла обхватить рукоять.

Сталь запела, когда он вырвал кинжал из ножен и оседлал ее тело. Он провел острым краем по ее горлу, надрезал кожу, из раны хлынула кровь, малиновая слеза побежала темной речкой по бледной коже ее горла.

— Я сделаю больше, чем коснусь тебя пальцем, Шивон, — прорычал он ей в ухо. — Так что ты простишь меня, если я сочту твои угрозы... пустыми.

Дикое шипение вырвалось из ее оскаленных клыков, когда она боролась против него. Он встал, заставив и ее подняться вместе с ним, когда ее телохранители напали. Блеск стали привлек его внимание, и Михаил отскочил. Он выпустил Шивон, и она полетела через всю комнату, скользя по кафельном полу, прежде чем врезаться в стену.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Окруженный грозной силой воинов-дампиров, он сконцентрировался, чтобы не чувствовать ни кусочка металла на коже. Он парировал несколько ударов, на один их удар приходилось три его. Они сражались с ожесточением, и он восхищался их доблестью. Дампиры Шивон были воинами, достойными своего места и даже больше.

Это не значит, что он не повергнет их в случае необходимости.

Он вонзил одному из охранников Шивон под ребра кинжал, достаточно глубоко, чтобы обездвижить. Другому Михаил нанес удар в колено. Третий резко рванул к нему, но Михаил перехватил мужчину и поднял высоко над головой, ударив охранника об пол с достаточной силой, чтобы старая плитка растрескалась.

Остался один противник, и он был большим сукиным сыном.

Михаил крутанул кинжал в ладони, сжимая рукоять. Он не чувствовал себя таким живым за века, пока оглядывал дампира, чей ястребиный взгляд оценил каждое его

движение.

— Твой вызов моей королеве не останется безнаказанным, вампир.

Задира. И немного заблуждается. Шивон была такой же королевой, как убийцы — людьми, но Михаил не собирался выбирать выражения в данный момент.

— И ее вызов мне недопустим. — Он атаковал с молниеносной скоростью, немедленно заставляя дампира отступить. Этот мужчина боролся, как зверь, рыча и размахивая кинжалом, крепко сжимаемым в правой руке, парируя выпад Михаила кинжалом в левой. Прилив сил окатил Михаила, когда солнце окончательно село за горизонт. Настало время идти к Клэр и закончить этот бред между ними раз и навсегда.

Михаил развернулся, ловя дампира на замахе, и мужчина растянулся на полу, как срубленное дерево. Мужчина перевернулся на спину, согнул колени, поднялся с пола изящным мостиком. Широким взмахом ноги Михаил поймал дампира, прежде чем мужчина смог встать на ноги, и отправил его обратно на пол. Михаил занес кулак и опустил его на живот своего оппонента, выбив воздух из легких.

Мужчина перевернулся на живот, встал на колени, борясь за то, чтобы просто дышать. Легкие Михаила не требовали кислорода и, возможно, он показал дампирам в ходе боя, что они могли бы извлечь выгоду из обращения. По правде говоря, он не хотел этого ни для одного из них — включая Шивон — включая своих врагов. Но пока они опомнятся и отбросят свои предрассудки и самомнение, у него нет выбора, кроме как считать этот ковен враждебным.

Он пересек всю огромную комнату и пошел туда, где у дальней стены лежала Шивон. Все еще ошеломленная, она уставилась на Михаила, ее глаза сверкали сердитым огнем.

— Я забрала тебя, — клокотала она. — Защитила от солнца и наблюдала за твоей парой. И это твоя благодарность?

— Моя благодарность — это тот факт, что ты еще жива, Шивон. — Михаил засунул раздобытый кинжал в пустые ножны на бедре. — Не забывай, что это передо мной ты отвечаешь, а не наоборот. Молись, чтобы я продолжал показывать тебе мою доброту. Я пришлю кого-нибудь, чтобы вернуть конфискованное оружие, и пока что предлагаю тебе подумать о своем будущем.

Она заставила себя сесть и мило улыбнулась.

— А, может быть, ты должен сделать то же самое, Михаил.

Он выпрямился и повернулся к ней спиной, медленно проходя мимо ее охранников. Настало время Михаилу, последнему истинному вампиру, показать тем, кто считал его слабым, насколько мощным он был. И для того, чтобы действительно сделать это, ему нужна его пара.

* * *

Клэр расшагивала по своей крошечной гостиной, пока ее желудок завязывался в тугий узел. Михаила, вероятно, сейчас пытали убийцы Сортиари, и она понятия не имела, к кому обратиться за помощью. Отчаяние сжималось в ее животе, пока все тело ныло от беспокойства, которое она испытывала. Поскольку психический и эмоциональный барьеры, которые она построила, чтобы заблокировать свою связь с Михаилом, пали, она надеялась, что

если он может освободиться от своих похитителей, то легко найдет ее. Детектив, который сомневался в показаниях Клэр, дико ее взбесил. Она не была в безопасности. Никто из них не был. И сейчас было самое время занять круговую оборону, если у них была надежда выжить против врагов Михаила. Если бы Клэр нужно было волноваться только о себе, то она бы так не переживала. Но малыш, растущий внутри нее, заслуживал защиты. И она не могла сделать так, чтобы он был в безопасности, без помощи Михаила.

Не в первый раз, Клэр прокляла отсутствие телефона. Даже если ей удалось бы найти номер дома Михаила в надежде выследить Алекса или Ронана, как, черт возьми, ей с ними связаться? С помощью таксофона на улице? Это оставит ее слишком открытой. Если Сортиари знали, где она работала, они явно знали, где она жила.

Боже, Клэр. Как ты могла быть так глупа? Негласное правило аферистки: *всегда замечать следы.*

Изменение тактики было в порядке вещей. Шансы были таковы, если Михаил отсутствовал, то Ронан был уже у него дома, собирал войска или делал что-то еще. Она не знала, был ли кто-то, кто ценил свою личную жизнь так же, как ее вампир, его номер мог быть в телефонной книге, но в этот момент она могла надеяться только на удачу. Она покинула квартиру, пересекла холл и подошла к квартире Ванессы.

— Привет, Клэр! — Ванесса встретила ее яркой улыбкой. Ее осанка была прямой, плечи расправлены и наклонены немного назад. — Спорим, ты не угадаешь, что прямо сейчас на мне надето.

Клэр рассмеялась.

— Уверена, что смогу. И должна сказать, это заставляет тебя выглядеть как минимум на двенадцать. — Личико Ванессы вспыхнуло, ее гордая ухмылка сияла ярче, чем солнце. — Просто помни, что нормально выглядеть на десять. И делать то, что делают десятилетние. Не позволяй этому лифчику задурить тебе голову, юная леди. — Клэр мысленно погладила себя по спине за хорошие слова. Несмотря на ее воспитание, может быть, была надежда, что она будет хорошей мамой.

Ванесса хихикнула.

— Как будто он может. И Клэр, мне почти одиннадцать. Так, что случилось?

Клэр вздрогнула от ностальгии этого возраста Ванессы.

— Мне нужно воспользоваться телефоном и телефонной книгой. Как думаешь, твоя мама не будет против?

Ванесса сдулась, как старый воздушный шар.

— Мама спит, сомневаюсь, что ты сможешь разбудить ее прямо сейчас.

Перевод: она проглотила горсть таблеток и оказалась в нокауте.

— О. — Неловкое молчание прошло, и Клэр ободряюще улыбнулась Ванессе. — Все будет хорошо, малышка. Ты в порядке. Это все, что имеет значение. — Это была своего рода перестраховка, которая не требовала дальнейших объяснений. Пережив это сама, Клэр знала, что Ванесса была тем типом девочки, которая выберется на другую сторону относительно невредимой.

— Телефон на кухонной стойке. Книга тоже. — Ванесса не ответила на успокоение Клэр, но ей и не нужно было. У них была связь. Вроде той, что была между Клэр и Михаил. Связь, сплавленная с чем-то, чего она и не должна была.

— Спасибо. — Она листала белые страницы, пальцем водя по списку имен: *Аргейл... Аринсон... Аристов! Анна, Димитрий, Джон, Марк... Митчелл. Черт.* Переключившись на

"желтые страницы", она возобновила свой поиск, стала просматривать списки охранных фирм, агентов, ищущих талант, юристов, инвестиционных банкиров, врачей... всего, что показалось ей работой, способной поддерживать расточительный образ жизни Михаила. Она издала стон разочарования и разорвала одну страницу пополам, когда попыталась перевернуть. Это было похоже на поиск иголки в стоге сена, охваченного пламенем.

Черт побери. Отчаяние, какого она никогда еще не чувствовала, пронзило ее сердце, и Клэр проглотила ком, поднявшийся в горле. Она не должна была оставлять его, а теперь она может больше никогда не увидеть Михаила.

Михаил летел по темным переулкам и пустым улицам к дому, который указала Шивон, к дому, к которому Каррик последовал за Клэр. Это было соревнование с врагами, чтобы найти ее, и у них было преимущество дневного света. Он должен был найти ее.

Связь между ними горела ярко, исходя из груди, как маяк, вызывая к нему из мрака. Он никогда не чувствовал с такой ясностью и интенсивностью, это означало, что либо она была в беде, либо, наконец, перестала от него отгораживаться. Это и возбудило, и напугало его. Он решил, пусть связь ведет его, и полностью отдался инстинкту, и через несколько секунд он уже стоял перед жилым домом, по сравнению с которым заброшенный дом Шивон был похож на дворец.

Его пара жила в такой нищете?

Его беспокойство смешалось с негодованием, что она оставила его, чтобы вернуться к этой жизни. Никакой безопасности. Никакой защиты. Само здание выглядело так, будто оно могло упасть на голову в любой момент. Звуки долетали до него в сенсорной перегрузке, от этого Михаил схватился за голову. Вечеринка с ревущей музыкой. Голоса слишком многих людей, живущих вместе в одном пространстве, смешались воедино. Белый шум атаковал его. Хаос для его сверхчеловеческих чувств. Всплеск эмоций врезался в него, чуть не ставя Михаила на колени. Клэр была внутри. Она была расстроена. Напугана. Он вынул кинжал из ножен и промчался через вход вверх по лестнице на второй этаж.

Ее запах достиг его ноздрей, и его просто накрыло жаждой крови, которая затмила его способность ясно мыслить. Там было что-то другое... цветочный аромат был как-то богаче, как-то насыщеннее. Его клыки пульсировала в деснах, как Михаил остановился перед дверью с надписью 216. Клэр была по другую сторону двери, и прежде чем он смог постучать и разнести дерево в щепки, дверь распахнулась, чтобы показать то, что он так хотел заполучить. Жаждал. Не мог жить без нее.

— Михаил.

Ее ошеломленное выражение противоречило приливу облегчения, которое окатило его теплом. Она придерживала дверь, не пуская его в квартиру и не показывая ее ему. *Почему? Кто был с ней?* Михаил убьет любое существо, которое осмелится встать между ними.

— Клэр? Все в порядке?

Из-за нее раздался тихий голосок, и Михаил толкнул дверцу, чтобы открыть спрятанную за Клэр молодую девушку, на лицо ее отражались храбрость и страх. Эта смесь заставила ее выглядеть дикой. Крошечной лисой, пойманной в силки. Их глаза встретились, и спазм энергии обрушился на Михаила, словно удар хлыстом. Необыкновенный ребенок, рожденный необыкновенной матерью?

Осознание того, что он так мало знал так о своей паре, пырнуло его ножом прямо в сердце. Два беспомощных существа, которых нужно защитить. Клэр должно быть знала, что ее дочь нельзя было обратить. Вот почему она ушла от него. И где, спрашивается, был отец ребенка? С кем еще ему придется бороться, чтобы убедиться, что Клэр останется рядом с ним?

Она повернулась и прошептала что-то ободряющее девушке, а затем скользнула в коридор и закрыла за собой дверь. Долгое мгновение они смотрели друг на друга. Затем Клэр издала задушенный всхлип и бросилась в его объятия.

— Боже мой, Михаил. Я думала, что Сортиари забрали тебя. Когда я видела, как они тащили тебя в тот переулок... — Клэр замолчала, уткнувшись в его рубашку.

Надо было многое обсудить, а времени для всего было недостаточно.

— Нам нужно войти внутрь. — Он потянулся к дверной ручке за ней, и она напряглась.

— Нет. Не сюда. — Она схватила его за руку и повела по коридору, в квартиру через две двери. Смятение Михаила увеличивается с каждой минутой. Кто жил с ее дочерью в другой квартире? Отец девочки? Ее запах отличался от Клэр. А еще его раздирало любопытство. В глубине сознания коллектив впивался в его разум, и он отодвигал его. Прямо сейчас он не мог позволить себе потерять хотя бы малейшую ясность ума.

Михаил вошел в квартиру, у него в груди заныло от того, что он увидел. Вся жилая площадь была не больше, чем его фойе. Стены были голыми, а краска слезла с гипсокартона. Вся мебель состояла из одной потрепанной кушетки и потертого кресла, которое пахло так, будто у кресла был не один владелец.

Холодильник в обветшалой кухне странно стучал, от этого стука у него звенело в ушах, кран протекал, методичный и устойчивый ритм. Ковер был старым и рваным, на полу лежал дешевый линолеум весь в пятнах, с глубокими бороздками. Он закончил свою оценку, и обнаружил, что Клэр смотрит в пол, будто стыдясь.

— Не столь шикарно, как в твоей берлоге, а?

Боже, как он подвел ее. Он думал только об удовлетворении своих эгоистических потребностей, не подумав о ней. С этого момента он будет заботиться о Клэр. О ней и ее ребенке. Он заберет их обеих подальше от этого существования. Клэр была королевой. Его королева. И настало время, чтобы она начала так жить.

— Ты ушла из-за ребенка. — Мысль поразила его и разожгла гневом, который вспыхнул ярче, чем его забота. — Кто отец?

Клэр подвигала челюстями и нахмурилась.

— Отец?

Боги, это было невыносимо. Ревность разбухала внутри Михаила, безумствуя, как ад от мысли, что другой мужчина прикасался к *ней*. Зарывался лицом между ее шелковистых бедер. Клэр принадлежала ему.

— Отец ребенка! — продолжал он. Огненный жар поглотил его позвоночник, и его кльки пульсировали, желая выйти из десен. Красная пелена застилала глаза, когда он шагнул к Клэр. Она впала в ступор, широко раскрыв глаза, но он не мог ничего поделать со своей ревностью, поэтому рявкнул. — Так вот почему ты оставила меня? Выскользнула из моей постели, будто то, что произошло между нами, было чем-то постыдным. Что? Не могла дождаться, чтобы сбежать? — Его голос гремел в тихой квартире, и Клэр попятилась. Она остановилась только тогда, когда оказалась у дальней стены, а Михаил нависал над ней, его нос был всего в нескольких дюймах от ее запрокинутой головы.

— Отец ребенка — мудака! — прокричала Клэр в ответ.

— Скажи мне, Клэр. — Михаил прижался губами к ее уху. Ее запах сводил его с ума. Он не хотел ничего большего, чем взять ее вену и трахать, пока она не решит, что в ее жизни больше не будет никаких других мужчин. — Почему ты решила жить в этой конуре, работать в этой жалкой забегаловке, но не быть со мной?

Он пришел сюда сегодня вечером, чтобы загладить свою вину, чтобы дать ей понять, что он не будет давить на нее в вопросе обращения. Привезет ее домой, где сможет защитить. Но все его благие намерения испарились при мысли о том, что она бросила его из-

за другого мужчины. Ради жизни в бедности и лишениях. Коллектив снова терроризировал его разум, мириады голосов угрожали заглушить его собственные мысли. Он не соображал. Не мог. Не тогда, когда ему было нужно так отчаянно питаться. Не тогда, когда она была так близко...

— Если бы вы заткнулся хотя бы на минуту, чтобы дать мне все объяснить! — Глаза Клэр светились возмущением, и она сжала челюсти. Она испустила глубокий вздох и откинула голову назад к стене с разочарованным стоном. — Ты такой дурак, Михаил.

Его гнев разлетелся от сладкой печали в ее голосе, ее щеки покраснелись, а пышная полнота губ надулась. Несмотря на гнев, который пожрал их, опасность, давившую на них, и, несмотря на ребенка за другой дверью и мужчину, который может встать между ними, желание Михаила Клэр превзошло даже здравый смысл. Он взял ее на руки, целовал, изголодавшись.

Клэр прильнула к нему. Он прижался губами к ее губам, углубляя поцелуй, и его клыки скребли о ее нижнюю губу, уговаривая капельки крови прорваться на поверхность ее нежной кожи. Михаил застонал, поскольку жажда крови держала его в тисках, и он погрузил свои клыки глубже в ее нижнюю губу. Капли возросли до четырех мелких струек, и он пил из ее рта, хищно он целовал ее и кормился от нее.

— О, боже, Михаил. — Клэр отстранилась, вцепилась в штаны, открыла пуговицы и дернула вниз молнию. — Возьми меня за горло. Я хочу, чтобы ты укусил меня.

Она была одержима желанием, как и он, и его член дернулся, когда она крепко взяла его рукой. Как животное, он погрузил клыки в плоть, скрывающую пульсирующую вену, и блаженство настигло его, когда сладким нектаром кровь Клэр потекла ему на язык. Ее спина изогнулась, и она вскрикнула, когда провела рукой от основания его члена до пульсирующей головки. Свободной рукой она стянула его штаны и впиалась ногтями в его плоть. Михаил оторвался от раны с низким рыком и закрыл ее. Он сорвал рубашку с ее тела и сдвинул чашечки бюстгалтера, прежде чем зарыться лицом в ее шелковую плоть.

— Да!

Он погрузился в ее набухшую плоть груди и накрыл сосок ртом. Клэр всхлипнула от удовольствия и впиалась пальцами в его волосы, удерживая его. С низким рыком Михаил сорвал с нее лифчик, отбросил ткань и стянул ее штаны за эластичный пояс, пока сосал. Ее нижнее белье отправилось следом за штанами, и она скинула то, что болталось у нее на лодыжках. Михаил обхватил ее за зад и поднял к стене. Она обхватила его ногами за талию и сцепила лодыжки, когда толкнула бедра навстречу ему. Роскошный цветочный аромат закружил его чувства, доказательства ее возбуждения и жажды слились с его, так восхитительно и умопомрачительно, когда он пил кровь из ее груди.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, Михаил, — сказала Клэр с придыханием.

Он отстранился, не закрывая укусы. Кровь сочилась из раны, по ее соску, и прежде чем тяжелые багровые капли могли упасть, он их слизывал легким движением языка. Клэр вскрикнула, извиваясь в его руках, и он снова восхищенно смотрел на выступающие капли. На этот раз он накрыл жесткий пик губами и глубоко втянул.

— О, боже. — Голова Клэр заметалась из стороны в сторону, когда ее бедра двигались против его жезла в отчаянном иступлении. — Возьми меня, Михаил. Пожалуйста.

Он взял член в руку и направил к ее входу. Ее киска распухла, была мокрой от возбуждения, и он провел головкой по ее набухшим губам. Клэр издала низкий стон, и он повторил свои действия, задержавшись у клитора. Ощущение вызвало в нем дрожь, и Михаил

заскрежетал зубами, входя в нее с сильным толчком.

* * *

— Оооооо... — Звук выскользнул из губ Клэр с дыханием, когда она кончила. Михаил продолжал двигаться с каждым сокращением, усиливая ее наслаждение, пока ее тело становилось безвольным и податливым. Пару недель порознь казались вечностью, и их споры, его безумные требования, не говоря уже о том, что он знал, что она беременна, исчезли под инстинктивным желанием соединить их тела воедино.

Через ослепление штурм экстаза Клэр обнаружила, что Михаил смотрел на нее. Его глаза вспыхнули серебром, и взгляд устремился на ее грудь. Она посмотрела на струйку крови, которая бежала по ее груди и стекала по соску, и ее тело сжалось от новой волны страсти. Он, казалось, заикнулся, был заморожен увиденным, и его одержимость только подтолкнула Клэр к высшему состоянию бессмысленной потребности.

— Михаил, я хочу, чтобы ты ощутил вкус моей крови на своем языке. — Он посмотрел ей в глаза, его глаза были широко распахнуты и горели диким огнем. — Сделай это, — приказала она, когда очередная волна сильного наслаждения грозила подняться и похоронить ее под собой.

Он провел языком по ее груди, а Клэр испустила отчаянный вздох. Ожидание свернулось в ее животе, когда он поцеловал ее в губы, его язык двигался в такт с бедрами. Медный привкус ее крови не должен был заставлять ее хотеть большего, но это было не так. И на этот раз она хотела испробовать крови Михаила. Испить. Инстинкт принять его кровь в себя ощущался на уровне ее ДНК, пока она не думала, что может сойти с ума от этого.

Он прервал их поцелуй и отстранился, будто оценивая ее реакцию. Клэр облизнула губы, и его глаза засверкали, взгляд был прикован к ее движению.

— Ты *моя*, Клэр. — Он глубоко вошел в нее, да так, что она ударилась головой о стену и тихо всхлипнула. — *Моя*. — Сильнее. Глубже. — И я уверен, что любой мужчина, который подумает претендовать на тебя, узнает об этом.

— Да! — Как она вообще могла думать о каком-то другом мужчине? Михаил был центром ее Вселенной, это была сила, которой невозможно сопротивляться. Его мышцы дрожали под ее прикосновением, сгибаясь и освобождаясь. Вены вздулись на его шее, так он бешено трахал. — Я хочу попробовать тебя, Михаил. Испить из тебя. Я должна!

Она не могла объяснить этот позыв, но также не могла ничего сделать, чтобы побороть его. Михаил торжествующе зарычал, когда поднес свое запястье ко рту и прокусил. Он прижал запястье ко рту Клэр, она впиалась зубами в его плоть и начала сосать. Его бедра бешено двигались, и первые теплые брызги соленой меди наполняли рот Клэр, стекая в горло на пороге потрясающего и умопомрачительного оргазма.

Она вцепилась руками в его руку и удерживала запястье у рта, впиваясь зубами в плоть от глубокого сосущего голода. Губы Михаила отстранились, показывая острые пики его клыков за мгновение до того, как он сомкнул челюсти. Шок от тепла затопил ее, когда его член пульсировал с каждой волной оргазма. Каждый мускул, каждая жилка, которая связывала их тела, ощутила абсолютное облегчение, когда глубокий, удовлетворенный рык вырвался из его горла.

Клэр кончила одновременно с ним, ее второй оргазм был мощнее первого. Ее тело трясло от силы, и кожа Михаила треснул под ее зубами, когда она укусила его запястье сильнее, чтобы увеличить приток крови.

Она уплывала с каждым мощным спазмом внутренних стенок. Полностью покинув тело, она плыла на облаках восторга. Она была не более чем клубком нервов и ощущений, паутинкой без формы.

Казалось, прошли года, пока единственным звуком в маленькой квартире было их смешавшееся дыхание. Она посмотрела на запястье Михаила, и открытые раны закрылись у нее на глазах, полностью зажив, кожа снова стала гладкой и безупречной, как несколько минут назад. Клэр посмотрела Михаилу в глаза, они были почти полностью серебряными, на радужке был едва заметен след ярко-синих ирисов.

— Твой ротик так симпатично выглядит, окрашенный моей кровью. — Гортанный голос заставил его все еще эрегированный член сжаться внутри нее. Он склонился к ней и снова медленно поцеловал. Осторожно. Когда он пробовал ее губы и скользил атласным языком, это вновь наполнило ее приливом тепла.

— Михаил, — прошептала она в его губы. Ее слова ей не принадлежали, скорее всего, что-то глубоко внутри нее, чего она не понимала, заставляло произносить эти слова. — Я хочу большего.

Клэр приняла его вену и завершила их кровную связь. Это было неожиданно, могло быть только после ее обращения, и то, что она попросила его об этом, нарушило его шаткое самообладание. Истощить ее будет проще простого, пока его член все еще был похоронен в скользком жаре ее киски. И когда ее сердце перестанет биться, он снова даст ей вену, вызвав переход, одновременно наполнив ее своим семенем.

Зверь в нем вырвался на поверхность, требуя, чтобы опустошить ее. Потушить пламя ее человеческого существования, потому что это может спровоцировать что-то новое и дикое, дав жизнь вампиру, которым она станет.

— Клэр, не проси меня об этом. — Его клыки покалывало в деснах, и его накрывало желание укусить ее. Испить ее досуха, пока он трахал ее. — Не тогда, когда твоя дочь так близко, между нами и так много нерешенных вопросов.

Клэр так резко дернулась назад, что ударилась головой о стену. Она нахмурилась, когда посмотрела ему в глаза.

— О чем ты говоришь?

Он прижал ее к себе, тепло ее тела было успокаивающим бальзамом на его коже.

— Твой ребенок. В квартире рядом. — Он пригладил волосы Клэр и пропустил шелковую прядь сквозь пальцы. Возможно, небольшое количество крови, которое она забрала у него, повредило ее разум. Лента паники развернулась внутри него, и он опустил ее на пол, глубокое чувство утраты, которое он ощутил, только усиливало его страдания.

Так же растерянно, неодобрительно нахмурившись, Клэр убрала ноги с его талии. Михаил аккуратно поставил ее на ноги, и она прислонилась к стене, ее руки по-прежнему лежали у него на плечах.

— Ты думаешь, что Ванесса — *моя дочь*? — выдохнула она, чуть не смеясь. — Мне было бы четырнадцать лет, когда она родилась!

Теперь настала очередь Михаила путаться.

— Ты не отрицаешь, что у тебя есть ребенок. И ты сама сказала, что отец твоего ребенка — мудака.

Клэр покраснела.

— Я говорила о *тебе*. Такое пещерное отношение иногда сводит меня с ума!

Он был отцом ее ребенка? Но девочка не была его дочерью... Шестеренки медленно крутились в голове Михаила. Он, спотыкаясь, сделал шаг назад, потом еще один. Коллектив зашевелился в его голове, в сочетании с неидентифицируемым ароматом, который окутывал Клэр. Его взгляд пробежался по всей длине ее тела, задержавшись на почти неразличимой округлости низа ее живота. Этой полноты раньше там не было. Ее грудь, хотя и была округлой, на самом деле стала тяжелее, чем две недели назад.

— Для того, у кого за плечами века прожитых лет, ты немного тормозишь, не так ли?

Яркая улыбка осветила черты ее лица, когда руки потянулись к животу. Михаил опустил на колени перед ней, приобнял ее и прижался щекой к ее утробе.

— Мой ребенок, — пробормотал он. — Ты носишь моего ребенка?

Клэр провела пальцами по его волосам, будто успокаивая его.

— Это мальчик, — прошептала она. — Не спрашивайте меня, откуда я это знаю.

Его ребенок. Его сын.

Эмоции наполнили грудь Михаила, и он подумал, что сейчас лопнет. Клэр никогда не принадлежала ему больше, чем в тот момент.

— Ты скрылась от меня...

В ее голосе звучало много эмоций, когда она прижалась к нему.

— Мне было страшно. Я запуталась. И путаюсь до сих пор. Я не понимаю, что я чувствую и почему. Ничто не имеет смысла, кроме того, что я хочу тебя, Михаил. Я никогда не чувствовала ничего более истинного или прямолинейного за всю мою жизнь.

— Я жил на протяжении веков. Воевал. Пускал кровь. Искал удовольствия, когда хотел. Видел искоренение моего народа и лежал беспомощным, погребенным, неспособным ничего сделать, черт побери. Я страдал. Но я никогда не любил. Только сейчас, только в этот момент, я знаю, каково это — любить по-настоящему. — Он прижал ладонь к ее животу. — Я люблю этого ребенка. Я люблю тебя.

Клэр выскользнула из его рук, ее мягкая кожа скользнула по его, когда она прошла мимо него в маленькой гостиной. Его взгляд следовал за ней, как магнит притягивал металл, он восхищался ее узкой талии, ее бедра стали шире, а зад прекрасно округлился.

— Ты не можешь любить кого-то, кого ты даже не знаешь. Ты думаешь, что это любовь, но это просто связь, которая заставляет тебя чувствовать себя так.

Каждый произнесенный слог был пронизан мягкой грустью, что прорезала сердце Михаила, не оставляя ничего, кроме окровавленных лохмотьев. Он повернулся к ней и поднялся с колен.

— Ты когда-нибудь любила, Клэр?

Тонкие черты ее лица окаменели.

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что я не могу любить тебя, и что ты, в свою очередь, не можешь любить меня?

Михаил осмотрел ее, кожа Клэр все еще была красной, на ее правой груди и горле все еще красовались отметины, которые он ей подарил. Она была олицетворением самого секса. Великолепная, чувственная и бесстыдная. Беременность придала ей округлость, которой она не обладала ранее, и мягкость, по которой он тосковал, стремясь слиться с ней обнаженными телами.

Она повернулась к нему спиной. Он пересек комнату, подошел туда, где она стояла, и прижался своим все еще жестким членом к ее сладкой попке. В его нежных объятиях она издала дрожащий вздох, и он протянул руки, чтобы взять тяжесть ее груди в свои ладони.

— Ты была создана для меня, — прошептал он ей на ухо. — Боги сложили наш путь, и у нас не осталось выбора, кроме как последовать по нему. Как я могу не любить тебя? Мы две половинки одного целого. Соединившись сейчас, мы никогда не расстанемся.

— Я не понимаю.

Нежными поглаживаниями Михаил ласкал тугие пики ее сосков, теребил их, прежде чем ощутить фарфоровую сливочную плоть в своих ладонях. Клэр откинула голову на его плечо, когда ее веки закрылись, темные ресницы затрепетали.

— Я хотел бы заставить тебя понять, насколько ты важна, Клэр. — Он направил руки вниз, проскользнул ладонями между ее груди, по животу к небольшой выпуклости внизу живота. Он просунул пальцы между ее бедер и припухших половых губ. Раздался всхлип, и мошонка Михаила напряглась от сладкого звука. — Твоя кровь позвала меня. Песнь сирены. Я был беспомощен сопротивляться. И когда я впервые взял твою вену в ту ночь, ты разбудила

мою силу, укрепила меня, чтобы я мог укрепить весь мой народ и пополнить мою расу.

Он погладил пальцем ее клитор, и Клэр раздвинула ноги. Свободной рукой он обхватил ее за талию, удерживая против себя.

— Ты — Сосуд, Клэр. Ты уникальна. Ты можешь вынести вес коллектива. Твоя кровь — единственное, что мне нужно, чтобы поддерживать себя. Чтобы поддержать нас всех. Тебе суждено стать матерью дампиров. Они могут чувствовать тебя. Они знают твою силу, и даже на большом расстоянии они могут питаться твоей жизненной силой.

Она повернула голову, и ее шелковые волосы пролились каскадом по его руке.

— Кто?

— Дампиры, — пробормотал он ей в ухо. — Сосредоточься, Клэр. Ты можешь почувствовать их тягу?

* * *

Клэр дрожала в его объятиях. Его длинные пальцы ловко поглаживали ее, в то время как его голос, низкий и до неприличия прекрасный, соблазнял ее. Будто она когда-то могла отказать ему в чем-то.

— Сосредоточься, Клэр. Ты можешь чувствовать их тягу?

Дни истощения. Постоянный, мучительный голод, ее слишком тошнило, чтобы ощутить что-то иное. Она падала в постель полностью одетой и проваливалась в глубокий сон без сновидений, пока у нее не оставалось выбора, кроме как вытащить себя из постели на работу в закусочной. Все это время она думала, что это была беременность. Ребенок брал у нее то, что ему было нужно.

— Я чувствую это, — прошептала она. — Они берут больше, чем я могу дать.

— Они нуждаются в тебе. — Михаил проскользнул один палец, а затем еще один во влагалище, и Клэр вскрикнула. — Я нуждаюсь в тебе. Твоя кровь спасет нас всех.

Клэр кончила, сильный спазм потряс ее от головы до кончиков пальцев ног.

— О, боже, Михаил!

— Ты не думаешь, что я могу любить тебя, но я докажу, что ты ошибаешься, Клэр. И ты тоже любишь меня.

Он прижался губами к ее горлу и немного прикусил. Второй оргазм наступил сразу же вслед за первым, и Клэр взбрыкнула, сжав его руку так, будто от этого зависела ее жизнь. Удовольствие, волна за волной накатывало на нее, пока он кормился из ее вены, и Михаил медленно опустил ее вниз, каждое напряжение его рта отзывалось эхом внутри, пока тот поглаживал ее мягкими, нежными пальцами.

Годы проносились за несколько секунд, а Клэр оставалась по-прежнему в его объятиях, пока он не насытился. Тепло его языка успокаивало укусы, губы скользили по чувствительной коже к подбородку, под ухо и к волосам на виске.

— Ты полюбишь меня, Клэр. Это я тебе обещаю.

Она не могла удержаться от мыслей, что с его многими дарами — сверхъестественная скорость, симпатичная внешность и способность подчинять других своей воле — Михаил Аристов был бы чертовски хорошим аферистом.

Клэр засунула остальную одежду в сумку и в последний раз оглядела спальню. Ее сосед снова врубил нечто терзающее барабанные перепонки. Она, наверняка, не раз согласится с тем, что жить здесь — отстой.

Солнце встало всего пару часов назад, и Михаил метался по квартире, как зверь в клетке. Мысль, что она вернется с ним домой, наполнила ее горечью и непомерным чувством вины. У этого состояния было название. Раскаяние выжившего?

Как она могла сбежать с Михаилом и жить в его замке, оставив Ванессу, предоставленной самой себе? Кто удостоверить, что в холодильнике будет еда, и что у Ванессы будет все, что нужно для школы? Оставить все на самотек, просто упаковать чемоданы и пойти своей дорогой, Клэр чувствовала себя настоящей сволочью. Она ничего не должна была Ванессе. Та не была дочерью Клэр. Но разве ребенок не заслужил объяснений и прощания?

Клэр бросила сумку на диван и пересекла комнату, где Михаил продолжал расхаживать, крепко держа кинжал в правой руке. Он нахмурился и посмотрел ей в глаза.

— Что случилось?

К тому факту, что он мог чувствовать ее эмоции, нужно будет привыкнуть. Клэр ободряюще улыбнулась ему и вздохнула.

— Мне нужно попрощаться с Ванессой, прежде чем я уйду. — Если у Карлин была плохая ночь, как Ванесса их называла, то она, скорее всего, спит. И все-таки Клэр не могла исчезнуть, не сказав ни слова. Даже если ей придется разбудить малышку, она скажет Ванессе «до свидания».

— Хорошо, любимая. — Михаил крутанул кинжал в своей большой руке, размытое движение, которое закончилось вспышкой стали. — Мы пойдем вместе.

Чрезмерно жестокий нрав. Ее первое впечатление от Михаила было таким, что он никогда не подведет.

— Я не думаю, что мне нужна вооруженная охрана, чтобы пройти по коридору. А ты как думаешь?

Его тон не терпел возражений.

— Да.

— Ладно. Хорошо. Тебе кто-нибудь говорил, что ты очень напористый?

Михаил блеснул уверенной улыбкой, которая показала кончики клыков. Боже, он был великолепен. Он убрал кинжал и взял ее за руку, когда зазвонил сотовый. Со стоном досады он достал телефон из кармана и ответил.

— Что, Дженнер?

Глаза Михаила широко распахнулись, этого было достаточно, чтобы сказать Клэр, что бы ни происходило, это было не хорошо. Она выпустила его руку, он провел пальцами по волосам и издал разочарованный вздох.

— Я должен был это предугадать, не нужно было связывать его. Ты знаешь, куда он ушел? — Пауза, и глаза Михаила сверкнули серебром. — К Шивон, никаких сомнений.

По тону Михаила, было ясно, что тот, кто ушел, был в большой беде. Разговор продолжался, и у Клэр сложилось такое ощущение, что это займет некоторое время. Ее вампир нарезал круги по ее квартире, его разговор исчез в глубине души Клэр. Солнце сядет,

и он сразу же утащит ее оттуда, прежде чем у нее появиться шанс поговорить с Ванессой.

Она оставила его разговаривать, выскочила за дверь и пошла по коридору. Ее желудок сжался, а зрение помутилось от прилива адреналина, когда Клэр увидела дверь квартиры, у нее отвисла челюсть, косяк был расколот.

— Ванесса? — Голос Клэр сорвался на слове, ее легкие горели от необходимости сделать вдох. И так убитая квартира была полностью разгромлена: мебель перевернута, шкафы перерыты, ящики вывернуты.

Тихий стон привлек ее внимание, и сердце Клэр забилося в бешеном ритме в груди, когда она бросилась по узкому коридору. Карлин лежала ничком на ковре, ее тело наполовину находилось в спальне. Кровь впиталась в дешевые ковровые покрытия, от большого красного пятна Клэр чуть не вывернуло.

Она упала на колени рядом с мамой Ванессы. Та дышала, но еле-еле. Кровь сочилась из широкой раны на голове.

Клэр бросилась на кухню и схватила телефон. Ее пальцы дрожали, когда она набирала 9-1-1. Диспетчер ответил:

— Диспетчерская Лос-Анджелеса...

Телефон выпал из руки Клэр, когда у ее рта появилась рука. Ее прижали к твердому телу, каждый дюйм был неуступчивыми мышцами и силой. Шок ударил ее в грудь, и она стала бороться с железной хваткой. Она должна была ожидать этого. Надо было готовиться! *Трусливые ублюдки!*

Сколько времени убийцы следили за ней? Ждали возможности выманить ее из-под защиты Михаила, чтобы не бороться с вампиром? Они поставят другой капкан, заманят его. И они заманили Клэр Ванессой, так, конечно, как они заманят Михаила ею.

Краем глаза Клэр заметила, как Ванессу тащил к двери монстр. Беспомощную, с широко распахнутыми глазами, испуганную, но сражающуюся со своим похитителем. Клэр тоже боролась, брыкаясь и размахивая руками. Она впиалась зубами в руку, закрывающую ее рот, мрачное чувство удовлетворения накрыло ее, когда она пробила кожу и почувствовала вкус крови. Убийца выругался, с шипением отдернув руку.

Она открыла рот, чтобы позвать Михаила, но рука убийцы вернулась на рот Клэр, и на этот раз закрыла ее лицо тряпкой, которая пахла приторно-сладко и высасывала воздух из ее легких. В голове все помутилось, зрение поплыло. И хотя Клэр пыталась бороться, ее конечности стали тяжелыми, а руки безвольно повисли. Они решили забрать ее, забрать Ванессу, а они ничего не могла сделать, чтобы остановить их.

Она пыталась найти слова, когда опустилась тьма, но она не могла заставить губы двигаться. Ее разум кричал его имя, душа тянулась к нему. *Михаил!* Но он ее не слышал. Не мог ничего сделать, чтобы помочь ей.

Было уже слишком поздно.

* * *

Боги, как Клэр могла жить в таком месте? Судя по звукам, в соседней квартире рейв шел по полной. Звук музыки, в сочетании с бесчисленными голосами, проникал сквозь стены, мешая сосредоточиться на беседе с Дженнером. Или на чем-нибудь еще.

— Он выглядел съехавшим с катушек, когда ушел, но кто знает. — В том, что Ронан ушел, не было ничего удивительного. Только перешедшие вампиры были беспокойными и трудно контролируемы. Как только Михаил приведет Клэр домой и спрячет ее за своими стенами, он разберется с исчезновением Ронана. До этого мужчина сам по себе.

— Не ищи его. Ты мне нужен дома. — Убийцы стали наглее в своих атаках, их число росло. — Я привезу Клэр и хочу, чтобы моя собственность была хорошо защищена.

Воздух покинул легкие Михаила сильным порывом. Он упал на колени, перед глазами все поплыло. Голая паника просочилась в кровоток, грудь сдавило болью, комната закружилась, когда он пытался устоять на ногах.

Клэр.

Телефон выпал из рук Михаила на пол, когда тот вытащил кинжал из ножен, его шаг успокоился и замедлился, когда он боролся против инстинкта кинуться в коридор. Двери в квартиру девочки и из квартиры Клэр были широко открыты. *Черт побери*, она ушла, чтобы увидеться с девочкой без него. Сквозь шумную музыку и болтовню соседей единственный звук, добравшийся до ушей Михаила, это оборванные, всхлипывающие вдохи и выдохи, от которых кровь стыла в жилах.

Внутри квартиры, на полу, без сознания лежала женщина. Из большой раны на голове сочилась кровь, и ее дыхание было неглубоким. Мебель была опрокинута и сломана, Михаил проклял чертов шум и телефонный звонок Дженнера, которые отвлекли его. Он склонился над женщиной и прижал большой палец к ране. Небольшая забота, но это все, что он мог сделать.

— Клэр? — Его зрение отказывалось фокусироваться, когда он осматривал тесное пространство. — Клэр? — Его нелогичные мысли отказывались признавать то, что он уже знал. — Клэр? — Его голос вырвался из горла рваным криком.

Забрали.

Рев необузданной ярости сотряс стены квартиры. Пальцы Михаила сжались вокруг рукояти кинжала, пока гарда не впиалась в его плоть, пуская кровь. Отчаяние развернулось внутри него, угрожая поставить на колени. Пара шагов разделила их, и убийцы забрали ее прямо из-под его носа. Они использовали ребенка, зная о любви Клэр к ней, устроив идеальную ловушку. Они знали, что Михаил был в здании? Или это был просто жестокая случайность, что он был достаточно близко, чтобы Клэр была в безопасности, и все же она с легкостью попала в их руки? Его душа взывала к ней, потеря были почти слишком большой. Это будет гонка против восхода солнца, если бы у него были какие-то надежды найти ее, и даже тогда...

Он испил ее крови, и она взяла его.

Облегчение накатило на него, когда паника начала отступать. Он мог отследить ее. С легкостью найти ее. Михаил спрятал кинжал и бросился из квартиры. Он достал телефон и так же быстро выбежал из дома, не более чем очередная мимолетная тень в темном городе.

Он хотел найти свою половинку. И убьет каждого, кто приложил руку к ее похищению.

Ронану была предоставлена возможность попрощаться с солнцем.

Хотя он этого хотел, так долго стремился к переходу, сколько помнил, ему по-прежнему было жаль, что Михаил не дал ему никакого выбора в том, как и когда это было сделано. Однако у его выбора была небольшая цена за силы, которые кружились в нем.

Его первым делом, после перехода, было кормиться. И Ронан насытился кровью. Дампирша была согласна, дав ему столько, сколько могла, прежде чем слишком ослабла, чтобы дальше питать его. Пока Дженнер заботился о ее благополучии, другой голод поднялся внутри Ронана. Его поднимала на гребанные стены беспрецедентная нужда. И он точно знал, куда мог пойти, чтобы получить необходимое удовлетворение.

Он вошел в крепость Шивон, наплевав на свой внешний вид, который получил от дампиров, когда прокладывал себе путь по коридорам ветхого здания. Он уже был не одним из них, и видел их новыми глазами, способными различать даже малейшую слабость. И в один миг ему удалось вычислить, как использовать эти слабые места. Он знал план действий в случае эскалации ситуации к насилию. Неудивительно, что Михаил был столь прославленным воином. Но это также побудило Ронан только удивляться, какими грозными были рубаки Сортиари, им почти удалось уничтожить всю вампирскую расу.

Потому что сейчас он чувствовал себя гребаным *Богом*.

— Вас нужно пригласить, — сказала взбешенная женщина, когда Ронан вошел в комнаты Шивон. — Моя хозяйка занята в данный момент.

— Ну, это слишком плохо, не так ли? — Ронан сверкнул помощнице Шивон злобным оскалом, и ее глаза расширились, когда она попятилась. Его язык щелкнул по кончику одного из его удлиненных клыков. Он уже не мог дожидаться утопить их в сливочной фарфоровой плоти Шивон.

Он распахнул двери и обнаружил ее распластанной на кровати, запястья и лодыжки привязаны к спинке кровати и подножке, а двое мужчин возвышались над ней. Судя по всему, они только начали, а он собирался отослать их. Если он в ближайшее время не похоронит свой член внутри нее, то сойдет с ума. Переход принес с собой такие интенсивные ощущения и призывал к тому, с чем Ронану было трудно справиться.

— Вон, — прорычал он удивленным дампирам. — Прежде чем я вышвырну вас.

Те глянули на их распластанную королеву, которая слегка кивнула. Мужчины хмуро прошли мимо Ронана, тот бросил мимолетный взгляд на их обнаженные тела, члены в боевой готовности и напряжены от необходимости получить высвобождение. Он почти чувствовал к ним жалость. Но также это возбуждало. Он отказался от предложения Шивон, чтобы еще один мужчина присоединился к ним, но Ронан был так взвинчен, что от идеи полной вакханалии член в его джинсах стал таким твердый как, блядь, мрамор.

Он будет трахать ее до рассвета, прежде чем почувствует какое-нибудь облегчение.

Глядя через комнату Шивон изучала его, ее изумрудный взгляд был острым и сверкал желанием. Ее бедра и распухшие губы блестели от возбуждения, а запах заставил низкий рык подняться в груди Ронана. Он никогда не видел Шивон, всегда доминирующую, в такой покорной позе, ноги раскинуты и привязаны к подножке за лодыжки. Ее запястья тоже были привязаны, по обе стороны от головы. Она выгнулась, и ее груди задвигались, будто умоляя его коснуться их.

— Что заставляет тебя думать, что ты можешь входить сюда без разрешения? — Ее тон намекал на упрек, но выражение ее лица молило его подойти ближе. — Ты должен быть наказан за свое высокомерие.

Ронан ухмыльнулся, когда подошел к кровати. Ее запах расцвели вокруг него, оседая в воздухе тяжелой мглой, которая едва не свела его с ума.

— Не думаю, что ты в том положении, чтобы кого-либо наказывать, Шивон. — Он протянул руку, чтобы проверить стойкость ее пут, и повернул ее бедра, обнажая лепесток розовой плоти ее киски. У Ронана внутри все сжалось, и он быстро разделся догола, суматошно сбросив одежду.

— Что он с тобой сделал? — Запах Шивон изменился. Ее беспокойство стало шипами с острыми цитрусовыми нотками. — Он обратил тебя? — Сердитое серебро мелькнуло в ее глазах. — Этот ублюдок сделал тебя одним из *бездушных*.

Ронан сверкнул двойным комплектом клыков, и очередной цитрусовый всплеск ударил в ноздри. Ему нравилось смотреть, как она ерзает, для разнообразия. Женщина, которая была достаточно напориста, чтобы вымогать его тело в качестве оплаты за простую книжку, боролась со своими путами.

— Ты боишься? — Хищник в нем вырвался на поверхность, радуясь ее страху. Но мужчина в нем не мог дождаться взять ее, трахнуть ее так глубоко и так сильно, что она будет слишком усталой, чтобы беспокоиться о том, чем он стал или как.

— Конечно, нет. — Ее крошечный клык царапнул полную нижнюю губу, брызнула капелька крови. Лучший стратегический ход, который он когда-либо видел. — Мне противно. Не говоря уже о том, что я разочарована.

Ронан усмехнулся ее шокированному тону, когда прошагал к кровати. Она вызывающе наклонила голову, надувая губки и так и упрямивая слизнуть каплю. Ронан уперся руками по обе стороны от ее головы и наклонился. Медленным движением он поймал рубиновую капельку языком. Дыхание Шивон стало поверхностным, ее сердце бешено колотилось в груди, музыка для слуха Ронана.

Он протянул руку, расположил между ее бедер и поймал ее киску в ладони, будто намазывал ее холмик и бедра ее же собственной влагой.

— Ты готова быть оттраханной без жалости, женщина?

Шивон выгнулась и потянула руки и ноги, разрывая нейлоновые стяжки. Веревки свисали с ее запястий и лодыжек, зрелище было почти столь же возбуждающим, как и распятие на кровати. Она набросилась на него, обернула одну из веревок вокруг его горла. Изящным маневром она легла на спину, обхватив его ногами за талию и затягивая шнур.

— Ты предал меня, Ронан. — Она затянула покрепче, но ему больше не нужно было дышать. — Ты обещал *мне* свое тело. Ты *мой*. И разрешала тебе уходить, чтобы дать возможность Михаилу Аристову превратить тебя.

Ронан сбросил ее, как незначительную муху. Она приземлилась на кровать с отскоком, и он воспользовался моментом, чтобы насладиться видом, прежде чем присоединился к ней на матрасе и прижал ее вниз. Изумрудный огонь горел в глазах, когда уголок рта намекал на ухмылку. Она могла притворяться, будто его трансформация была ей противна, но аромат ее возбуждения рассказывал совсем иную историю.

Он прижался своим ртом к ее рту, и Шивон дернула челюстью. Ее неповиновение заставило его хотеть ее еще больше, и он рискнул подавить ее крошечные клыки, прижав приоткрытые свои губы к ее. Она укусила его, и сладкий запах крови разжег его вожделие.

ее тела и ее вен. Он должен был быть осторожен. Его жажда все еще была неуправляемой, малейший промах, и он увидит ее истощенное тело. Кроме того, если он покормит ее из своей вены, она обратится, и он сомневался, что и Шивон, и Михаил обрадуются этому.

Она укусила его еще раз — на этот раз пронзив нежную плоть его нижней губы. Его язык прошелся по ране, и та мгновенно зажила. Отстранившись, он пробежался по ней взглядом.

— Сегодня ты вся в огне.

— Я в ярости, — прорычала Шивон. — И этот ублюдок — Михаил — заплатит за то, что сделал с тобой. — Ронан прижался членом к скользкому входу и скользнул домой. Шивон вскрикнула, когда толкнула бедра навстречу ему. — Я накажу тебя за то, что ты сделал. Ты будешь молить меня о пощаде.

Он провел клыками по стройной колонне ее горла, и Шивон вздрогнула.

— Накажешь меня? — Он вытащил свой член и снова глубоко и крепко вонзился в нее. Она обхватила его ногами за талию, впиваясь каблуками в его зад. Он двигал бедрами, скользя по жесткому каналу, и она тихо постанывала. — Может быть, я позволю тебе попробовать. Просто, чтобы показать тебе, с чем ты столкнешься.

— Сильнее, — приказала она.

Он вытащил и снова медленно вошел в нее, неглубокими толчками. Она сжала зубы, рык разочарования завибрировал в горле.

— Я отдам тебя моим помощникам в качестве игрушки. — Она надавила пятками на его зад, стремясь углубить проникновение, но он удержал ее на матрасе. — Я позволю им использовать тебя. Связать тебя и трахать тебя без каких-либо сожалений. Они покажут тебе такое удовольствие, что ты будешь ненавидеть себя и просить еще, стоя передо мной на коленях от благодарности.

Он низко рассмеялся.

— Это ты будешь молить меня, Шивон, пока я не закончу с тобой.

Его кровожадность поднялась, когда взгляд устремился на пульсирующую вену на ее шее. Он намотал на кулак длинные волосы цвета воронова крыла и заставил ее запрокинуть голову, предоставив себе беспрепятственный доступ к ее вене. С рыком он опустил свои клыки глубоко в ее горло, и когда он это сделал, ее киска сжалась вокруг его члена.

— Ты ублюдок, Ронан! — выкрикнула она, когда кончила. Ее тело дернулось с каждым глубоким глотком, и когда Ронан кормился, он сам кончил, волна удовольствия яростно накрыла его. Шивон вцепилась в него, ее длинные ногти пустили кровь по его спине. — И если ты думаешь, что я когда-либо отпущу тебя, потому что ты прошел обращение, ты — просто дурак.

* * *

— Клэр, проснись, пожалуйста! Ты должна проснуться!

Она ускользала. Эти ублюдки опоили ее, и она отключилась. Слабая, едва в сознании, она лежала на твердой, холодной поверхности, ее запястья и лодыжки были связаны. Она боролась с путами, дергаясь и пытаясь добраться до кляпа во рту. Разочарованный стон вырвался из ее горла, когда очередная волна глубокого истощения охватила ее. Если она

собиралась как-то помочь Ванессе, ей нужно было стряхнуть оцепенение, туман еще цеплялся за ее мозг, и собраться. Боже, ей нужен был Михаил. Нет, она сможет выбраться из этой передраги и без него. Клэр понятия не имела, как работала между ними связь, но она должна была хотя бы попытаться дотянуться до него.

Ванесса плакала молча, и Клэр взбесило, что такому столь юному созданию пришлось столько пережить. Она так долго со всем справлялась, и теперь оказалась в плену, оказавшись при таком раскладе, где ничего не могла сделать или проконтролировать. А Карлин? Она была еще жива? Если убийцам удалось убить мать Ванессы, она теперь была предоставлена сама себе.

Что случится с ней, если они выберутся из этого? Кто будет заботиться о Ванессе? От мысли о том, что ее бросят в патронатную систему, у Клэр скрутило живот. *Сконцентрируйся, черт побери. Сосредоточься на том, на что ты можешь повлиять прямо сейчас, и не беспокойся о будущем.* Шанс был, волноваться о Ванессе было бессмысленно. Если их забрали убийцы, Клэр и Ванесса умрут до восхода солнца, в любом случае.

Клэр сосредоточилась на своем окружение. Подвал был большим со слишком многими темными углами. Единный источник света озарял пространство, отбрасывая тени, которые, казалось, неслись и двигались в зловещем танце. Клэр моргнула, стараясь прогнать усталость, которая скопилась на ее веках. Одна из теней росла, когда он приближался. Мягкие слои тьмы стали резче, плотнее, и вышел мужчина. Темные, смертоносные черные глаза и еще более черная душа. Если бы Клэр была более верующей женщиной, она могла бы поклясться, что сам дьявол стоял рядом с ними.

Ванесса всхлипнула от его вида, от этого звука превосходная улыбка распространилась по лицу убийцы. *Больной ублюдок радовался запугиванию ребенка.* Клэр изо всех сил старалась успокоить Ванессу.

— Все в порядке, Ванесса. С тобой все будет хорошо, дорогая.

— Конечно, — промурлыкал убийца. — Я бы никогда не убил невинного ребенка.

Клэр с ненавистью смотрела на своего похитителя. Несколько темных фигур появились из тени, чтобы присоединиться к нему. *Боже.* Там была целая армия. Клэр проглотила страх, который душил ее.

— Если это правда, я хочу получить твоё слово, — сказала она сквозь ком в горле. — Не делай ей больно.

— И ты тоже. — Глаза убийцы уже не были черными, а темно-зелеными. Если бы она прошла мимо него на улице, то Клэр, возможно, сочла его привлекательным с сильной челюстью, острыми скулами и полными губами. Он провел рукой по светло-песчаным волосам, отбросив их со лба, и нахмурился. — Я держу слово, Клэр. Кроме того, она важна. Это указ Судьбы — она должна жить.

Клэр бросила вороватый взгляд сторону Ванессы. Что эти, так называемые Хранители Судьбы, знали о ней?

— Что ты собираешься с ней делать? — Она сомневалась, что они просто отпустят Ванессу. Не после того, чему свидетелем она была.

— Не я. — Убийца бросил взгляд на Клэр. Не холодный или даже убийственный, а, скорее, любопытный. — Я должен признать, что ты не то, что я ожидал, Клэр.

Что, черт побери, это значит?

— Ты знаешь, Михаил придет. — Хороший аферист мог найти выход из любой ситуации, и Клэр была более чем готова подсластить пилюлю своему похитителю. — И он

не даст тебе ни грамма милосердия за то, что ты сделал. — Она подняла голову и посмотрела на убийцу. Тот посмотрел на нее мягко и сладко. — Я даже не дрогну, когда он будет рвать твою глотку. И если хоть один волосок упадет с головы этой девочки, я помогу ему заставить тебя страдать.

Ответом ей был холодный, безэмоциональный смех, от которого кровь стыла в жилах.

— Так плохо, что я должен убить тебя. — Он тихо переговорил с одним из своих товарищей, и один за другим мужчины удалились из подвала. — Думаю, ты могла бы мне понравиться.

— Знаешь, я все еще могу тебе понравиться. — Клэр спроектировала энергетiku, которая помогла ей стать мастером своего ремесла. — Почему бы тебе не позволить нам уйти и оставить нас в покое, чтобы мы вершили свою собственную судьбу?

Его взгляд стал суровым от ее слов, зеленые глаза стали угрожающе-черными.

— Вряд ли. — Было очевидно, что убийца не испытывает ни малейшего раскаяния за свои действия. — Даже если сами Боги встанут передо мной и прикажут отпустить тебя, этого не произойдет.

— Грегор, что ты хочешь сделать с девочкой? — прервал один из его дружков, и убийца пронзил Ванессу взглядом.

— Она теперь в руках Судьбы. — Его загадочный ответ казался достаточно адекватным для мышц, которые он привес с собой. — Забери ее наверх и запри ее в одной из комнат. — Он обратил свое внимание на Клэр. — Видишь, Клэр, я — не монстр.

— Ч-что? — Ванесса, наконец, вышла из своего ступора и посмотрела на Клэр с широко распахнутыми от испуга глазами. — Нет! Вы не можете забрать меня! Не дай им забрать меня, Клэр!

Сердце Клэр защемило, оно, казалось, разбилось на множество кусочков. Она так старалась помочь заботиться о Ванессе. Приютить ее. Обеспечить ее, когда никто не мог. И в конечном итоге, ничего из этого не получилось.

Прежде чем Клэр смогла ответить, Грегор оторвал Ванессу от пола. Она брыкалась и боролась в его руках, кричала и пиналась, когда он насильно поставил ее на ноги. Он навел ствол пистолет на ее лицо, и Ванесса затихла.

— Судьба решила пощадить тебя, девочка. Не заставляй меня жалеть.

Ванесса пристально смотрела на него, вызывая надув губы.

— Ты пойдешь с Алеком, и если будешь шуметь, я пойду наверх и пушу пулю тебе в голову.

Грегор говорил с ней мягким, певучим голосом, от которого дрожь побежала по позвоночнику Клэр. Взгляд Ванессы скользнул вправо, и Клэр кивнула, давая ей разрешение согласиться на требование убийцы.

— Я поняла, — ответила она сквозь новую волну слез.

— Хорошо. — Он по-отечески погладил Ванессу по голове, и ярость Клэр снова вскипела. Как смеет этот кусок дерьма относиться к Ванессе с какой-либо добротой после того, через что он заставил ее пройти!

— Все будет хорошо, Ванесса! — произнесла Клэр, когда девочку передали Алеку, который качал ее на руках, когда нес вверх по узкой лестнице. — Обещаю!

Грегор последовал за своим другом по лестнице и обернулся, когда достиг вершины.

— Теперь ты будешь хорошей девочкой, и не будешь дергаться. — Этот ублюдок имел наглость смеяться. — И постарайся не истощить себя. — Он открыл дверь, впустив полосу

света. — Насладись мгновением спокойствия, Клэр. Это последнее, что ты у тебя будет. — Он закрыл дверь, оставив Клэр в очередной раз в относительной темноте.

— Ты — ублюдок!

Ее голос эхом отразился от стен подвала и затих, это охладило ее.

С усилием, от которого замерло дыхание, она попыталась вспомнить ощущение всех этих дампов, опираясь на свою энергию, и когда она нашла его, как обратный вакуума, она пыталась вернуть все, что она дала. Прилив сил и жизненной энергии метался по ней, настолько интенсивный, что она могла упасть в обморок, но вместо этого она потянула энергию Михаила, готовясь принять все. Связь оставила ее дрожащей и тяжело дышащей, перед глазами все плыло.

Пожалуйста, пожалуйста, найди нас, Михаил.

Слава богам, что он дал Клэр свою кровь.

Облегчение, накрывшее его, было недолгим. Михаил упал на колени, когда его охватил прилив энергии, настолько сильный, что чуть не лишил его чувств. Он был бесформенным, душой без тела, плавающей в темной бездне. Предчувствие накрыло его, будто какая-то неведомая сила охватила его. Умоляя.

Клэр.

Ее боль была его болью, ее страх и паника выбили из него воздух. Связь, которая была между ними, горела, раскалившись добела, и Михаил сжал челюсти, пронзив клыками нижнюю губу. *Боль.* От такого количества у него внутри все сжалось. И он знал — то, что он чувствовал, было лишь тенью той боли, которая сдавила Клэр в своих объятиях.

Солнце встанет достаточно скоро. Он не мог терять ни секунды. Он придерживался переулков, скрываясь в тени, скользя во тьме. Его кровь в ее жилах звала его, направляя по городу и за пределами, появлялись дома, пейзаж становился более сельским. Его взгляд сузился на неприметном доме в стиле ранчо, стоящему глубоко в тупике. Окаймляющие дома были еще в стадии строительства, то есть с соседями заморачиваться не стоило.

Руки Михаила тряслись от безудержной ярости, когда он достал телефон из кармана. Не желая предупреждать кого-либо в своем присутствии, он написал короткое сообщение Дженнеру с адресом и приказом найти Ронана, и встретиться с ним как можно скорее. Не зная, сколько убийц находилось в почти готовом доме, было лучше ошибиться в сторону осторожности и вызвать подкрепление. Это не означало, что он собирался сидеть и ждать, когда же они все-таки появятся.

Как призрак, он проскользнул через временную входную дверь, представляющую собой не более чем лист ДСП с дешевой ручкой. Сердце Клэр бешено колотилось в груди; звук бил по ушам, проходя сквозь стены. Паника и страх пропитали воздух, и Михаил поджег губы. Тот, кто сделал больно его паре, встретит жестокий и кровавый конец.

Небольшая группа убийц стояла по другую сторону двери. Звериный запах цеплялся за них, мускусный и земляной. Такая сила, что причиняла ему боль. Коллектив затопил его разум, воспоминаниями искоренения рода, утопив в гневе и печали, пока в настоящем не осталось ничего, кроме отражения прошлого.

Он был сильнее этого. Сильнее воспоминаний давно умерших вампиров. Все благодаря Клэр.

Инстинкт воина Михаила прорвало с такой силой, что у его врагов не осталось и шанса одержать верх, когда он напал. Четыре берсерка против одного вампира. Михаил вытащил каждую унцию своей ненависти и печали, когда бил, рубил конечности и вспарывал животы. Он похоронил кинжал по самую рукоятку в груди одного истребителя. Тот упал, отключившись, но не умер. Еще один упал по собственной глупости, когда осмелился слишком близко подобраться к лицу Михаила. Тот пустил в ход свои клыки и разорвал глотку берсерка рывком головы. Два врага повержены. Осталось еще двое.

Мир кренился вокруг Михаила буйством цвета, когда он обернулся, парировал удар меча коротким кинжалом и всадил солидный пинок в живот нападавшего.левой рукой он схватил убийцу за воротник рубашки и швырнул на обеденный стол. Тот раскололся на множество кусочков дерева и пробил ламинат. Михаил ударил врага кинжалом, отрезав

голову одним сильным взмахом.

Еще один напал, белки глаз полностью поглотила бесконечная чернота. Внутренний зверь берсеркера захватил убийцу в свои объятия, и тот боролся с бессмысленной жестокостью, кромсал мечом все подряд, пока он пытался загнать Михаила в дальний угол кухни. Михаил протянул руку, схватил берсеркера за голову и свернул ему шею. Кости затрещали под давлением, и убийца упал на пол. С целой головой, тело в ближайшее время восстановится, но Михаил купил себе достаточную передышку, чтобы подготовиться к предстоящему наступлению. Он последовал за звуком биения сердца Клэр, распахнул дверь рядом с кухней, которая вела в холодный подвал.

— Ты, конечно, жестокий убийца, Аристов.

Он смотрел в глаза своего худшему кошмару. Зверю, который преследовал его даже в часы бодрствования последние два столетия. Будто насмехаясь над ним, щрам на груди послал укол боли через него, настолько сильной, что мужчина мог поклясться, что она проникла в мышцы его бьющегося сердца.

— Я убью тебя, — прорычал он своему самому ненавистному врагу. — И это не будет быстро.

Еще один мощный импульс боли поглотил Михаила, и его тело сжалось, будто пытаясь защитить себя от неизбежного врага.

— Будто Судьба позволит этому случиться. Я закончу то, что началось много веков назад, — сказал берсерк, зловеще щурясь. — А потом я похороню тебя в такой глубокой и темной яме, что ты будешь молить о смерти, чтобы освободиться из того ада, который я создам для тебя!

Обсидиан проглотил его радужку, пустые и бездонные глаза, как и его черная душа. Медленная ухмылка расплзлась по его лицу, когда он опустился на колени рядом с Клэр и взял ее за подбородок. Она посмотрела в сторону, но она не всхлипнула, скорее, отвернулась от Михаила, посмотрела убийце прямо в глаза и плюнула ему в лицо.

Смех убийцы без юмора наполнил Михаила ужасом.

— Твоя новая самка смелее, чем прошлая. — Убийца пробежал носом вдоль ее челюсти, волос и глубоко вдохнул, прежде чем намотать на кулак ее длинные волосы. Жестким рывком он заставил голову Клэр не дергаться, и та стиснула зубы, будто пытаясь удержаться от слез. — Ее болевой порог просто замечателен... — Он сжал кулак крепче, и одинокая слеза скатилась по щеке Клэр. Убийца ухмыльнулся и, после того как он слизнул ее языком, он повернулся, чтобы посмотреть на Михаила. — Она беременна, — сказал он с удивлением.

Раздался выстрел, и боль пронзила плечо Михаила. Как ожог солнечного света на коже, она проникла в его жилы, прокладывая путь к его сердцу. *Хлоп! Хлоп! Хлоп!* Еще три выстрела быстро попали в него, и его спина изогнулась, когда Михаил упал на колени. Милые боги, он чувствовал, будто само солнце поднялось в нем и жгло его изнутри.

Убийцы вышли, трое берсерков, с которыми он сражался на втором этаже и еще двое, которых он не видел при входе. Михаил задыхался, преодолевая боль, решив сосредоточиться на ощущении, будто кровь кипит в жилах. Он хлестнул рукой, будто плетью, и схватил одного из нападавших за лодыжку. Михаил опрокинул его на пол и уселся сверху, вонзил кинжал по самую рукоять в грудь убийцы. Он отказывался сдаваться без боя.

— Нет! — прокричала Клэр, когда раздался еще один выстрел. Михаил снова склонился и повалился на раненого берсерка на пол.

Михаил был ранен. В меньшинстве. Но боролся со смертельной решимостью, рвал,

резал и размахивал кулаками. Он бил в живот и лица. Его зрение помутилось, когда кровь горела, и убийцы атаковали его, их было слишком много, чтобы бороться в его ослабленном состоянии.

— Михаил! — прокричала Клэр, ее голос был чуть хриплым и грубым от эмоций. — Я помогу ему убить тебя! — кричала она убийце. — Ты будешь страдать!

— Она — воин, — заметил убийца, когда Михаила подняли и связали тяжелыми длинными серебряными цепями. — Убить ее — это почти позор.

Рев чистого мучения вырвался из груди Михаила, сотрясая здания до самого основания. Михаил возобновил свои усилия, борясь против ослепительной боли серебра, которое почти парализовало его. Круг берсерков смыкался, удар следовал за ударом по его телу, голове и конечностях. Он боролся за то, чтобы удержаться в сознании, но тьма потянула его за собой, как глубоководное течение.

* * *

Михаил проснулся от душераздирающего крика, будто человека пытали. Это сдавило его сердце, будто камень погружался на дно океана, а зазубренный нож вошел в его сознание. Как долго он был в отключке? Запах крови, пьянящий и манящий, наполнил его ноздри, жажда крови смешалась с его замешательством. Он выгнал туман из головы, когда пробирался через туманные воспоминания, найдя что-то твердое, за что можно было уцепиться. Глубокую боль по-прежнему пульсировала под кожей, остатки колдовства этих херовых пуль берсерков.

Еще один крик пронзил воздух, отдаваясь эхом в замкнутом пространстве. Михаил полностью очнулся, когда боль Клэр пустила в нем когти. *Нет. Нет. Нет. Нет!* Он дернулся вперед, готовый броситься ей на помощь, но обнаружил, что его руки связаны, и он подвешен за них. Широко расставленные ноги были прикреплены к полу серебряными манжетами с тяжелым куском серебряной цепи. Недоумение затуманило его мысли, когда он боролся со своими путами. Это было воспоминание. Призраки прошлого продолжали преследовать его. Настоящее и прошлое сталкивались перед глазами, крики Клэр отскакивали от каменных стен проклятой могилы, где убийцы оставили его умирать.

Мягкие рыдания доносились до его ушей, и Михаил с силой тряхнул головой. Стены, которые закрывали его, были не каменными, а бетонными. И хотя он, возможно, был под землей, это был не склеп, а подвал. События последних часов просочились в его сознание, и гнев снова вспыхнул, вернув ясность, будто ветер прогнал осенние листья.

— Ты проснулся. Хорошо.

Михаил повернул голову на звук голоса убийцы, когда порочный рык вырвался из его горла. Он натянул серебряные цепи, металл впился в его плоть.

— По-прежнему утверждаешь, что цепи сплетены с волосами архангелов, а, убийца? Берсерк мягко рассмеялся.

— Эта история обладает не совсем той мощью, как несколько сотен лет назад. Кроме того, ты достаточно самонадеян, чтобы полагать, что ты выше укора Бога человеческого.

Теперь настала очередь Михаила смеяться.

— А ты нет, берсерк?

Его боги были так же стары, как и Михаила, и ни один из них не имел ничего общего с человеческим понятием о божестве. Их вид существовал на земле целую вечность, остатки волшебства и суеверий давно ушли из человеческого лексикона.

В тени Клэр тихонько всхлипывала. Михаил заставил себя смотреть только на убийцу. Чем дольше Михаил занимал его, тем лучше. Пока он не мог освободиться, он давал Клэр любую передышку, которую мог. Внешне он был спокоен — ничто иное, как бессмысленное животное, когда он в последний раз столкнулся с этим убийцей. Но внутри ад ярости бушевал в нем, и он поклялся, что за каждую унцию боли Клэр, убийца испытает его сторицей.

Берсерк не ответил, просто смотрел на Михаила бесчувственным черным взглядом. Мягкие подошвы его сапог были беззвучные, когда он пересек бетонный пол. Он повернулся, каждая линия его лица сияла ненавистью, губы вытянуты в презрительной усмешке, когда он включил свет.

Желудок Михаила рухнул при виде Клэр, привязанной к длинному столу длинным грубым плетеным канатом, кровь покрывала почти каждый сантиметр оголенной кожи. Ее брюки были сорваны с тела, оставив ее одетой лишь в нижнее белье и рубашку на бретельках, которые едва прикрывали ей тело. Ее глаза были плотно закрыты, будто она отгородилась от внешнего мира, чтобы каким-то образом освободиться от пыток. Спокойно! Михаил так усердно пытался удержаться от разрушений при виде ее. Бездумное, бешеное животное когтями поднималось на поверхность его психики.

— Ты будешь страдать от боли миллиона смертей! — выругался Михаил. Бессловесный звук чистой тоски взорвался от него, когда боролся со своими путами. — Твоя пытка будет охватывать столетия, убийца!

— Ты *ничего* не знаешь о страдании, — вскипел берсерк.

В то время как Михаил стал жертвой ярости, убийца оставался спокойным. Он достал серебряный кинжал из ножен на ноге, выпрямился и вернулся к Клэр, наклонившись близко к ее уху. Его взгляд, черный и бездонный, как и его душа, смотрел на Михаила, когда он разговаривал с Клэр.

— Твоя супруг злится от своей беспомощности, я думаю. Хотя он должен гордиться силой, которую ты показала. Боюсь, что мать расы вампиров не может быть оставлена жить. Я не позволю этого.

Он погрузил лезвие в плоть за ключицей Клэр, проследившая кровавый путь от горла до плеча. Михаил метался, выгибаясь дугой, когда со стола донесся крик ужаса и боли, заканчивающийся сдавленным всхлипом.

— *Клэр!* — Его собственный голос гремел в огромном подвале, отзываясь от стен, будто пробегая по бесконечной пещере. Она отказалась открыть глаза, но ему было необходимо, чтобы она увидела его. Так она будет знать, что он бы с радостью умер прежде, чем позволил ей терпеть еще больше боли.

Аромат крови взывал к нему, и клыки Михаила пульсировали в деснах, когда пробуждалась кровожадность, обжигая горло сухим огнем. Ее раны были обширными. Она потеряла большое количество крови на столе убийцы, больше, чем могла дать.

— Я скормлю тебя обращенным, гребаный берсерк! — прокричал Михаил. Улыбка чистого безумия осветила черты убийцы, когда он вонзил лезвие глубоко в плечо Клэр. Та попыталась снова закричать, но ее голос пропал, или голосовые связки были слишком повреждены, чтобы произвести звук. Хриплый скрежет был хуже любого крика. Ей не

хватало сил, и Михаил знал, что если он не сделает что-нибудь, Клэр не будет присутствовать в этом мире.

Он мог бы попытаться отфильтровать ту малую толику силы и вернуть ей ее, чтобы помочь выдержать пытки убийцы. Но если он это сделает, то ему ничего не останется и спастись будет невозможно. Его похититель был прав в одном: беспомощность Михаила унизила его.

Убийца прошелся по всей длине тела Клэр, проследив растерзанное тело окровавленным кончиком кинжала. Страдальческий всхлип наполнил уши Михаила, и тело Клэр отреагировало на контакт гротескным подергиванием, от которого у него скрутило живот. Убийца обвел живот Клэр кончиком лезвия, почти нежным, любящим жестом. Его взгляд встретился со взглядом Михаила, и он вскинул бровь.

— Ты думаешь, это мальчик?

«Сортиари убил ваших женщин, вырвал чрево из их жалких тел и сжег растущую мерзость в священном огне».

Слова из прошлого пустили корни в мыслях Михаила, и вновь он оказался в могиле много веков назад, не имея больше ничего, кроме знания, что его гонка уничтожена и составляет ему компанию. Плотно удерживаемый в узде контроль над эмоциями лопнул, а вместе с ним и длина серебряной цепи, которая привязывала его правую руку к перекладине над ним.

Затем освободилась левая рука, вырвав кусок бетона вместе с цепью. История не повторится. Он больше не желает переживать потери, которые почти убили его. Сортиари, возможно, считали себя Хранителями Судьбы, но Михаил собирался показать им, что он не будет подчиняться их видениям будущего, где его, вроде как, и не существовало.

Где не существовало Клэр.

Его боевой клич потряс стены, окружающие его. Раздались звуки тяжелых шагов на лестнице позади него, они мало беспокоили его, единой целью было освободить Клэр и убить ее похитителя. Убийца оставил свой пост, давая Клэр момент передышки, о которой молил Михаил. Хоть и ослабленный серебром, он использовал свой вес, натянул тяжелые металлические цепи, замахнулся свободной рукой и стал раскручивать болтающуюся цепь над своей головой. Это было усилие чистой воли, и не было силы на земле, которая могла бы помешать Михаилу защищать свою пару и жизнь своего еще не родившегося сына.

Едва успев отскочить, убийца чуть не пропустил цепь, когда Михаил замахнулся ей в сторону берсерка. Он пытался удержать его внимание и сосредоточить на предстоящем сражении, а не на его паре, которая все еще была близка к смерти на поверхности стола. Их связь, правда, не пылала в его душе, как это однажды было. Огонь Клэр быстро угасал, и если он быстро что-то не сделает, чтобы спасти ее, то не сомневался, что не переживет эту потерю.

Четверо оставшихся берсерков вступили в бой. Михаил испустил гортанный крик от усилия, концентрируя силу на мужчинах, которые еще нашли в себе силы боевой ярости, которая придавала им непобедимость. Он широко взмахнул цепью, и они упали друг на друга кучей спутанных конечностей. Другой успел уклониться от цепи, и Михаил поймал его за шею как зверь и плотно притянул к себе, выбив воздух из легких берсеркера.

— Ты трус, убийца? — прорычал Михаил своему древнему врагу. — Ты позволяешь своим товарищам страдать, чтобы спасти свою жалкую плоть?

Убийца выхватил второй кинжал из ножен на боку.

— Держи! — Командный рык привлек его внимание на мгновение, и все его силы ушли. Рык предупреждения, как рев разъяренного медведя, грохотал в груди, и чернота поглотила белки его глаз. Убийца оскалился, обнажив удлиненные резцы. — Я не убил твоего папашку, ублюдок, — сказал он с сожалением. — Или твою мать. Ты думаешь, что ты благородный, но ты не более чем дерьмо на моих ботинках! — Его акцент усилился, и брызги слюны летели изо рта с каждым решительное слово. Он остановился, когда его внимание привлекла кровь, капающая с кинжала. Кровь Клэр. Его следующие слова были низкими, почти неслышными, когда он посмотрел на Михаила, — И я не дам выжить ни одному из вас.

Михаил дрался как одержимый, но он ослабевал. Серебро значительно ослабило его, и он обнаружил, что ему все тяжелее и тяжелее. Его противник был быстрым. Сильным. Обладал силой и непогрешимостью берсерка. Более порочного существа Михаил не встречал, и, кстати, его противник дрался было так, что было очевидно, что убийца был грозным военачальником, достойным этого звания.

В корне всего этого, его ненависть к Сортиари разгоралась, несмотря на боль и истощение. То, что эти мнимые хранители Судьбы будут прятаться за солдатами, доказывало только то, что в их сердцах они были не более чем безликими трусами.

Сплочение крики товарищей берсерка давили на Михаила. Пока Клэр умирала, истекала кровью на этом столе, берсерки стояли и смотрели на зрелище, открывшееся перед ними, жадно впитывали кровавый спорт. Сырые ожоги украшали его запястья и лодыжки, пот сочился по лбу и мочил рубашку. Его брюки были разодраны и свисали с бедер, заставляя его падать больше раз, чем он мог насчитать. Но Михаил боролся за жизнь своей пары. За жизнь своего ребенка. За его будущее. И он не остановится, пока один из берсерков не вонзит кол в его чертово сердце.

Серебряное лезвие убийцы попало Михаилу в бок, и тот резко зашипел. Он бросился вперед, ударив ублюдка по голове, и убийца пошатнулся, кровь полилась из глубокой раны. Жажда крови затуманила его зрение, но он отбросил жажду. Он снова бросился вперед, подкосил убийцу под ноги, череп берсерка ударился о бетонный пол с приятным треском.

— Убей ублюдка, Грегор!

От имени Михаил сделал паузу, и его оплошность принесла ему рану на груди, он выгнулся от боли и замахнулся тяжелой цепью в лицо убийцы, та прошла буквально в нескольких дюймах.

— Грегор Черный? — Михаил снова качнул цепь и поднялся на ноги.

Теперь настала очередь убийцы запнуться. Его глаза сузились от слов Михаила, и он пождал губы. Сортиари действительно поступили коварно, взяв к себе этого конкретного убийцу. Веками ненависть питала его действия. Месть была раной, которая никогда не заживала, и Грегор нагнаивал ее в течение достаточно долгого времени.

Око за око. Клан на клан.

— Ты мелкий ублюдок, — выпалил Михаил. Он прицелился в живот Грегора. Убийца поймал цепь, крепящуюся к лодыжке Михаила, дернул и растянулся на земле. Грегор мог пасть, но еще не был повержен.

Грегор перевернулся на живот, еще одна оплошность. Михаил бросился на другого мужчину и замкнул цепь вокруг горла убийцы. Убил ли он Грегора, прежде чем его люди налетели, чтобы помочь, не касаясь Михаила, тот нанес своему врагу как можно больше боли в это время.

Хаос разразился, когда он выбил дыхание из легких Грегора. Михаил взглянул вверх, чтобы обнаружить Ронана, Дженнера и маленькую армию дампиров, льющихся вниз по лестнице в недра подвала. Михаил отвлекся, и Грегор воспользовался возможностью, чтобы сбросить Михаила с его спины. Сила берсерка была серьезной, когда он подбросил Михаил высоко в воздух. Тот перевернулся, приземлившись на спину с достаточной силой, чтобы создать трещины в бетонном полу.

Как трус, Грегор не терял времени на обеспечение собственной безопасности. Он пригнулся и рванул через бойцов, направляясь к лестнице, по которой поднимались одновременно трое. На верхней лестничной площадке, он остановился, его взгляд встретился с взглядом Михаила. Глаза Грегора сузились, он оскалился и в мгновение ока исчез.

Михаил ударил по цепи, свисающей с правого запястья, и потянул. Его мышцы напряглись, вены вздулись от усилий, которые он прикладывал, напряжение росло до тех пор, пока кандалы не уступили. Он повторил действия на левом запястье и на каждой ноге, тяжело дыша, преодолевая боль, наручники впивались в кожу, серебро жгло, появились волдыри. Когда последнее звено лопнуло, он отбросил цепи в сторону и бросился к Клэр.

— Клэр. Клэр! — Страх застыл внутри Михаила, холодный и неподатливый. Он разорвал канат, который удерживал ее, разорвал путы, будто те были простыми нитками. — Будь со мной. Ты слышишь меня, Клэр? — Он легонько потряс ее. — Не смей оставлять меня!

* * *

Клэр плыла по царству темного небытия. Голос Михаила пришел к ней, будто из широкого каньона, слабый и хриплый. Она не хотела оставлять это безболезненное место прохладного комфорта. *Почему он хочет, чтобы она ушла оттуда?* Может вместо того, чтобы уговаривать ее выйти, он должен присоединиться к ней. *Разве он не устал бороться?* Она устала.

Бесформенные руки зависли над тем местом, где была ее утроба. Где ее сын плавал в том же темном комфорте, не подозревая, что происходило во внешнем мире. Он был в безопасности. Защищен. Если она останется в этом месте, зло не сможет к нему прикоснуться...

Замешательство поднялось в глубине души Клэр. Безопасность, которую она искала, ушла, здесь вообще не было приюта, не так ли? Нет. *Она умирала.* Конечно, боль ушла. Беспокойство. Но независимо от того, как она хотела скрыться от мучительных пыток Грегора, ей пришлось вернуться. Она должна была дать своему ребенку шанс выжить. Черт, она должна была дать себе шанс! Как она могла остаться в этой мягкой, темном царстве, когда ее душа была привязана к Михаилу на другой стороне?

Она не могла остаться.

Клэр будто поднималась со дна глубокого озера, ее легкие горели, когда она гребла руками и ногами через темную бездну в сторону приглушенного света, находящегося значительно выше ее. Просительные интонации Михаила становились все громче, все неотложнее, когда она пробиралась ближе, но мутные глубины не скользили по ее коже, как вода. Это был ил, тянущий ее вниз за ноги.

Перспектива невольно быть брошенной в эту жизнь, которая казалась такой привычной для Михаила, подхлестнула ее покинуть безопасность его защиты, и это дорого им стоило. Она думала, что она делает лучше, пока она не могла обдумать и решить для себя, какому миру она принадлежала. Правда, теперь она знала, что единственное место, которому она когда-либо принадлежала, было рядом с ним.

Независимо от того, где она жила, не смотря на расстояние между ними, его враги будут

поджидать, чтобы забрать ее, использовать ее в качестве рычага, уничтожить ее в надежде обеспечить какие-то сумасшедшие предвзятые понятия о будущем. Она не выживет в мире Михаила в этом состоянии. Она не выживет сейчас. Она может жить только тогда, когда позволит ему сделать с собой то, что он хотел.

Только вампиром она это переживет.

Столько, сколько она могла помнить, Клэр полагалась исключительно на себя. Жизнь с наркоманкой давала человеку довольно заезженный взгляд на человечество. Доверия не существовала в мире лжи, эгоизма и насилия, в которых она воспитывалась. Это было столь же странное понятие, как сама любовь. Но Михаил заставил ее захотеть довериться ему. Чем-то пожертвовать ради чужого блага, а не потому, что она была просто красоткой. Свет над ней становился все ярче, и она приложила каждую унцию энергии в ее теле, чтобы выбраться на поверхность. Она не могла позволить Михаилу продолжать подвергать себя в опасности, потому что она была просто человеком и слишком слабой. Если бы она смогла пережить этот момент, то с удовольствием позволила бы ему обратить ее. На этой земле не было хуже боли, чем мысль о жизни без него. Не иметь возможности увидеть лицо своего малыша, глядящее на нее.

Она пробила на поверхность со вскриком, яркий свет над ее головой превратился в наружную лампочку, качающуюся вперед и назад, по кругу.

— Клэр? Клэр! — Еще один вдох наполнил ее легкие, когда лицо Михаила стало четче. — Будь со мной. Ты слышишь меня, Клэр? — Он легонько потряс ее. — Не смей оставлять меня!

— Ты заставил его страдать?

Ее голос звучал чужим в ушах, хриплый и слабый. Острая боль сдавила ее горло, и она сглотнула, во рту было сухо, слюны, чтобы язык отлип от неба, не хватило. Как она полностью пришла в себя, Клэр начал сожалеть, что так упорно пыталась уйти в небытие.

Боль была парализующей. Ослепительной в своей интенсивности. Она хотела очистить легкие криком, но у нее не было сил даже что крошечный писк. Все загорелось и замерзло, каждый нерв на ее теле был оголен. Этот ублюдок Грегор резал ее снова и снова, колот, делал все, чтобы вытащить из нее мучительный крик, чтобы заставить Михаила страдать. Он поднес нож к ее животу, провел по чреву острым концом...

— Ребенок! — прохрипела она. Ее руки были бесполезны, болтались как вареная вермишель, когда она пыталась схватиться за живот. Рыдание застряло у нее в горле. — О боже!

— Тише. — Михаил откинула волосы с ее лба, единственное место на теле, в котором она не чувствовала боли. — Ребенок в порядке, Клэр. Постарайтесь не двигаться.

Она приняла его слова, сомнение и тревога испортили его красивое лицо. Он придал ей уверенность, но он сам не был уверен. Слеза просочилась из уголка ее глаза и прокатилась к виску.

— Ванесса. — Беспокойство разрезало Клэр, как клинок Грегора. — Она здесь. Взаперти. В какой-то комнате. Пожалуйста, Михаил, не дай ей...

— Шшш. Не волнуйся, дорогая, мы найдем ее. И она будет в безопасности.

Облегчение было бальзамом на ее перегретой коже.

— Я умру, да?

Слова поставили Михаила на колени рядом с ней.

— Нет. — Он поперхнулся на слове.

Она слабо ему улыбнулась.

— Лжец. — Клэр попыталась поднять руки, пошевелить ногами, но они не двигались. — А, может, и нет. — Запах крови окружал ее, она купалась в нем, липкое доказательство ее пыток. Сколько крови осталось в ее теле? — Нет, если ты обратишь меня.

Это был единственный способ спасти ее, и они оба знали это. Происходящая вокруг него рукопашная пришла к кровавому заключению, тела мужчин Грегора были единственными доказательствами сражения, которое он бросил, чтобы спасти свою шкуру. Михаила оторвали от тела, и он схватил нападавшего за горло, ударив ублюдка о стену с такой силой, что мог ту проломить.

— Это я! — Хотя Михаил держал его за горло, Дженнер поднял руки в знак капитуляции. Потребовалась колоссальная воля, что отпустить мужчину. Союзник или нет, Михаил все еще был животным, которому угрожали. Его паре угрожали. Смертью. И если он скоро не начнет действовать, то даже если скормит Клэр галлоны своей крови, это не спасет ее.

Дженнер пожал плечами, будто тоже с трудом сдерживался. В битве, их природа брала верх. Инстинкт преобладал над здравым смыслом, и логические решения были отброшены в пользу насилия. Его глаза вспыхнули серебром, а губы вытянулись в линию, обнажив короткие клыки. Но когда туман боя рассеялся в их умах, Михаил обратил свое внимание на Клэр.

— Она умирает. Я должен вытащить ее отсюда. — Мертвые берсерки валялись на цокольном этаже, несколько дампиров, тоже. Михаил не мог рисковать и оставаться здесь еще какое-то время, с учетом того, что Грегор мог вызвать подмогу.

Дженнер был мертвенно серьезным, когда встал между лестницей и Михаилом.

— Скажи только слово, и мы уедем отсюда.

Веки Клэр были закрыты, зрачки больше не двигались. Страх, слишком сильный, собрался внутри Михаила, что он застыл его на месте. Она сказала, что он не мог любить ее. Они не знали друг друга достаточно долго, чтобы он заботиться о ней. Но Клэр не понимала, что он безнадежно влюбился в нее в первый вечер, когда они увидели друг друга, и не из-за ее крови и силы, которая дала ему сущность ее жизни.

Он влюбился в ее огонь. Он видел силу в ее глазах задолго до чего-либо. И он рассчитывал на эту силу и огонь.

— Клэр. — Она застонала на звук ее имени, еле слышно даже для него. — Я собираюсь перенести тебя, любимая. Будет больно, но мне нужно, чтобы ты оставалась со мной, несмотря ни на что. Не уходи в свой разум, не закрывай глаза или отстраняйся от меня, понимаешь? Мне нужно, чтобы ты чувствовала, Клэр. Чтобы позволила этой боли удерживать тебя.

Биение ее сердца замедлилось до такой степени, что Михаил едва мог различить его. Каждый вдох, проходящий через ее легкие, были сдавленным и рваным. Тошнотворное бульканье сдавливало ее грудь. Она не ответила; ее тело неподвижно лежало на столе, залитом кровью. Он не мог терять ни секунды, поэтому Михаил сгреб ее в свои объятия, приняв меры предосторожности, которые мог, но этого было достаточно, чтобы привести ее в сознание.

— Аааа! — Мучительный скрежет вырвался из ее горла, и Михаил обнял ее, закрывая ото всего. Малиновый цвет пропал его рубашку, стекая с ее тела. Грегор, почти обескровил ее.

— Вперед! — Крик Михаила стал мгновенным действием, когда Дженнер повел его

вверх по лестнице. Ронан отставал на шаг от Михаила, обеспечивая защиту с тыла. Несмотря на его перерожденное состояние, Ронан боролся со всей скоростью и ловкостью вампира, которому было множество лет. Его контроль был непреклонен. Трансформация для него прошла гладко и безупречно, будто погружение в теплый бассейн. Слава богам за помощь.

Клэр вскрикнула, когда Михаил пронесся, перепрыгивая через три ступеньки за раз, и прыгнул с одного места на другое, с гибкостью, которая едва затронула его драгоценный груз. Глядя на многочисленные телесные повреждения, Клэр получила все, с чем ее хрупкое человеческое тело и психика не могли справиться. Михаилу было тошно от того, что ему придется причинить ей больше боли. Сейчас или никогда, и вместо того, чтобы смягчить ее боль, он собирался усилить ее стократно.

Когда они дошли до первого этажа, Михаилу пришлось остановиться. Серый свет зари проникал из высоких окон холла, и его тело раскалилось, будто почувствовав появление солнца. *В ловушке!* Вынужден оставаться в этом богами забытом месте, где нет шансов на спасение! Этого не может быть. Он не мог обратиться к Клэр здесь, его врагами все еще находились слишком близко. Трансформация ослабит их обоих, и если Сортиари отправили подкрепление — Грегор, несомненно, это сделал — ни один из них не переживет день.

— Ждите здесь. — Дженнер распахнул дверь и исчез в мутном утре.

— Клэр, ты все еще со мной?

Длинные пряди волос Клэр слиплись от крови, и впервые Михаил действительно разглядел все травмы. Грегор изуродовал ее. Резал без жалости. Единственное, что он оставил нетронутым, это ее живот, и только потому, что смерть ребенка Михаила была призвана быть венцом Грегора. Ком размером с бейсбольный мяч застрял в горле Михаила, и он безуспешно пытался проглотить его. Эмоций зацепали в глазах, загорелись в груди, сжав все внутри него, что он подумал, что может взорваться от давления.

Один. На протяжении веков Михаила была пустым. Бездуховным. Мужчиной без семьи, верности или чести. Изолированным. Отдельно от своего рода из-за упрямства и глупости. С выключенными эмоциями и жизнью в бездуховном, вялом апатическом состоянии. Все это длилось чертовски долго.

Теперь шлюзы были открыты. Эта красивая огненная женщина в его руки сделала это. И он подводил ее.

— Пошли!

Дженнер сунул голову в дверной проем, и Михаил не терял ни одного мгновения, когда бросился на улицу. Солнечный свет, будь он проклят, сожжет его тело до состояния гребаных чипсов, прежде чем он позволил Клэр умереть. На стоянке возле дома стоял фургон без окон с достаточным местом для укрытия от солнца и чтобы положить. *Слава богам.*

Дженнер открыл боковую дверь, и Михаил залез внутрь. Солнечный свет пробился сквозь предгорья, ярко-желтые лучи коснулись его предплечья. Волдыри вскипели на его коже, и Михаил сжал челюсти, когда боролся с болью. Он исцелится. Сейчас его единственной мыслью была Клэр.

— Забери их отсюда, — прокричал Ронан Дженнеру из дверного проема.

Михаил посмотрел на него и вспомнил свое обещание паре.

— Там, в одной из комнат заперли человеческую девушку, Ронан. Найди и защити. Я пришлю за тобой Дженнера.

— Не беспокойся обо мне. — Взгляд Ронана приземлился на Клэр. — Береги свою пару.

Михаил резко кивнул, и Ронан повернулся, вспышкой движения он побежал обратно в дом. Михаил осторожно положил Клэр на пол, Дженнер закрыл дверь, запрыгнул на сиденье водителя и рванул с места. Ее сердце почти перестало биться, и Михаил больше не мог слышать движение воздуха в легких, течение крови по жилам. Все висело на волоске.

Едва ли был дюйм кожи нетронутый лезвием Грегора. Будто этот ублюдок целился в каждую жилу, чтобы у Михаила не было места, из которого можно было пить. Разве это важно? Она оставила свою кровь на этом проклятом столе, заплатив за привязь его души. Михаил закрыл глаза, отстранился от звука двигателя, от шин, шуршащих по дорожному полотну, даже от биения сердца Дженнера, он сосредоточился исключительно на Клэр. У нее не осталось ни капли крови.

Михаил обнял Клэр, разорвал свое запястье клыками, широко открыв вену. Он наклонил ее голову и разжал челюсти, он отказывался признать возможность того, что уже было слишком поздно. Малиновый ручей тек через ее зубы и покрывал язык. Ее рот был полон крови, но она не глотала, и Михаила охватила паника, когда он остановился и стал массировать ее горло ладонью, заставляя густую кровь течь внутрь.

По-прежнему было тихо, и Михаил молился любому Богу, который мог услышать его, чтобы Клэр и его сын были живы.

— Не оставляй меня, Клэр, — прошептал он ей на ухо. — Пожалуйста, не оставляй меня здесь одного.

Ее тело дернулось. Жесткий спазм заставил выгнуться ее спину и сжал конечности. У Михаила всплыло воспоминание, найденное в Коллективе. Бурную реакцию человеческой женщины на кровь вампира, прежде чем та убила ее. *Нет. Нет, нет, нет!* Слово бежало петлей в голове Михаила, желая, чтобы Клэр выжила. Борись! Она была Сосудом. Его *парой*.

— Ты не умрешь. — Это заявление прозвучало сквозь стиснутые от напряжения зубы. — Я запрещаю. Ты меня поняла?

Сокрушительный крик вырвал из горла Клэр, за которым последовали несколько задыхающихся вдохов. Ее глаза закатились, показав совершенно белые белки, когда она билась и царапалась, глубокие порезы, омрачившие ее кожу, разрывались еще сильнее с каждым жестоким спазмом. Он дал ей не достаточно крови. Рана на его запястье уже зажила, но Михаил открыл ее вновь. Еще глубже в этот раз, чуть обнажая кость. Он прижал свое кровоточащее запястье ко рту Клэр, и низкий стон облегчения сменил ее отчаянный крик.

— Вот, любимая. Пей.

Ее руки по-прежнему безвольно висели, но Михаил удержал свое запястье у ее рта. Она глотала жадно и чуть ли не мурлыкала от удовольствия. Еще одна судорога сотрясла Клэр, и она отстранилась, разрывая кожу Михаила тупыми зубами. Он покачнулся, все поплыло перед глазами. С силой тряхнул головой, чтобы очистить туман. Клэр почти осушила его, взяла все, что он мог предложить. Переживет ли она переход или нет, это уже было не в его власти.

Михаил безумно рассмеялся, когда понял, что у него не было выбора, кроме как оставить ее выживание на волю Судьбы.

— Останови это!

Клэр металась по кровати, горло драло, будто кто-то насильно кормил ее пылающим углем, который не гас и горел внутри нее. Яркие цвета мелькали перед глазами, многие из них были чужеродными и не имели названия, новинка для ее глаза и пугающая. Вены чувствовались так, словно они расширялись, набухали под кожей, пока она не почувствовала себя слишком туго и неудобно в собственном теле. Кто-то убрал ее волосы с лица, и она отстранилась. Даже малейшее касание отправило ее в состояние сенсорной перегрузки, и накалило ее хладнокровие до предела.

— Не трогай меня!

Девушка отползла подальше, сжимая веки, пока не уперлась головой в изголовье кровати. Во рту было слишком сухо, а в ушах слишком много звуков. А в горле... *черт возьми!* Если кто-то не потушит огонь, бушующий в ее чертовом горле, она придет в ярость!

— Клэр, постарайся успокоиться. — Голос был тверд, но теплый, как шоколад, и она вздрогнула от удовольствия, которое окатило ее и заставило ее застонать. — Нужно поесть.

Поесть? Даааа. Первобытный позыв поднялся внутри нее. Будто тяга к действительно хорошему чизбургеру была усилена в триллион раз. Клэр никогда не знала такого всепоглощающего голода, и она была голодна, как никогда в жизни.

Восхитительный аромат ударил ей в ноздри, и глаза Клэр распахнулись, только чтобы захлопнуться опять из-за атаки буйства цвета. Не важно, что это был за запах, она *хотела* его. Хотела, как следующего вдоха. Хотела купаться в нем, валяться и надевать на себя. Она с ума сойдет без него...

Сильные руки обняли ее, и Клэр чуть-чуть расслабилась. Она не смела посмотреть, кто держал ее, но его запах пленял. *Мужчина.* Хотя она не была уверена, как она узнала этот факт. И этот мужчина принадлежал ей. Она знала это, как собственную душу. Чувствовала, как это ярко горит, будто маяк внутри нее. *Михаил?* Имя было знакомо. Она знала, что это был тот безликий человек, который держал ее. Она волновалась о нем. *Но как?*

— Клэр, я хочу, чтобы ты выслушала меня. Ты можешь сделать это?

Все, что угодно. Она сделает все для него, если он продолжит говорить с ней. Его голос был ласковым, и она чувствовала его каждым дюймом кожи. Она попыталась ответить, но в горле было слишком сухо, его терзал огонь, так что взамен она кивнула ему головой.

— Хорошо. — Боже, его голос. Она плотнее прижалась спиной к его груди, сжала сильные руки, которые поддерживали ее. — Кровь вампиров не поддерживает тебя, и я не знаю почему. Кроме того, моей крови не хватит, чтобы насытить твою жажду. Мы попробуем кое-что другое, но ты должна быть нежной, Клэр. Ты понимаешь, что я говорю?

Нет. Вообще. Вкусный запах отвлекал ее, и Клэр прикусила нижнюю губу, удивляясь острому жалу, проколовшему ее кожу. *Какого черта?* Она отколола зуб во сне? Капли крови брызнули, и она слизнула их. *Ой. Мой. Бог.* Это было то, чего она хотела. Но, почему-то, нет. Она ощущала смятение, разочарование было чуть ли не более болезненным, чем пекло в ее горле. Ей нужно было осмотреться. Посмотреть на человека, поддерживающего ее. По крайней мере, попытаться разобраться в ситуации.

Она открыла один глаз, затем другой. В глаза будто песок насыпали. Перегрузка ее и так обостренных чувств грозила нокаутировать ее в очередной раз, но Клэр закрыла глаза. Хороший аферист никогда не терял контроль. И будь она проклята, если позволит ситуации выйти из-под контроля.

Как заурядная спальня могла быть такой захватывающе дух красивой? Клэр ахнула.

Все было яснее. Острее. А цвет! Будто она видела мир в первый раз, и хотела рыдать в благодарность за это. Длинные пальцы гладили ее голую кожу, и Клэр вздрогнула, на мгновение отвлекшись от вида вокруг нее. Желание скрутилось внутри нее, и Клэр склонила голову на сильное плечо. Секс стал гораздо важнее, чем жжение в горле или голод, что грыз ее. На самом деле, она не могла достаточно быстро раздеться.

Низкий смех прогремел в ее ухе, и пара больших рук обхватили ее, останавливая от снятия рубашки.

— Нет, дорогая. И, конечно, не с аудиторией.

Аудиторией? Клэр нахмурилась, когда посмотрела в лицо Бога. Темные волосы до бровей, ясные бирюзовые глаза. Скулы, которыми можно было порезать стейк, сексуальная ямочка на подбородке, и пухлые губы, которые она не могла дождаться, чтобы поцеловать. Он улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов и... клыки. Два комплекта, один длиннее другого. Челюсти хищника. Клэр медленно потянулась и прикоснулась кончиком пальца своих губ, а потом зубов, тогда она подумала, что сошла с ума. Там были идеальные, бритвенно-острые пики.

— Клэр... постарайся успокоиться.

Она дернулась, прежде чем мозг успел отдать команду. Комод из красного дерева затрещал, когда она практически вылетела из постели прямо в него и отскочила, ударившись о дальнюю стену.

— Твою мать! Что, черт возьми, происходит?

Это был ее голос? Клэр протянула руку и положила ладонь на ее все еще горящее горло. Ее голос был ниже. Более хриплый. С оттенком, от которого вибрировали перепонки на таком уровне, что она не думала, что должна была это слышать. Не так, как она себе помнила. Адреналин просочился в ее кровь, и она повернулась лицом к человеку, которого она знала как Михаила Аристова. Ноги Клэр подкосились, когда резкая боль пронзила ее череп, сопровождаемая звуком тысячи шепчущих голосов. Она схватилась руками за голову, закрыла уши и посмотрела ему в глаза.

— Михаил, что со мной происходит?

— *Провидцы предвидели это, Алексей, и Совет нервничает. Это может означать эволюцию нового вида. Они не позволяют этому произойти.*

Через глаза вампира Клэр видела мужчину, сидящего напротив него, и его пальцы, танцующие по потертому дубовому столу. Алексей что-то написал на пустых страницах большой книги в кожаном переплете. Темные чернила блестели на странице, и он разбросал песок по страницам, чтобы краска просохла и застыла.

— *Это невозможно, — сказал Алексей, хотя продолжал записывать за другим мужчиной. — Человек никогда не может быть обращен. Не будучи частью рода, ни один человек не может стать частью Коллектива. Твои провидцы ошибаются.*

— *Сортиари никогда не ошибаются, — ответил мужчина. — Этот человек будет Сосудом, Алексей. Источником Великой силы.*

Вампир фыркнул.

— *Сортиари слишком долго яшились с да Винчи, говоря о Сосудах и несметной силе. Ты отвел его, Яго?*

Человек — Яго — снисходительно улыбнулся вампиру.

— *Место Леонардо в Хранителях Судьбы не ваша забота.*

— И все же, ты здесь. Почему, расскажи мне об этом Сосуде, если Сортиари не пострадают, то как это так называемое пророчество сбудется?

— Из уважения к нашей дружбе, — сказал Яго. — Война идет, Алексей. Она может занять несколько лет или столетий. Никого не пощадят.

Вампир откинулся в кресле, разглядывая своего друга.

— Ты уничтожишь всех нас, основываясь на догадках?

— Я бы не стал, — подчеркнул Яго. — Но это не мое решение. И наши пророчества не основаны на догадках. Мы — Судьба, мой друг. Нельзя избежать того, чему суждено случиться.

— О, нет? Ты пришел сюда, чтобы предупредить меня, в надежде, что мы спрячемся. Если я не ошибаюсь, ты не пытаешься изменить Судьбу, просто придя сюда?

Яго встал со стула, его лицо было мрачным.

— Не позволяйте моей доброй воле пропасть зря. Обратите свое внимание на мое предупреждение.

Алексей не ответил, просто смотрел, как его друг уходит. Он обмакнул перо в чернила и нацарапал одно слово на листе пергамента: «Сосуд».

Клэр выплыла из воспоминания, тяжело дыша. Ее сердце грозило лопнуть в груди, когда паника и дезориентация накрыли ее. Эфирный голос пригрозил утянуть ее в очередной раз, и она судорожно вздохнула, когда приготовилась снова уйти под воду, утонув в видениях, от которых она не могла сбежать.

Михаил отстранился от женщины в его объятиях, его губы были испачканы ее кровью. Она была очень красивая. Каштановые волосы лились по ее обнаженному телу, у нее были темные глаза и светлая кожа. Она отбросила одну стройную руку на его плечо, наклоняя голову в сторону, когда его язык прошелся по четырем проколам у нее на шее. Медленный, довольный вздох соскользнул с ее губ.

— Что беспокоит тебя, Михаил?

— Отсутствие привязи.

Она ответила низким, ленивым смехом.

— Ты хочешь быть привязанным к другой? Неразрывно связанным на всю оставшуюся жизнь?

— Я хочу, чтобы моя душа вернулась ко мне, — ответил Михаил. Он проследил замысловатый узор из ранок, который шел от бедер до груди. — Я хочу снова чувствовать себя целым. Да, я хочу быть привязанным к другой. Ты не хочешь стать целой, Илья?

— Возможно, когда-нибудь, — сказала она с задумчивым вздохом. — Но сейчас, сейчас я довольна.

— И если я должен найти свою пару? Или ты найти свою? Что тогда, Илья, если один из нас не будет привязан к другому?

— Моя душа будет целой. — Она наклонилась и поцеловала его. — Но мое сердце будет разбито.

Запах крови вернул Клэр обратно в настоящее. Михаил появился, выглядя таким же живым и молодым, каким он был в ее видении. Рядом с ним, стояла молодая женщина с протянутой рукой, из четырех проколов на запястье текла кровь. Ясность вернулась, вместе с

горящей жаждой, которая обжигала глотку. Женщина пахла лучше, чем коробка горячих круассанов, и Клэр была очень *голодна*.

— Клэр. — Предупреждающий тон Михаил заставил ее притормозить. Хищное рычание эхом отразилось в спальне. Ее рычание. — Она хрупкая. Ей легко навредить. Если ты будешь кормиться из нее, то должна вести себя с ней как с вылупившимся птенцом.

Клэр кивнула, не в состоянии говорить через огонь в горле. Голоса прошлого теребили ее сознание, призывая вернуться, но кровь удерживала ее внимание.

— Хорошо. — Михаил повел женщину туда, где Клэр сидела у дальней стены. С каждым шагом, ее голод возрастал. *Хрупкая. Легко навредить*. Клэр подчинилась предупреждению, несмотря на инстинкт, глубоко внутри нее убеждающий броситься. Опустошить.

Он опустился на колени рядом с Клэр и заставил женщину сделать то же самое. Ее глаза потускнели, зрачки были не больше булавочных головок. Мечтательное выражение ее лица обрисовало резкие черты, и когда Михаил поднес запястье женщины ко рту Клэр, ей показалось, будто она парила на облаке.

— Пей, — сказал он.

Клэр посмотрела Михаилу в глаза, когда взяла женщину за запястье. Женщина была птенцом, нежным, и, о, столь хрупким, Клэр держала ее, когда коснулась губами струек крови, которые текли из ран. Крохотные клыки Клэр прокололи кожу, и женщина издала тихий стон, когда Клэр начала пить.

Намного лучше, чем Кристи Кримс.

Она сдавила чуть сильнее, Михаил резко нахмурился.

— Относись к ней с заботой, любовью. Или я накажу тебя.

Это должно было напугать ее, но его темное предупреждение послало острые ощущения через ее центр. Желание воевало с жаждой, которая потихоньку стихала с каждым глубоким глотком. Ее кровь была густой и сладкой. Жар, излучаемый по всему телу Клэр, стихал. На нее накатывали волны энергии и силы всего, что она когда-либо чувствовала. Сила, стойкость, сама суть жизни бежали по ее венам, и Клэр тянула сильнее, отчаянно нуждаясь в большем, от этого начинала кружиться голова, и пол уплывал из-под ног.

— Достаточно.

Команда Михаила срезонировала в ее разуме, и она выпустила женщину в одно мгновение.

— Закрой раны, Клэр. Не оставляй ее истекать кровью.

Инстинкт подсказал Клэр и, благодаря обширным воспоминаниям вампиров, она нашла инструкцию, что ей нужно было сделать. Она проколола кончик языка острым клыком и накрыла запястье женщины ртом, закрыв раны мягким касанием языка.

Она посмотрела на Михаила и обнаружила, что он сияет, словно гордясь, что она могла нормально питаться. Младенец в новом этапе существования, она с тем же успехом могла в первый раз воспользоваться вилкой.

— Очень хорошо, любимая.

Честь и хвала ей! Еще один всплеск энергии захлестнул ее, и Клэр оказалась в объятиях Михаила. Как она могла быть так полна энергии и так измотана одновременно, это было поистине чудо. Но, черт возьми, ей нужно поспать.

— Я же говорил, что она выживет.

Михаил бросил на Ронана косо́й взгляд.

— Она еще не выжила. Она ненасытная, Ронан. Мы еще не знаем, сколько потребуется, чтобы ее кровожадность уменьшилась.

— О, она уменьшится. — Ронан хмыкнул. Михаил хотел двинуть мужчине кулаком в лицо, чтобы убрать его самодовольный оптимизм. — Просто может потребоваться целый стадион людей, чтобы это произошло.

До сих пор попытки удовлетворить кровожадность Клэр заканчивались не слишком благоприятными результатами. Ее тело отвергало кровь дампи́ров, и судороги, которые она испытала после первого кормления, было ужасно видеть. У нее не было проблем с кормлением от Михаила, так как он был не только ее создателем, но и супругом. Он был еще слишком слаб после ее превращения, хотя и кормил ее из своих вен до тех пор, пока у него для нее ничего не осталось и едва хватило, чтобы прокормиться самому. Когда они искали решение, то пришли к выводу, что человеческая кровь может питать ее. Клэр — человек, в конце концов. Или, по крайней мере, была. Вот почему она могла питаться от людей и получать то, что ей было нужно. И хотя эта последняя попытка накормить ее была успешной, они до сих пор не знали, сколько понадобится времени, чтобы поддержать ее. Ему придется нанять много людей, чтобы сдерживать ее кровожадность?

Ронан был уверен, что Клэр выживет. Михаил был полон надежд. То, что она пережила обращение, вообще было чудом. И он не был заинтересован в проверке судьбы высокомерной самоуверенностью. Были и другие различия. У нее не было двух комплектов клыков, как у любого другого вампира, которого он когда-либо знал, у нее был только один набор крошечных, острых клыков, как у дампи́ров. Ее глаза вспыхивали невероятной силой, но лучше серебра, глаза Клэр ярко блестели золотом. И это были самые простые различия, которые он видел. Она, казалось, была абсолютно новым видом.

Беспокойство Михаила росло с каждым новым всплывающим секретом каждую минуту, которая проходила. Ее сила могла сравниться даже с его, и, когда она была одержима жаждой, это действительно было зрелище. Дикое. Пугающее. Это посылало озноб по коже. Коллектив давил на ее разум, но она, казалось, справлялась с бременем. Простого запаха крови было достаточно, чтобы высвободить ее из их хватки.

— Тебе понадобится хороший подрядчик, когда все будет сказано и сделано.

Михаил оглядел разгромленную спальню. Сломанная мебель, полутораметровые дыры в стенах. Половицы в трещинах и дыры с полу. Он провел ладонью по лицу и испустил медленный вздох, когда посмотрел на кровать, где без сознания лежала Клэр. По крайней мере, между ними было одно сходство. Справиться с силой вампира было достаточно трудно и для дампи́ра. Он мог только представить, насколько, должно быть, был тяжел переход для человека.

Слишком тяжел. Чересчур тяжел.

Ронан сидел на изогнутом кресле с подголовником со сломанной ножкой, которая пришла в негодность после первого пробуждения Клэр. Он грустно покачал головой и усмехнулся.

— Ты так занят, заботясь о ней, ты не успокоил свой разум, чтобы почувствовать

изменения.

Михаил приподнял бровь.

— О чем ты говоришь? — Помимо того, что Ронан выглядел нелепо, развалившись в разрушенном кресле, от его выражения превосходства на лице внутренний контроль Михаила трещал по швам.

— Пройдет не так уж много времени, прежде чем большинство дампиров постучится в твою дверь.

— Из-за любви к Богам, Ронан! — рявкнул Михаил. — Перестань так глупо дразнить меня и уже скажи что-то дельное!

Ронан фыркнул.

— Кто бы говорил.

Михаил яростно на него глянул.

— Она как холодный синтез вампиров! — наконец воскликнул Ронан, разводя руками в отчаянии. — Боже, Михаил, ты серьезно хочешь сказать, что не почувствовал это?

Михаил до сих пор держал гробовую тишину. Он был так поглощен беспокойством за благополучие Клэр, что действительно ни мгновение не думал о ее силе, как только она обратилась. На самом деле, он полностью выбросил это из головы, блокируя связь между ними, на случай если он случайно взял энергию из ее запасов, или если она направляла ему силу.

Любопытство победило над гневом на Ронана и страхом за энергию Клэр сразу же после ее обращения. Медленно, Михаил опустил барьер между ними, полностью открыв себя Клэр. Их связь сверкнула, будто вспышка гранаты на затемненном поле боя, и он покачнулся от удара.

— Я же говорил, — произнес Ронан с ухмылкой. — Холодный. Синтез.

Михаил никогда не чувствовал столько сконцентрированной силы за все века своего существования. Она пульсировала вокруг него. Через него. Даровала ему силу и стойкость, зажигая его собственную искру, добавляя ее к огню, пока не родилась сверхновая звезда.

— Боги, — выдохнул он. — Это...

— Удивительно? — отважился Ронан. — Неописуемо? Лучше, чем страйк, или куча проституток?

— Это чудо. — *Нереальное. Дивное.* Михаил мог продолжать и продолжать.

— Я нашел кое-что в Кодексе, — сказал Ронан. — Сосуд — это не просто уникальный человек, который может выдержать обращение и Коллектив. Я думал, что это отсылка на нагрузку, которую она может нести. Но это не так.

— Что это значит?

— Она — Сосуд *силы*. Источник, который никогда не иссякнет. Эти дураки, Сортиари, думали, что Судьба хотела ее смерти. Но я думаю, что Судьба послала ее сюда, чтобы спасти нас. Чтобы спасти тебя, Михаил.

Его удивление быстро сменилось страхом.

— Как я смогу защитить ее, Ронан? Как ты сказал, к ней придет масса дампиров. Фанатики будут поклоняться ей как богине. Другие — как Шивон — увидят в ней угрозу. И когда Сортиари соберутся, они придут за ней с жестокостью, которая заставит их последнюю атаку выглядеть просто детской.

— Может, ты ей вообще не нужен, — предположил Ронан. Мог ли мужчина так красиво и завуалировано оскорблять? — Я готов поспорить, что Клэр сможет позаботиться о себе.

— Она пока что приходит в сознание не более чем на пятнадцать минут, — сказал Михаил. — И она не помнит, что случилось с ней, насколько я могу сказать. Не сомневаюсь, что она способна сама о себе позаботиться. Она задолго была способна на это, прежде чем я встретил ее. Но как она может бороться, если не может даже держать глаза открытыми?

— Переход много сил отнял у нее, — ответил Ронан. — И я знаю, по своему собственному опыту, что приспособиться к Коллективу сложно.

Михаил фыркнул. *Сложно*. Это было чертово проклятие.

— Как только Клэр станет сильнее, я обращу Дженнера. — Мужчина был грозным, благородным, и он сыграл важную роль в спасении Клер. Если Ронан был правой рукой Михаила, тогда Дженнер был оружием, которое хорошо лежало в руке. Однако трое мужчин вампиров — не армия. В их истории, ни одному мужчине никогда не приходилось перестраивать целую расу. От бюрократизма всего этого, у Михаила закружилась голова. В-первых, ему были нужны кандидаты. Сильные телом и разумом. Тщательно проверенные вампиры. Но он не мог допустить, чтобы этот процесс воспринимался элитарным. В его юности каждый клан отвечал за решения, кто будет обращен и когда. Подавались прошения. Совет отвечал. Много было кандидатов для выбора. И, конечно, не было Шивон.

— Что с ней? — Ронан бросил подозрительный взгляд в сторону Михаила. — Мы говорили о Дженнере, помнишь? Думаю, что ты должен поесть, мой друг.

— Она хочет тебя. — Прежде чем Михаил пойдет дальше, его было необходимо разобраться с отношениями Ронана с женщиной. Она была опасной переменной, с которой он не успел разобраться. — Почему?

Ронан прищурился.

— Ты — подозрительный ублюдок, знаешь это?

Вопрос не требовал ответа. Он просто поднял бровь от любопытства.

— Она не хочет, чтобы я боролся за нее или помогал продолжать ее дело. — Ронан скрючился в своем кресле и испустил обреченный вздох. — Шивон хитрая. Она знает, как получить то, чего она хочет и не опускается до вымогательства, чтобы это получить.

— Ты заключил с ней сделку за Кодекс. Что ты ей дал взамен?

— Не твое собачье дело, вот что. — Тон Ронана стал резким, и тучи собрались на его лице. — Ты можешь быть уверен, что мои отношения с Шивон не имеют ничего общего с тобой или твоим имуществом. Это не скомпрометирует мою клятву верности тебе.

— Но она хочет, чтобы ты принес клятву ей, — сказал Михаил. — Она сказала мне это.

— Да, ну, то, что Шивон хочет от меня, и что она получит, две абсолютно разные вещи. Ей придется довольствоваться тем, что я решил предложить ей. Остальное — не твоя забота.

Михаил склонил голову. Он доверял Ронану, чего бы это ни стоило. Достичь временного мира с женщиной будет в быстро растущем списке Михаила. Но пока он не будет уверен, что Клэр переживет обращение, многие пункты будут оставаться не зачеркнутыми.

* * *

Огромная, запутанная сеть ярких цветов тянулась перед Клэр. Она обернулась, только чтобы увидеть еще больше соединенных вен света. Снова обернулась. И снова. Она стояла в центре паутины со светлыми полями золота под ногами. Твердыми. Как ухоженный участок

травы. Рядом с ней, сияло другое поле, будто лист серебра под солнцем. Они сплелись вместе, протянув друг через друга вены, сплетаясь и скручивая, чтобы сформировать идеальное сочетание двух цветов, которые были такими разными и такими схожими. Серебро и золото. Огонь и лед. Солнце и проливной дождь.

Она проследила узоры, поражаясь их бесконечности. Каждая жилка соединялась с другой, и еще и еще. Будто реки, текущие в море, каждый приток заканчивался у ее ног.

Впервые за дни, мысли Клэр были ясными. Когда ее веки распахнулись, изображение паутины исчезло. Хотя она не могла видеть его, но продолжала почувствовать. Каждой фиброй своего существа, она ощущала ее пульсацию. Живое, дышащее существо.

В спальне Михаила было темно, тяжелые ставни закрывали окна. Был полдень. Солнце достигло своего Зенита, и вскоре начнется спуск к закату. Ей не нужно было видеть солнце, чтобы знать, где оно. Ее осознание было острым, покалывало через плоть. И еще она не боялась его присутствия.

Ее разум никогда не был таким ясным. В гармонии с телом и душой. Подробности из памяти начали разворачивать в уме, начиная с того момента, как Грегор привязал ее к этому проклятому столу, и заканчивая нынешним мгновением. Все до этого было как в тумане, воспоминания просто утекали сквозь пальцы. В центре ее мыслей была правда, которая отвлекала ее от чего-то, что она пока не могла вспомнить. *Черт возьми!* Михаил обратил ее.

Она выскользнула из-под одеяла, осознавая каждое движение. Комната была в руинах, с дырами в стенах, мебель опрокинута и разбита. Судя по всему, она оказалась в эпицентре крутой попойки. Без сомнения, ей выставят счет за ремонт, которой загордилась бы рок-звезда. Михаил, вероятно, был в ярости.

Неутолимая жажда горела в глубине ее горла, но Клэр уже не чувствовала, что та подчиняет ее. Вместо этого, она больше была похожа на «я очень, очень хочу пить после бегового марафона». Тебе хотелось выжрать литр воды больше, чем сделать следующий вдох, а все давали тебе чашечки детских размеров. Конечно, это было неприятно. Но не убивало.

В углу комнаты, на сломанном кресле с подголовником, спал ее вампир.

Перед глазами уже не темнело, взгляд Клэр ласкал линии его челюсти, изгиб его рта и сексуальную ямочку на подбородке, она хотела провести языком от нее до горла. Она закрыла глаза и прислушалась к медленным, неуверенным биениям сердца, за ее закрытыми веками появилась золотая и серебряная паутина, а рядом с ней выросло серебряное поле серебра, светлое и тусклое, в такт его сердцебиению. Те огни, которые вплелись в сеть, были тусклее, чем золотые сейчас. Они вспыхивали и трепетали, будто готовая погаснуть свеча.

Этот свет был Михаил. Рядом с серебряными венами, золото все еще ярко горело, пульсируя жизненной силой. Этот свет принадлежал Клэр. Он хлынул по ее венам, вкусным теплым приливом, который расслабил ее с головы до ног. У нее было достаточно сил для них всех. Почему Михаил не позволял ее силе питать его?

Осознание пошевелилось в глубине ее чувств, и Клэр открыла глаза и обнаружила Михаила, смотрящего на нее ясными голубыми глазами, молча, изучающего ее.

— Ты не должен бодрствовать. — Ее хриплому, дразнящему тону ответил опрометчивый пьянящий мускусный запах, который разбудил ее тело.

— Как и ты. — Его взгляд горел бирюзовым пламенем с искрами серебра, когда он пробежался взглядом по ее телу. — Не так ясно.

Его голос дрожал по ее коже, и глубокая, пульсирующая боль устроилась между бедер Клэр. Ее желание тела Михаила значительно перевешивало ее потребность в крови. Желание

всего, правда. Простой взгляд, звук его голоса отправили ее далеко, за пределы разума. Как и в первую ночь, когда они встретились, она обнаружила непреодолимую к нему тягу. Она сделает все ради этого человека. *Все что угодно*. Все, о чем он попросит.

— Твое желание — это сладкие духи. — Его голос был напряженным, слова затихли, когда его пальцы плотно сжались вокруг подлокотников. Клэр зачарованно смотрела, как шнуры вен вздулись на его предплечьях. Боже, если бы он сжал ее так крепко... подхватил ее рукой под бедра. — Клэр. — Она смиренно опустила взгляд к поясу его брюк. — Я держусь за контроль из последних сил. И ты должна поесть, прежде чем я стишком отвлекусь, чтобы об этом волноваться.

Она могла насытить жажду позже. Ей было нужно его тело, требующее ее внимания прямо сейчас. Низкое урчание завибрировало в груди, и глаза Михаила немного расширились. Его пальцы сильнее сжали подлокотники, и Клэр взглянула вниз, довольная ухмылка растянулась на ее губах, когда она заметила эрекцию, натянувшую его аккуратно выглаженные брюки.

Лукавая улыбка изогнула ее губы, и один острый клык царапнул ее нижнюю губу. Взгляд Михаил оказался там и замер, где выступила кровь, и язык Клэр медленно слизнул ее с кожи. Когда она проглотила малиновые капли, запах Михаила стал сильнее. Богатая, пьянящая смесь корицы и темного шоколада с оттенками прохладного весеннего дождя. Он жаждал ее тела так же сильно, как нуждался в ее крови. Чувства Клэр были настолько восприимчивы к нему, потому что теперь она знала, что он хотел без необходимости, чтобы он что-либо говорил, и она быстро пьянела от ощущения власти и контроля, что она чувствовала.

Ее рубашка была порвана и запятнана собственной кровью. Можно было только догадываться, где запропастились ее джинсы. Одета лишь в нижнее белье и рубашку, она позволила рукам пройти по телу. По голым бедрам, под подол рубашки, по неискромсанной коже живота. Грегор резал ее. Снова и снова. Вскрывал вены и рассекал мышцы, когда использовал ее боль, чтобы раздражить Михаила. Грегор пытался забрать их сына, и Михаил разорвал свои цепи и защищал их обоих. И благодаря ее трансформации, не осталось даже ни одного шрама от пыток.

Кусочки кровавой корки все еще цеплялись за ее кожей, и Клэр сняла с себя рубашку, лифчик и дала им упасть на пол, а затем стянула трусики с бедер. Михаил был увлечен, его грудь вздымалась с каждым вдохом, когда он смотрел на нее. Клэр повернулась и, улыбаясь, направилась в ванную, не проронив ни единого слова.

Ее живот скрутило тревожным узлом, чувство преследования вызывало в ней что-то первобытное. Ее шаги были почти бесшумными, ноги легко касались плитки, когда она шла к огромной стеклянной душевой кабине.

Михаил был прямо позади нее. Приближаясь, будто волк на охоте.

Волнение пробежало по венам Клэр, эффект настолько мощный, что она покачнулась. Ее человеческие эмоции, чувства, ощущения казались такими серыми и бледными в сравнении с этим новым существованием. Интенсивность всего этого украло ее дыхание и заставило ее сердце бешено колотиться в груди.

Она открыла стеклянную дверь и повернула ручку смесителя душа, ожидая теплой воды. Насадки для душа украшали потолок и две стены, создавая постоянный каскад воды, который, с легкостью можно поверить, чувствовал себя небесами на ее обнаженной коже.

Сильные руки окружили ее, и Михаил обхватил ее грудь ладонями. Он провел большими

пальцами по ее уже возбужденным соскам, и Клэр ахнула, выгибая спину, когда он слегка ущипнул, а потом достаточно сильно сжал, вызывая прилив влаги между ее обнаженных бедер. Пар валил внутри закрытого стекла, и Михаил протянул руку, чтобы открыть дверь.

Микроскопические капельки воды целовали ее кожу, словно тысячи крошечных ласк на сверхчувствительной плоти, от этого Клэр задрожала. Она испустила медленный вздох, который закончился хриплым стоном.

— Все более интенсивно. — Она поежилась от слов Михаила, прозвучавших у ее уха. Его нижняя губа коснулась мочки, и удовлетворенное мурлыканье прогрохотало в глотке. — Я могу заставить тебя кончить, слегка подув на клитор.

Черт возьми. Если он продолжил грязные разговоры, то просто от его дыхания она кончит. Связь между ними разгоралась, открывая прямую линию между ее чувствами и его.

— Я чувствую тебя, — ахнула она. Ее клыки бились в деснах, как грань между ее потребностью в сексе и крови, они расплылись и сливались в единое целое.

— Кормление и секс тесно связаны, — сказал он, будто знал ее мысли. — Поэтому нет ничего лучшего, чем мои клыки глубоко в твоем горле, пока я трахаю тебя.

— Да. — Клэр выдохнула слово. Она хотела укусить. Хреново. Жажда заполнила, и даже тогда она знала, что этого было бы недостаточно.

— Кровожадность, — пробормотал Михаил у ее виска. Он толкнул ее под струи душа, и она испустила едва слышимый вздох, когда мириады капель сыпались на ее кожу. Он шагнул за ней, жесткая эрекция скользнула по складке ее зада. — Если ты будешь слишком долго ждать, чтобы покормиться, то тебя накроет безумие.

Как может что-то столь неприятно звучащее быть таким чертовски сексуальным? Она хотела потеряться в нем, отдаться низменным желаниям. Полностью сдаться, пока от нее не останется ничего кроме безрассудной жажды и желания. Предаться инстинкту. Только тогда она по-настоящему подключится к животной стороне своей натуры, которую воплотил в жизнь Михаил.

— Осторожно, Клэр. — Михаил провел пальцами по ее волосам, смачивая их под брызгами. — Я чувствую, как ты ускользаешь. Ты всегда должна оставаться под контролем. Не важно, насколько сильно ты хочешь сдаться.

Его темный, соблазнительный голос закрепил ее в настоящем. Прояснил мысли. Она попыталась повернуться к нему лицом, но Михаил удержал ее за плечи и мелко толкнулся бедрами, скользя членом между ее бедер, сквозь влажные, припухшие губы.

— Боги, как я скучал по тебе, — сказал он против ее горла. — Нуждался в тебе. Я волновался... — Он замолчал, его губы нависли над ее яремной веной. — Что ты не выживешь.

Она подвигала бедрами, призывая его член скользить по ее гладкой, чувствительной плоти.

— Потребуется намного больше, чем несколько сверхъестественных убийц, чтобы удержать меня от тебя, Михаил.

Михаилу хотелось кричать от удовольствия. Оказалось, что все его опасения были напрасны. Клэр на удивление хорошо переносила трансформацию, показывая сдержанность, которой молодые вампиры не могли добиться даже спустя недели. Коллектив, казалось, больше не давил на ее разум. Он чувствовал, как жажда крови ползает у нее под кожей, но она не поддавалась ей.

Ее контроль поразил его.

К сожалению, его контроль висел на волоске. Нужда взять ее вену переполняла его. Ее аромат, усиленный жаром душа, возвышал его потребность, и ему не терпелось вкусить сладкий нектар ее крови, когда тот тек по языку. Человеческая кровь поддерживала ее. Удовлетворяла жажду, которую Михаил считал неугасимой. То, что должно было ее ослабить, сделало только сильнее. Чудо, которое он когда-либо видел. Михаил кормился от людей на протяжении столетий, и это чуть не убило его. У Клэр таких ограничений не было. Она была аномалия. Уникальным видом.

Необыкновенно.

Он запечатал рот на вене у нее на шее, нежно посасывая, чтобы подготовить ее кожу. Она издала мягкий стон, перед тем как резко повернуться. Ее скорость не уступала его собственной, когда она сжала его бицепс и прижала его к прохладной мраморной стене. *Боги, какая женщина!* Она распалила ту оставшуюся в нем кровь, доведя ее до кипения.

— Не так быстро, вампир. — Ее голос был соблазнительным мурлыканьем, который зажег каждый нерв его тела. Золотые глаза сверкали озорством, и его уже твердый член затвердел еще больше. Клэр сжала нижнюю губу зубами, предоставив ему беспрепятственный вид на ее маленькие клыки. Боги, увидев ее... воду, омывающую ее упругую грудь, небольшую округлость живота и изгиб ее бедер, он захотел, чтобы она плотно обернулась вокруг его талии. Ни одна женщина за все годы его существования не поднимала похоть до такой степени, как Клэр.

Михаил не знал, что ему было нужно больше: вонзить клыки в горло или член в ее тепло.

Она удерживала его у стены, когда опустилась на колени. Мягкое скольжение по груди и тугие бусинки ее сосков, движущиеся по его телу, были сладкой пыткой, которой ему не было достаточно. Одну руку она протянула вверх, растопырив пальцы, когда другой взяла его член. Михаил резко втянул воздух, и его мышцы напряглись, а она поглаживала его от набухшей головки до пульсирующего основания.

— Еще.

Его голова ударилась о мраморную стену, когда она прошла рукой по головке его члена, обхватила ладонью от кончика до основания и крепко сжала его в кулаке. Она поглаживала его по всей длине, от этих манипуляций его яички стали стальными. Он жадно двигал бедрами, усиливая трение в ее руке.

Клэр посмотрела Михаилу в глаза, ее соблазнительный взгляд светился золотым огнем. Она наклонилась и провела по головке кончиком языка, продолжая — *боги, так мягко* — водить рукой. Капля выступила на кончике, а она слизнула ее. Это медленное, чувственное, целенаправленное движение заставило его задохнуться, когда ее веки закрылись перед тем, как она отстранилась и облизала губы.

На мгновение возникла пауза. Вода каскадом лилась над ними, наполняя паром стеклянный сосуд, и Клэр опустилась на колени перед ним. Богиня, которой он, безусловно, недостоин, ублажала его тело своим ртом. Скольжение ее губ было раем. Влажное тепло обволакивало его член, просто совершенство. Она глубоко приняла его, и он ничего не мог поделать с низким стоном одобрения, который вырвался из его горла. Когда она отстранилась, ее маленькие клыки прошли по его члену, и приятная дрожь пробежала по позвоночнику Михаила. Она снова принялась за работу и вошла в устойчивый ритм, который выбил из него дыхание. Михаил двигал бедрами, когда Клэр вцепилась ногтями в его задницу, пока он трахал ее рот.

— Ты такая красивая, Клэр. Такая чертовски совершенная.

Он запустил руки в мокрую путаницу ее волос, и она отстранилась. Капельки воды цеплялись за ее темные ресницы, когда она взглянула на него, они усеяли лоб и щеки, нежный изгиб плеч. Она так близко подвела его краю своими поддразниваниями. Она так глубоко приняла его, как могла, а потом напрягала щеки, когда сосала набухшую головку.

Полуулыбка играла на ее губах, когда она прошла вниз тупыми краями зубов. Михаил сжал челюсти, а его тело было на пределе. Каждая тугая мышца размякла, когда дрожь прошла с головы до ног.

— Да, любимая, — сказал он, постанывая. — Боги, да.

Она снова прикусила его, на этот раз бритвенно-острым концом одного клыка. Кожа разошлась, и Михаил был одержим восхитительным теплом, огнем желания, лижущим его кожу до тех пор, пока он не подумал, что просто взорвется от интенсивных ощущений. Он запрокинул голову, а Клэр лизала и сосала. Спазм прошел от его мошонки к самому кончику и вверх по бедрам, когда он кончил. Клэр не отпрянула; напротив, она стала еще жаднее, глубоко сосала и жадно принимала все, что он предлагал. Разорвавшийся оргазм был интенсивным и украл все силы, которые еще держали его на ногах.

Ни одна женщина не нравилась ему в таком виде. Никто не мог сравниться с его парой. Его Клэр.

* * *

Быть вампиром — чертовски круто!

Клэр никогда не испытывала ничего настолько интенсивного за всю свою жизнь, и даже не она кончала. Быть с Михаилом отличалось от любого другого сексуального опыта, и от всего, когда она была человеком. Но сейчас...? Это было как триллионный секс. Суперсекс. Она не могла им насытиться. Его вкусом, жесткой длиной члена, который наполнял и растягивал ее рот. Настоящий опыт. Невероятный.

Михаил поставил ее на ноги и повернул, ударив о мраморную стену с достаточной силой, чтобы расколоть плитку. Он прижался своим телом к ней, и поцеловал со всей свирепостью животных, которых морили голодом. Каждый глубокий толчок его язык был, несомненно, предшественником того, как он немилосердно планировал ее трахнуть, и он посылал острые ощущения через Клэр, чтобы та думала о Михаиле, так отчаянно, так остро хотела, чтобы он взял ее, что можно было сойти с ума.

Она не хотела, чтобы с ней обращались осторожно. Не в этот раз.

В течение недели она была превращена в животное. Жила на самых примитивных аспектах психики, которая была порождена человечеством в течение тысячелетий. Она хотела трахаться, и трахаться как животное. С яростью. Михаил поднял ее, будто она ничего не весила, забросил ее ноги себе на плечи. Он удерживал Клэр за ягодицы, когда она прижалась спиной к стене душа, чтобы не упасть.

Когда тепло его рта коснулось ее клитора, Клэр вскрикнула. Михаил пожирал ее, наслаждался ей. Аромат его пробуждения смешался с паром, создав духи, которые опьяняли Клэр. У нее кружилась голова от опрометчивой смеси того восхитительного аромата, его вкуса, который еще держался на ее губах, и ощущений, танцующих по ее плоти от клитора, когда Михаил пробежал по нему языком снова и снова.

Жесткий, влажный, теплый. Мягкий. Нежный и затем мощный. Он погрузил язык во влагалище, а потом снова провел по клитору. Скоро он попал в ритм, дразня ее, подводя близко к краю, а потом, отступая и едва касаясь, чтобы доставить ей удовольствие. Недостаточно, для облегчения, которое она жаждала.

— Укуси меня, Михаил. Сейчас.

Она не могла ждать ни секунды. Отказа. Он повернул голову у ее бедер и погрузился обе пары клыков глубоко в ее плоть, продолжая работать над чувствительным клубком нервов подушечкой большого пальца. Клэр кончила, сильный спазм заставил ее выгнуться от стены. Клэр сцепила лодыжки между его лопаток, она рыдала от удовольствия, когда ударная волна накрыла ее, полностью расслабив. Михаил жадно сосал, и всплеск чистой силы вливался в каждую пору, каждую клеточку, каждый ее дюйм. Оргазм пошел на спад, и волны едва бежали по ней, но сила, что она почувствовала, через связь с Михаилом, оставила ее задыхаться и дрожать.

Теперь она действительно поняла глубину и объем их связи.

Ее душа знала его. Она насмеялась над тем, как быстро он утверждал, что любит ее, но теперь, когда она изменилась, то почувствовала все это с гораздо больше интенсивности. Она распознала эмоции в совершенно ином свете. Ее человеческий мозг больше не опирался на логику, пытаясь оправдать то, что не нуждалось в обосновании. Теперь она жила на инстинктах. Могла ли она любить мужчину, который держал ее?

Несомненно.

Капельки воды цеплялись за кожу Михаила. Клэр с увлечением за этим смотрела, ее новое острое зрение улавливало малейшие изменения, как капельки росли, становясь толще, тяжелее, прежде чем пробежать по его коже крошечными ручейками, по провалам и холмам скульптурных мышц. Она смотрела на него сверху вниз, водя пальцами по влажным прядям волос, когда его язык пробежал по проколам на ее бедре. Кожа затянулась, когда раны закрылись, и он медлил, целуя, облизывая, покусывая ее чувствительную плоть. Смакуя ее, как она прежде наслаждалась им.

Клэр хотела, чтобы этот момент не заканчивался никогда.

Восхитительный запах его возбуждения витал в воздухе, и она пошевелила ногам, когда он опустил ее на свою талию. Почти незаметная дрожь прошла по Михаилу, отзываясь в Клэр.

— Что? — прошептала она ему на ухо. Его запах изменился, появились цитрусовые нотки.

— Ты изменилась. Но не совсем. — Большие руки Михаила обвивались вокруг ее талии, безопасно удерживая, когда он отстранился, чтобы изучить ее. Серебро сверкало в его

взгляде, а брови хмурились. — Твой запах, твой вкус, твоя кровь. Они такие же. Тебя осушили, Клэр. — Он замолчал на мгновение. — Грегор обескровил тебя досуха. Я кормил тебя из вены, восполняя то, что ты потеряла. Ты кормилась от других, и еще... — Морщины на лбу прорезались сильнее, когда он не договорил.

— На вкус я ощущаюсь по-другому? — рассмеялась она. — Возможно, пахну, как вампир?

— Да, — сказал он, решительно выдохнув. — Клэр, ты...

— Уродка? — с улыбкой произнесла она. — Такая бестолочь, что даже не могу правильно превратить в вампира?

— Ты необыкновенная.

Тепло в его взоре послало по ней волну трепета. Рот выглядел голодным и требовательным. Отчаянным. К Клэр вернулся пыл, она коснулась его губ своими, протолкнула язык ему в рот отчаянным порывом. Михаил двинул бедрами и насадил ее на свой член. Клэр ахнула, от интенсивности ощущения у нее перехватило дыхание, когда атласное скольжение по его жесткому члену ласкало ее внутренние стенки.

Секс никогда не чувствовался таким чертовски классным.

Это было за гранью добра. Обойдя эмоции и ощущения, Клэр могла формировать слова. Михаил тянул с силой, первобытный рык вырывался из его горла. Но он еще слишком сдерживался, по ее мнению.

— Не сдерживайся. — Она вцепилась в его волосы, двигая бедрами. — Тебе больше никогда не нужно сдерживаться со мной.

Ее слова зажгли что-то глубоко в нем, и Михаил отстранился, чтобы показать порочные пики его клыков. Он прижал ее к кафельной стене, пальцами впился в ее зад, когда он поднял свою ногу, блядь, будто сама его жизнь зависела от каждой отчаянной тяги. Глаза Клэр закрылись на блаженное мгновение, прежде чем рука Михаила прошлась по длине ее волос. Он дернул ее голову в сторону, Клэр открыла глаза и обнаружила, что он смотрит на ее открытое горло.

— Чего ты ждешь? — выдохнула она. Он яростно входил в нее, ударяя спиной о стену душа. Рык вырывался из его горла, прежде чем он похоронил свои клыки в ее плоти. Боль от его укуса в сочетании с мощным напором направила эйфорию по венам Клэр.

Крик сорвался с губ, когда Клэр кончила. Сильнее, интенсивнее, чем последний оргазм, это не просто разрушило ее; разорвало на части. Что-то пульсировало не только внутри нее, но и в ее душе. Рябь разрушила время и пространство ее крошечной Вселенной.

— Сильнее! Еще! Не останавливайся! — Слова казались непонятным сочетанием, слетевшим с ее губ в отчаянной спешке. Она понятия не имела, приказывала ли она ему кусать ее, пока он ее трахал, но для Клэр это было единое целое. Акт любви, их связь, одно не могла произойти без другого.

Ее бедра взбрыкнули, когда оргазм продолжал пробегать по ней, волна за бурной волной, пока Клэр дрожала, дыхание становилось отчаянным, судорожным. Михаил вышел из ее горла с ревом, и внимание Клэр сразу было обращено к его горлу. *О, боже.* Если она не вопьется клыками в плоть, если не распробует его сейчас, то потеряет рассудок.

Она рванула вперед со скоростью кобры, инстинкт направлял ее, когда она впилась в плоть, скрывающую пульсирующую вену. Кожа разошлась, и прилив сладостного тепла волны обрушился на ее язык. Клэр никогда не пробовала ничего столь хорошего, как кровь Михаила. Его грудь вздымалась, и он двигался сильнее, заполняя и растягивая каждый

сантиметр ее влагалища, когда трахал ее с дикой энергией. Как животное. Именно так, как она этого хотела.

Она глотала и царапала, жар спадал в горле, огонь погас в одно мгновение. Даже после интенсивности оргазма, Клэр чувствовала сытость, которая пришла и ушла. Еще один большой глоток принес с собой еще один глоток сладкого нектара, и Клэр с жадностью проглотила. Неудивительно, что Михаил жаждал ее крови, будто алкоголик, тянущийся к бутылке. Если в мире и существовало то, от чего она могла получить зависимость, то это был *ОН*.

Ритм Михаила сбился. Клэр крепко удерживала его за горло, одной рукой тянула за волосы, а другой вцепилась в плечо, ее ногти проникали в кожу. Дрожь сотрясла его тело, и он вскрикнул, когда кончил, толчок за толчком наполняя Клэр лучистым теплом, от которого все мышцы превращались в кашу.

Его оргазм, казалось, длился вечно. Клэр продолжала пить из его вены, каждый глубокий глоток совпадал с пульсацией его члена внутри нее. Тело Клэр отяжелело, мысли пугались. Рука на его плече безвольно упала, Клэр отпустила его волосы. Единственное, что удерживало ее вертикально, это руки Михаила, обхватывающие ее за зад.

Он медленно опустил Клэр. Она была вялой. Бездумной. Существом без формы или содержания. Паутинкой, плывущей по огромной Вселенной, пока она медленно возвращалась обратно на орбиту.

Связь. Михаил Аристов. Ее пара.

Он вышел из нее, открыв в ней чувство утраты и пустоты. Она провела языком, закрыв проколы на его горле, как и он прежде, Клэр чувствовала их связь с каждым нежным движением. Клэр закачалась, когда Михаил помог ей сесть и успокоил ее. Его выражение лица было мягким, полным невысказанных эмоций, когда он наклонился к ней.

— Моя. — Слово гроыхало в груди и вибрировало по ее коже.

Никакие истинные слова никогда не произносились. Эмоции набухли в груди Клэр, и в горле поднялся ком. Она потянулась и положила ему руки на щеки.

— Мой, — повторила она, чувствуя истину слов самой сутью души.

Больше никаких слов не было произнесено. В них не было необходимости. Михаил омыл ее, намылil тело, его большие ладони были столь нежными и расслабленными, что Клэр удивлялась, как еще он стоял на ногах. Он вымыл ей голову, водил пальцами по всей длине, когда смывал шампунь и расчесывал пряди. Она вернула долг, не торопясь, знакомясь с каждой набухшей мышцей, каждой прямой линией и кривой, когда намывливала его тело руками, освежая в памяти каждую деталь.

Вода начала остывать, когда они оба были чисты. У Клэр никогда не было более пышного душа, и ванная официально стала ее любимой комнатой из тысячах квадратных метров жилой площади Михаила. Он обтер ее и накинул пушистый махровый халат на плечи. Клэр вскинула бровь, когда просунула руки в мягкую ткань и плотно затянула ремень на талии.

— Он всегда был у тебя под рукой? — спросила она с лукавой улыбкой.

— Я отправил Алекса за парочкой вещей, — пробормотал он, легко целуя ее в губы. — Мы пойдем вместе по магазинам. Когда все уляжется. Все, что тебе нужно. Все, что захочешь. Это твое.

Прежде ее не волновала одежда или что-то еще, что моно было купить в магазине. Она потянулась вверх, встав на цыпочки, и ответила на его мягкий поцелуй.

— У меня есть все необходимое. Прямо здесь передо мной.

После столетий пустой бездушности, Михаил, наконец, был целым. Ничто не могло подготовить его к тому, что Клэр разожгла в нем. Он больше не видел будущее бесконечной пропастью, темной, холодной, и такой одинокой, как в могиле. И, несмотря на опасность, которая нависла, он больше не боялся ничего. Они оба пережили свои испытания. Ничто в этом мире не могло разлучить их сейчас.

Что сказать, там было не так много свободных ниточек. Одна из них сейчас сидела на диване в гостиной, поджимая под себя крошечные ноги и исследуя канал.

После ее недельного перехода, Клэр еще была на пике трансформации. Что произошло до этого — инцидент в ее доме — даже не вошло в ее разум. Пока Михаил, не чувствовал в ней ни капли страдания, но когда ее воспоминания улягутся среди Коллектива, он был уверен, что те бедствия возродятся.

— Когда я увижу Клэр? — Девочка, Ванесса, оставалась удивительно спокойной, учитывая все, что она пережила. Она разделила устойчивость Клэр, ту *искруинаковости*, и то, почему Сортиари пощадили ребенка, лишь возбудило любопытство Михаила.

— В ближайшее время. — Алекс уже снабдил кухню благоприятной для ребенка едой, как он называл ее. Попкорн, сода, пицца в коробке и прочие подобные вещи, которые можно легко приготовить в микроволновой печи. Для Михаила все это выглядело как мусор, но он не собирался спорить. Не тогда, когда девушка уже через многое прошла. Если она хотела есть еду, которая выглядела не лучше коробки, в которую была упакована, то так и будет.

После душа, Клэр рухнула обратно в свою постель, провалившись в глубокий сон, едва ее голова коснулась подушки. Их кровать. Мысли наполнили Михаила глубоким чувством удовлетворения. Больше никогда не будет закатов, когда он будет просыпаться один. Неполным. Возможно даже, со временем, кошмары исчезнут, и Клэр рядом будет изгонять этих призраков прошлого, возникающих из того времени, когда он находился в этой проклятой гробнице под землей.

Хотя, пока Грегор Черный не умрет кровавой смертью, Михаил по-настоящему не исцелится от испытаний.

Это приводило его ко второй и третьей ниточкам.

— У меня сейчас встреча, Ванесса. Думаешь, сможешь немного поразвлекать себя сама? — Алекс ушел домой. Ронан занимался другим делом, а Дженнер был в кабинете, следил за нежеланным гостем Михаила. Ради безопасности девушки, Михаил надеялся, что телевизора будет достаточно, чтобы она приковалась к экрану. По крайней мере, пока сегодняшнее дело не будет решено.

— Хорошо, — сказала она, не отрывая взгляда от подростковой драмы на экране. Михаил ущипнул переносицу и выдохнул. Для девочки ее возраста было уместно смотреть такое? Он не имел ни малейшего понятия. — Я решила, что раз уж я остаюсь здесь, то должна не спать всю ночь и спать весь день. Это круто.

Опять же, Михаил почувствовал себя слишком неподготовленным для заботы о человеческой девочке. Она ходила в школу? Он должен посоветоваться с Алексом, так как забота о девочке легла на его плечи, в отсутствие Клэр. Он надеялся, что его подруга скоро проснется, потому что чувствовал, что собирался погрузиться по все это с головой.

— Посмотрим, что об этом думает Клэр, — ответил он, когда направился в кабинет. —

Оставайся здесь, пока мой гость не уйдет. Хорошо?

— Да, сэр, — сказала она, дерзко отсалютовав и широко улыбнувшись. Что-то в груди Михаила скрутилось от ее сияющего выражения, и он задумался, его собственный ребенок будет иметь такой же мгновенный эффект на него, как эта девочка?

Дженнер встал возле раздвижных дверей, которые вели в кабинет, он стоял, будто аршин проглотил, на лице застыло лютное выражение. Он весь был увешан оружием: сабля — на спине, кинжалы-близнецы — на бедрах, пара полуавтоматов — в руках. Мужчина был готов к делу, и Михаил не мог нарадоваться присутствию Дженнера. В течение нескольких дней он будет проходить обращение, хотя Михаил не позволит этому случиться так небрежно, как было с Ронаном.

— Она играет по правилам. — Голос Дженнера звучал, как скрежет металла по гравию, когда он мягко и насмешливо фыркнул. — Но у нее, на самом деле, на данный момент не было выбора, не так ли?

У каждого был выбор. В том числе у Шивон. Они никогда не будут союзниками, но он надеялся, что они смогут достичь предварительного мира, по крайней мере, сейчас. Он оставил Дженнер за дверью, уверенный, что скрытная женщина не будет пытаться убить его в собственном доме. Она была здесь, потому что хотела услышать, что он собирался сказать. А он собирался максимально использовать эту неохотную встречу.

— Держишь человеческую девочку в качестве закуски для своей пары? — Шивон рассмеялась собственной шутке, тряхнув густой гривой цвета воронова крыла, когда повернулась к нему лицом. Ее изумрудные глаза сверкали враждебно, хотя и были полностью лишены даже блеска серебра. Независимо от того, что она чувствовала, она держала свои эмоции в узде. Было приятно знать, что у нее была хоть капелька самообладания. — Ты, должно быть, доволен собой, Михаил. Город гудит от слухов. Некоторые говорят, что она королевский вампир, скрываемый и защищаемый от убийц Сортиари веками. Другие думают, что она какой-то миф второго пришествия. — Темная бровь Шивон изящно выгнулась. — Ты поймал белого оленя вампиров, не так ли?

Силу Клэр не преуменьшить. Любой дампир мог ощутить это, и даже Шивон, со всем ее презрением, тоже извлекала выгоду из силы Клэр.

— И каково же твое мнение по этому вопросу? — Это его не особо волновало, но все же было интересно.

Она пожала плечами.

— Меня не волнует твоя особая снежинка-пара, или, как она была превращена. На самом деле, я мне абсолютно плевать, если она первая богами проклятая вампирша из когда-либо созданных и, ее высрали прямо из задницы Египта. Твоя элитарная иерархия для меня ничего не значит. Я не паду к твоим ногам и мне взмолюсь о возможности потерять душу до тех пор, пока какой-то херов мужик не сподобится привязать меня. Я здесь не для мира с тобой. Единственная причина, почему я согласилась прийти, это потому, что Дженнер передал, что ты хотел сказать мне то, что я хочу услышать. И даже при том, что этот ублюдок мертв для меня, просто потому что породнился с тобой, я доверяю ему. Так скажи мне, Михаил. Что ты хотел мне сказать? Возможно, ты, наконец, решил вознаградить меня за спасение, и не одно, а за два в неделю?

Она утверждала, что ей плевать, как Клэр была обращена, но он знал, что это была не совсем правда. Шивон могла удержать просачивание серебра в ее изумрудный взгляд, но ее запах испортился при упоминании его пары. Она не могла это от него скрыть.

— Какой у тебя клан? — спросил Михаил, когда сел за рабочий стол, чтобы разделить их.

Ее взгляд сузился.

— У меня нет клана. Только ковен.

Она хотела убедить его, что это была просто семья — разношерстная группа дампиров, которых она убедила последовать за ней. Михаил не купился на это.

— Я боролся с убийцей, подосланным Сортиари, неделю назад. — Михаил откинулся в кресле, уперся локтями в стол и переплел пальцы, перед тем как заговорить. — Берсерк военачальника, как я подозреваю, это Грегор Черный.

Ее запах изменился в одно мгновение, адреналин просочился в ее кровь, разнося по воздуху запах серы. Не произнося ни слова, она подтвердила подозрения Михаила.

— Он сказал тебе это?

Михаил поджал губы.

— Не совсем. — Хотя Грегор не признался, что он был знаменитым горный лорд, выражение его лица говорило об этом.

— И здесь я думала, ты, наконец, собираешься выразить свою благодарность. — Она с отвращением фыркнула. — Больше не говори мне этого, Михаил. Я не буду развлекать твои фантазии. Кроме того, оставь меня и мое, и я рассмотрю условный мир между нами, несмотря на то, что ты обманул меня в верности Ронана. В ту минуту, как я стану подозревать, что ты пытаешься повлиять на любого члена моего ковена, я стану преследовать тебя с удвоенной силой.

Как выстрел, она вскочила с кресла и быстро пошла к двери.

— Согласен, — тихо произнес Михаил. — Но не забывай, что питает тебя и твое окружение, когда ты подумываешь о том, чтобы встать вместо меня, — добавил он, когда Шивон открыла двери широким размахом руки и вышла из офиса, высокие каблуки с силой стучали по деревянному полу.

— Все прошло хорошо. — Дженнер шагнул в открытую дверь и остановился у письменного стола, сложив массивные руки на груди.

Михаил фыркнул.

— Лучше, чем я ожидал, на самом деле.

— Как думаешь, что она теперь будет делать?

— Охотиться на ублюдка.

Дженнер ухмыльнулся.

— И в процессе приведет тебя прямо к нему.

Михаил сверкнул широкой улыбкой, показывая оба набора клыков.

— Именно.

— Что было между Шивон и Берсерком? — спросил Дженнер.

— История слишком долгая и кровавая для меня и этой ночи, — ответил Михаил. — Я должен возложить вину ярости берсерка к ногам Шивон. Или, по крайней мере, ее создателя. — Низкий взрыв гнева громыхнул в груди Михаила. — Если ты думаешь, что ее горячие вспышки противны, это не более чем тлеющие угольки в сравнении с яростью берсеркера.

Дженнер тихо присвистнул.

— Он держался за свою потребность в мести, и что?

— Веками, — сказал Михаил. — И гнев его рос с течением времени.

— Хорошо, тогда мы соберем армию. Потому что он не остановится, пока мы не умрем... или он.

Михаил сидел в тихой задумчивости. Сегодня он что-то привел в движение. Что-то, что он не мог остановить. Он просто надеялся, что случайно не дал своему врагу силу, направив Шивон за Грегором.

— Хорошо, — ответил он. Михаилу понадобится армия, если он собирался защищать любого, кто попадал под искривленные представления Сортиари о судьбе, а также Грозного Берсерка-военачальника, одержимого мстью.

* * *

Ронан закрыл раны на горле женщины, перед тем как отстраниться от нее. Задумчивая улыбка дополняла ее мечтательное выражение лица. Она облизнула губы и вздохнула.

— Мммм.

Она гладила член Ронана через джинсы, но он отвел ее руку в сторону. Член был твердый, нужно было получить разрядку, пока он пил ее кровь, но он отдал свою верность Шивон, и если он даже потрогает грудь женщины, то ему будет полная жопа.

— Я могу доставить удовольствие тебе, — сказала она, по-детски надув губы, что ничего не сделала для него. Вести себя как вспыльчивый подросток — гарантированно привести любые мысли о постельных принадлежностях женщины в ближайшее время к провалу. — Я знаю, ты хочешь меня, Ронан. — Она вытерла каплю крови из уголка его рта и слизнула ее с кончика пальца. — Тебе тяжело.

Еще как. Но это не потому, что она была такой чертовски неотразимой. А просто потому, что он кормился. И потребность в сексе проснулась в его теле после того, как он проглотил кровь. Пришла вместе с краем.

До обращения Михаилом, Ронан почувствовал бы себя плохо поступившим с женщиной. Он бы успокоил ее эго, мягко отказал ей. В течение многих десятилетий, он не хотел ничего больше, чем быть обращенным. Познать силу и мощь истинного вампира, а не быть просто жалкой тенью его истинной сущности. Перспектива потерять свою душу казалась небольшой ценой в сравнении с тем, что он хотел получить. Кроме того, вампир был без души, пока его пара не привяжет его. Что такое несколько лет — или несколько сотен лет — когда у него впереди тысячелетия? У него было много отвлекающих факторов: и мужчины, и женщины выстроились, готовые и желающие позволить ему питаться из их вен, собрать армию и помочь построить царство. И хотя он ненавидел Шивон, но должен был ей за то, что теперь у него был сдерживающий фактор, когда его похоть зашкаливала. Конечно, эти вещи помогали отвлечь его от пустоты, которая открылась в нем со дня, когда Михаил обратил его, будто бесконечная черная бездна.

Телефон Ронана завибрировал в кармане, и он не мог поверить, но почти надеялся, что это была Шивон, зовущая его в свою постель. Он уже попался в силки, был слишком взвинчен от кормления, чтобы его звали этой ночью. Он уже был зол, что она не ответила на его призывы. По крайней мере, она могла быть доступна, учитывая клятву, которой она заставила его поклясться.

Его кожу покалывало от дурных предчувствий, когда он увидел неопознанный номер.

— Алло?

— Думаю, я нашла!

Прошли месяцы с тех пор, как он слышал голос своей сестры, и клокотал от едва сдерживаемого волнения. Машины ревели в фоне, почти заглушая ее слова.

— Шелль? — *Нет.* «Эй, братан! Как ты себя чувствуешь?» Или, «Эй, давно не виделись. Что нового?» — Где ты? Что нашла? Что, черт возьми, происходит?

Ее волнение граничило с манией, когда неконтролируемый смех ответил ему.

— Я в Кресент-Сити. В Калифорнии, на границе Орегона. Я гуляла, копала разговаривала с местными жителями, живущими вверх и вниз по побережью, и наконец-то есть зацепка про ларец! Ларец Сета, Ронан! Ты знаешь, что это значит?

Добрые боги. Он был уверен, что Шелль на самом деле была плодом любви Индианы Джонса и Лары Крофт. Ее страсть к потерянной реликвии знания о вампирах соперничала только с ее пристрастием к карамелькам Макиато.

— Шелль, послушай. Много изменилось, с тех пор как ты ушла. — Для начала, он потерял свою душу... — На кого ты работаешь? Эти реликвии, они должны быть переданы Михаилу. Для меня, по крайней мере. Мне нужно тебе кое-что рассказать о...

Дыхание Шелль участилось, и ее голос дернулся, будто она бежала, когда перебила его. — Ронан, нет времени на болтовню! Я в большом дерьме. Тащи свою задницу сюда и...

Она фыркнула, и звуки потасовки поднялись над шумом движения на другом конце линии.

— Шелль? — Ронан прижал телефон крепче к уху. — Шелль? — крикнул он в трубку. — Ответь мне, черт побери.

Приглушенные голоса замолчали. Звуки движения исчезли. И все затихло.

— Черт!

Ронан сжал телефон так сильно, что пластик треснул в его ладони. Как он может покинуть город? Он недавно был обращен, Михаил и Клэр едва выжили в тяжелом бою с истребителями, а кто будет помогать курировать переход Дженнера. Не говоря уже о том, как Ронан собирался разбираться с яростью Шивон, если та обнаружит, что он бросил ее. Но как он мог остаться, когда Шелль может быть у кого-то в плену — или того хуже? Что если Сортиари взяли ее, чтобы использовать против Михаила? Они могли следить за ней в течение недель — месяцев — из-за всего, что он знал. И любая реликвия, особенно та, по слухам, будет столь же мощной, как Ларец Сета, то она может быть опасна в руках их врагов.

Как он мог уйти? Как не мог?

— Все в порядке, малыш?

Ронан посмотрел вниз, будто только сейчас понимая, что все еще стоял посреди переполненного ночного клуба с нетерпеливой дампиршей, ждущей залезть к нему в штаны.

— Я ухожу, — ответил он рассеянно, когда взял стакан виски со стола и проглотил его. Для храбрости, если он собирался идти к Михаилу и говорить ему, что он благодарен за дар трансформации, но он уходит, в то время как будущее его царства было еще так сомнительно.

Дерьмо.

Он повернулся и пошел через клуб. Позади женщина инфантильно кричала ему:

— Позвони мне!

Да. Конечно. Неважно.

Он ждал у входа, когда слуга пригонит его машину, нетерпение росло с каждой

наносекундой. Солнце встанет в шесть часов, и ему нужно преодолеть чертовски большое расстояние между сейчас и потом. И когда он доберется до города Кресент-Сити, что тогда? У него не было никаких зацепок, никакой информации, кроме имени сестры и реликвии, за которой та охотилась, и если Ронан расскажет об этом не тем людям, это убьет их обоих.

Буквально через несколько недель становления вампиром, душа теряется в пустоте, и Ронан может просто умереть, прежде чем получит ее обратно. Что случилось с теми, кто умирал отвязанным? Он действительно хотел это узнать?

Для девушки, стать вампиром, конечно, тяжело.

Клер потянулась, словно довольная кошка, на просторной кровати Михаила. Или это их кровать? Связь, которая касалась ее души, дернулась. Будто невидимая веревка, которая соединила их, как бы далеко друг от друга они не находились. Она улыбнулась в темноту, когда вспомнила напряженные моменты их занятий любовью и блаженство кормления из вены Михаила. Будто ее жизнь по-настоящему началась в тот момент, когда она стала вампиром, она больше не была пустой, с болезненным прошлым, теперь только настоящее и будущее растянулись перед ней.

Ее руки блуждали по обнаженной ключице, кончиками пальцев она провела между грудей. Холодок промчался над ее плотью, когда она пошла ниже, переосмысливая все места, которых касались руки Михаила, ее ладони остановились на животе.

Ребенок.

Ее последним человеческим воспоминанием было — она лежала на этом проклятом столе, зажмурив глаза, когда Грегор вырывал из нее крик за мучительным криком острым краем лезвия. Михаил спас ее. Спас их ребенка, прежде чем Грегор смог причинить ему боль. Ее сын плавал в безопасности в ее чреве. И у нее была пара, чтобы поблагодарить за это. Но прежде чем убийцы забрали ее в тот проклятый подвал, столько событий произошло. Многие уже все забылись, но в разгар ее обращения. *Боже мой...*

— Ванесса!

Клэр вскочила с кровати и врезалась в противоположную стену. Резкий выдох вылетел из ее легких, когда она плюхнулась на задницу. Сквозь темноту, она увидела стену. Большой отпечаток силуэта Клэр остался в гипсокартоне. Черт, если бы она двигалась быстрее, то пробила бы его, как какой-то сумасшедший персонаж из мультфильма.

После всех тех повреждений, которые она устроила в шикарном жилище Михаила, она чувствовала, что он все-таки пересмотрит решение о нахождении ее здесь. В этом случае, она неминуемо должна будет возместить тысячи долларов ущерба, прежде чем разберется с ее новыми сверхъестественными скоростью и силой. Клэр старалась не думать, как отдельные волокна ковра ощущались возле ее ладоней, отвлекая ее, как поднялась с пола. Она рванула прямо вверх, ее ноги больше не соприкасались с полом, когда она взлетела вверх, к сводчатому потолку, грубо хватаясь за отесанные опорные балки.

Ее приземление было гораздо более изящным, и она проскользила обратно по полу так же легко, как кошка прыгнула с дерева. *Вау. Ладно, Клэр. Получи долбанное сцепление с полом и соберись.* В новом состоянии было слишком много отвлекающих факторов. Ее мозг и мысли даже не работали как обычно. Ее мысли неслись слишком быстро, вероятно, так ощущал себя ребенок с СДВ, когда получал сахар. Многозадачность приняла совершенно новый смысл, когда ее мысли блуждали в разных направлениях. Вампирская сила и скорость не ограничивались только ее физическими признаками.

Прямо сейчас она спокойно сфокусировалась, как тогда, когда была человеком. Это была единственная черта, которой она больше всего гордилась. Ну, и эта ее способность забираться в карманы даже самых узких джинсов. Сейчас было не время оплакивать эти потери или размышлять о том, что она получила. Было так много вопросов без ответов. Так много деталей, которые ей были нужны, с тех дней, что она потеряла. И если эти утраты

Сортиари сделали что-нибудь с Ванессой, они за это заплатят.

Клэр осторожно сжала ручку двери, поворачивая его только кончиками пальцев. Язычок легко отошел, и дерево даже не пискнуло, когда она открыла дверь. *Отлично!* Кроме того, она шагала так легко, будто гуляла по пуху, когда шла по коридору к лестнице. Деревянный пол не издавал ни единого звука. Очень круто. Шаг за шагом, она добралась до первого этажа, исследуя свои новые возможности. Даже ее мысли стали спокойнее, больше не мчались, когда она научилась игнорировать Коллектив и фильтровать все вокруг нее, принимая все сразу, а не пытаться разобрать и отделить.

На самом деле, было не так жестко, как она думала. Ее пальцы проскользнули по прядям волос, расплетя их в определенный порядок, когда сделала следующий шаг. Если повезет, она быстро научится всему вампирскому.

Бодрые звуки телевизора доносились из гостиной в фойе. Наверняка это смотрели не Михаил или Ронан. Клэр мягко замешкалась, пробираясь в другую комнату, как хищник, крадущийся за потенциальной добычей. Ее бдительность возросла, но она не знала почему. Ощущение опасности покалывало вдоль ее кожи, как ледяной дождь.

— Клэр!

Ванесса сидела на ковре, скрестив ноги. Она поднялась с широкой улыбкой на лице и побежала по длинной гостиной, чуть не снеся Клэр своими объятиями.

— Михаил сказал, что тебе нехорошо. Эти парни сделали тебе больно? Ты когда-нибудь видела такой большой дом? У него на телике все каналы. Даже канал Дисней! Черт побери, Клэр! Твои глаза блестящие и золотые. Сейчас ты чем-то похожа на Михаила и Ронана, и Дженнера. О, и на ту другую женщину, которая приходила раньше. У тебя есть суперспособности? Тебе больно? Михаил сказал, становиться вампиром — больно, и что люди этого сделать не могут. Но ты это сделала. Почему, как ты думаешь, ты можешь это сделать, а больше никто не может?

Если Ванесса не остановится, чтобы перевести дыхание, она упадет в обморок.

Серьезность ситуации ударила Клэр, будто пятитонная гора обрушилась на нее. Сейчас Ванесса волновалась; ее маленький десятилетний мозг не понимал все, что случилось. *Как это может быть?* Психика человека может не выдержать. Клэр вспомнила ощущение, когда она потеряла контроль над реальностью с того момента, когда встретила Михаила.

— С тобой все в порядке, детка? — Клэр отпустила Ванессу, направилась к телевизору и опустилась на пол. Она похлопала по коврику рядом с собой. — Как ты держишься?

Ванесса плюхнулась и уставилась на Клэр большими карими глазами.

— Я в порядке. Расстроена. Но я не боюсь, Клэр. Больше не буду.

Правда. Запах Ванессы был сладким, почти как слишком спелый арбуз. Никаких следов бедствия, кислоты. Беспокойство и облегчение.

— Ты крутая. — Клэр осторожно обняла ее, не сжимая слишком сильно.

— Мама все еще в коме. — Ванесса фыркнула и отвернулась. — Михаил разговаривал с врачам об этом, но они не знают, когда она проснется. У нее черепно-мозговая травма.

Клэр слушала Ванессу, эти слова та, без сомнения, произносила несколько раз за последние дни. Могут пройти месяцы или больше... чтобы Карлин восстановилась. Что будет с Ванессой в это время? Куда она пойдет? Клэр аккуратно еще раз обняла Ванессу, будто та была сделана из паутины.

— Мне так жаль, малышка. Она будет в порядке. Мы просто должны думать позитивно.

— Мне нравится Михаил. — Голос Ванессы прозвучал приглушенно через рубашку

Клэр. — Он немного напоминает мне моего директора школы, но он хороший.

Клэр не смогла удержаться от смеха. Михаил, вероятно, будет рад услышать, что его энергетика напоминает директора начальной школы.

— Чем он похож на твоего директора?

— Он пугает, но ты знаешь, что он хороший парень, но если ты станешь проблемой, то он явно не будет хорошим парнем.

Ха. Удивительно точно.

— Клэр, те люди, которые забрали нас, собираются прийти за мной?

Клэр отстранилась и посмотрела Ванессе в глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Один из них сказал, что никто не должен обижать меня, потому что я — особенная. Они собираются поместить меня в тюрьму? — Ее голос сорвался, и впервые Клэр почувствовала ее страх. — Или отдать на воспитание в приемную семью?

Клэр вспомнила, продираясь сквозь дымку сумбурной человеческой памяти. Грегор запрещал другим убийцам трогать Ванессу. Но почему? Что же они знают о ней, а чего не знает Клэр? Почему этот невинный ребенок, который не дорос даже до своего первого поцелуя, вписывается в их грандиозные представления о Судьбе?

— Не беспокойся о них, — сказала Клэр. Низкий рык завибрировал в ее горле, и Ванесса нахмурилась. *Упс.* Ей придется научиться контролировать свои новые животные импульсы. Отодвинув мысли о насилии против Сортиари, она ободряюще улыбнулась Ванессе. — Никто не собирается заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь.

— Я могу остаться здесь?

Надежда в голосе Ванессы сжала сердце Клэр в груди. Как она могла ответить, когда не была уверена, что сама останется здесь? И если на то пошло, она не могла просто пригласить Ванессу остаться в доме, который ей не принадлежал.

— Я поговорю об этом с Михаилом, — сказала она. — Мы со всем разберемся, не волнуйся.

Ванесса вздохнула, слишком тяжело для такой маленькой девочки.

— Ладно.

— Хорошо. Смотри телевизор, и я найду Михаила. Кричи, если тебе что-нибудь понадобится.

Ванесса плюхнулась на живот перед телевизором.

— Ладно, но я довольно хорошо знаю, где все.

Трос, который привязывал Клэр к Михаилу, теребил сердце в ее груди, и она позволила ему вести ее к паре. *Пара.* Слово было так чуждо, даже к ее новому разуму вампира. Но в этом звучало столько правды, что воздух сбежал из ее легких. Как мышь, плутающая по лабиринту, на запах куска сыра, она пересекла холл, прошла мимо лестницы и по длинному коридору, ее ноги знали, куда нужно идти, хотя с этой частью дома она едва успела познакомиться, когда была там вчера.

Она повернулась к раздвижным дверям и улыбнулась. Он был в той комнате. Его присутствие горело в ее душе, как пламя.

Михаил остановился на полуслове и улыбнулся. Ее шаги были настолько легкими, что он не слышал ее приближения. Но его пара стояла по другую сторону двери. Он поднял руку в сторону Дженнера и сказал:

— Входи, Клэр.

Она вошла в комнату, сияя. Кровь Михаила зашевелилась при виде нее, и любая мысль о делах ушла на задний план, когда возросла похоть. Их моменты в душе были слишком мимолетными, чтобы полностью его удовлетворить, и он не мог дождаться, чтобы взять Клэр в их спальне, где он мог обнажить ее и наслаждаться ее телом, пока солнце не встанет.

Дженнер откашлялся, рассеивая чары, и Михаил заерзал на стуле, его твердеющий член причинял дискомфорт, выпирая из штанов. Блин.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. — Она понимающе улыбнулась ему, и наслаждение затопило его.

— Я рад.

— Я только что видела Ванессу. — Клэр обошла Дженнера подальше, когда подошла к Михаилу, будто почувствовала, что может разжечь напряженность, когда Михаил увидит ее, стоящую так близко к другому мужчине. Михаил подивился ее интуиции. Клэр действительно была рождена, чтобы стать вампиром. — Она боится, что Сортиари заберут ее. Или что кто-то отдаст ее в приемную семью. Я не знала, что ей сказать...

— Ребенок может жить здесь так долго, как ты захочешь, любимая. — Михаил откинулся на спинку стула и стал изучать Клэр. Как она могла подумать, что он отвернется от того, о ком она беспокоиться? — Это ее дом так же, как и твой.

Клэр широко улыбнулась, крошечные кончики ее клыков прошли по полной нижней губе. Михаил подумал, как эти клыки скользили по его длине, и подавил приятную дрожь.

— Спасибо. — Ее голос опустился на октаву, и хриплый тон пробежался по его коже.

Дженнер еще раз откашлялся и неловко переминался с ноги на ногу.

— Михаил, если с вами все в порядке, я хотел бы присмотреть за Шивон. Если ты прав, она не будет тратить время и займется поисками Грегора.

— Да. — С Клэр, находящейся так близко, для Михаила было тяжело помнить, что в мире существовали и другие люди, не говоря уже об одной комнате. — Иди. Об остальном поговорим позже.

Дженнер кивнул, повернулся к Клэр, вновь кивнул и ушел.

— Иди сюда, — повелел Михаил, как только двери закрылись. Прошло всего лишь пару часов, как он взял ее в душе, но это чувствовалось веками. — Дай мне ощутить твой запах, прикоснуться к тебе, прижаться губами к твоей коже.

Клэр хихикнула, когда она обогнула стол. Он притянул ее к себе на колени, и она наклонилась к его груди.

— Ты, вроде звучишь, как изысканное блюдо, когда так говоришь обо мне.

— Я мог бы сожрать тебя в один присест, — прошептал он в ее горло, когда вдыхал ее запах.

Ее былое наслаждение испарилось под беспокойством, что воздух прокис, и Михаил сильнее обнял Клэр.

— Я знаю, что пройдет много времени, и все наладиться, но ты прошла через худшее.

— Это не так. — Клэр волновалась, кусая зубами нижнюю губу, и один острый клык надрезал кожу. Она лизнула кровь, и Михаил был разочарован, что не он слизнул ее. — Я о Ванессе.

Он нежно погладил рукой шелковистые волосы Клэр.

— Я говорил тебе, любимая. Она может остаться с тобой.

— С ней что-то не так, — ляпнула Клэр. — Нет. Не то слово. — Она замолчала, будто подбирая правильное. — Она *другая*.

Михаил чувствовал это, но ничего не сказал, не хотел еще больше наваливать на Клэр.

— Сортиари приказали Грегору пощадить ее. Они думают, что она важна. И что она играет важную роль в их планах, по крайней мере, это смущает.

Михаилу удалось помешать Судьбе несколько раз в ходе своего существования, несмотря на грандиозные планы Сортиари. Там, несомненно, было что-то потустороннее в девушке, хотя он не мог выяснить, что это было. Возможно, ее отец был другим. Мир был наполнен сверхъестественными существами. Если не ее отец, существовала вероятность, что кто-то в ее родословной передал определенные черты, которые она теперь показала. Это не только пробудило интерес его врагов, но и обеспокоило его пару.

— Мы будем рядом, Клэр. Заботиться за ней. Я устроил уход для ее матери, и мы переживем это. Я обещаю, что все будет хорошо.

Клэр мягко улыбнулась и наклонилась для поцелуя.

— Ты всегда был таким оптимистом?

Оптимистом? Михаил вспомнил века своего существования, многие годы войны и крайностей. Лишение физических наслаждений в поисках одного, чтобы изгнать пустоту, которая поглотила его целиком. Он думал о том, что забыт Богами в гробнице. В дыре, где Грегор оставил его гнить, и с раной, которая все еще тянула в груди после всех этих лет, постоянное напоминая о пустоте и отчаянии, которым он думал, нет конца.

— Нет, любимая. Я не был оптимистом. До сих пор.

— Да неужели? — Клэр поддразнила пряди его волос, ногтями погладив его по шее. — И кто мог привить солнечный взгляд такому задумчивому вампиру?

Михаил обхватил свою пару за шею и поцеловал, уговаривая открыть рот для его нежных жестов языка. Она ответила, углубляя поцелуй, когда мурлыканье завибрировало в груди. Ах, его пара. Так полна огня и страсти...

— Михаил. — Ронан ворвался в комнату, будто сила природы. Неистовая буря готовая разорить землю.

Михаил не отстранился, а остался рядом с Клэр.

— Как обычно, Ронан, самое время...

— Я уйду, Михаил. Сегодня вечером. Сейчас. Я просто пришел сюда, чтобы сказать тебе это лично, чтобы ты не думал, что я совершаю предательство.

— Предательство? Ронан, что, во имя Богов, ты говоришь?

— Это Шелль.

Близнец Ронана была странствующим духом, дампиром, одержимой раскрыть все секреты вампирской расы. Столько раз он прилетал ей на помощь, когда она попадала в беду. Михаил надеялся, что она успокоится, будет держаться поближе к брату и подальше от неприятностей.

— Что она сделала?

— Я не знаю. — Ронан провел руками по волосам, и его возбуждение обожгло нос Михаила, как сера.

Клэр положила руку на предплечье Михаила, также ощущая страдание мужчины. Она только проснулась и бодрствовала в течение нескольких часов, ей нужно было отдохнуть, а

Михаил понятия не имел, как долго она сможет выдержать. Он не хотел тратить ни одного мгновения на Шелль, и какие бы неприятности она не принесла к дверям ее брата.

— Что я могу сделать, чтобы помочь? — Просто потому, что Михаил не хотел иметь дело с Шелль, не означало, что он не будет помогать. Ронан мог быть не братом Михаила по рождению, но он был самым близким Михаила, как никто на свете. Теперь он был частью Коллектива, древним в своем праве. У Ронана были проблемы, и сейчас Михаил был обязан помочь.

— Просто дай мне уйти, — ответил Ронан. — Дженнер более чем способен защитить тебя, пока я не вернусь.

Михаил усмехнулся.

— Твое эго выросло с момента обращения. Я хочу, чтобы ты был на моей стороне, Ронан, но я не нуждаюсь в тебе, чтобы защищать меня.

Искры веселья светились в глазах мужчины.

— Сейчас нет, когда у тебя есть она, — сказал Ронан, кивнув в сторону Клэр. — Потому что у меня нет сомнений, что она разорвет даже самое свирепое существо, которое захочет причинить тебе вред.

Она наклонилась на прикосновение Михаила, когда он провел большим пальцем вдоль ее челюсти.

— Знаешь, он прав, — сказала она. — Тот, кто пожелает тебя, должен будет пройти через меня.

Будто он когда-то позволит ей поставить себя на пути опасности.

— Иди, — сказал Михаил Ронану, не глядя. — Отпускаю. Удачи. И если тебе понадобится моя помощь...

— Я знаю. Спасибо. И Клэр, — добавил Ронан, — ты — настоящий Боец. Не позволяй всей той силе вкружить твою голову.

Дверь закрылась, сигналив о том, что Ронан ушел, но Михаил так и не смог убедить себя отвернуться от своей пары.

— Он прав, — сказала Клэр. Ее взгляд вспыхнул жидким золотом. Это было самое прекрасное, что Михаил видел. — Я чувствовала, что он говорит правду. Что это значит, Михаил?

Так много неопределенности. Он хотел успокоить ее, чтобы заставить Клэр поверить, что все будет хорошо.

— Я не знаю, любимая. Но я знаю, что бы ни случилось с этого дня, мы встретим это вместе.

— Я могу устроить тебе больше проблем, чем стою, знаешь ли. — Клэр поцеловала его в висок и в щеку, взяла его за мочку уха губами и засосала. — Я имею в виду, я преобразованный аферист и карманник. И не только это, я даже могу не оказаться правильным вампиром.

Ее руки бродили к ширинке штанов, и Михаил проглотил стон.

— Ты рождена, чтобы быть вампиром. — Он положил ладонь на ее щеку и захватил рот в нежном поцелуе. — И к счастью, наш сын пошел в мать.

— О нет. — Клэр наклонилась, проведя губами по его горлу. Ее клыки касались плоти. — Он будет похож на отца. Такой же храбрый. — Она замолчала, проводя языком по его глотке. — Сильный. — Нежно пососала его кожу, и он вздрогнул в ожидании ее укуса. — Сила, с которой нужно считаться. — Она укусила его, и бедра Михаила взбрыкнули, когда

его пульсирующая эрекция уперлась в ее зад.

Блаженство кормления ее пары было недолгим, однако, Клэр закрыла проколы языком.

— В ту ночь в моей квартире, ты сказал, что я бы влюбилась в тебя.

— Да.

— Ты был прав, Михаил.

— Наши души связаны, любимая. Безвозвратно вплетены в одну нить.

Прилив необузданной энергии прошел через их связь из Клэр в Михаила. Так много сил. Он упивался ей. Дивился ее силе. Этой женщины в его объятиях. Так долго его душа была потеряна, и он бродил по земле одиноким, пустым и безразличным. Но из-за чудесной, прекрасной, совершенной женщины он был целым. Полным.

— Я люблю тебя, Михаил. — Золотой свет искрился в ее глаза, сияя волнением.

— Я буду любить тебя всегда, Клэр. Вечно.

И сегодня была первая ночь из целой вечности, которую он будет проводить, доказывая ей это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[←1]

Патек — Швейцарские часы Patek Philippe, стоят свыше 100 000 \$.

[←2]

Стилеты — туфли на высоком каблуке-шпильке.

[←3]

Macallan — шотландский бренд виски региона Speyside. Является ярким представителем элитного виски в категории single malt, выдержанного в хересных бочках.

[←4]

ММА — от англ. Mixed Martial Arts — Смешанные боевые искусства, представляющие собой сочетание множества техник, школ и направлений единоборств. ММА является полноконтактным боем с применением ударной техники и борьбы как в стойке (клинч), так и на полу (партер).

[←5]

Оранжевый комбинезон носят в американской тюрьме.

[←6]

Портик (лат. porticus) — крытая галерея, перекрытие которой опирается на колонны, поддерживающие его или непосредственно, или с помощью лежащего на них архитрава, или посредством перекинутых между ними арок.

[←7]

Фраза — отсылка к сериалу «Дживс и Вустер» (англ. «Jeeves and Wooster») — известный британский комедийный телесериал, снятый по мотивам романов П. Г. Вудхауза о молодом английском аристократе Бертраме (Берти) Вустере и его камердинере Реджинальде Дживсе.

[←8]

dewch â'r codex mi — принеси мне кодекс (валлийский яз.)

[←9]

Фертильность (лат. fertilis — плодородный, плодовитый) — способность половозрелого организма производить жизнеспособное потомство.

[←10]

Луноцвет — Moonflowers (лат. Ipomoea bonapoh) — Лютик, выюнок, цветок из семейства Вьюнковых.

[←11]

Царица ночи — night queen — Селеницереус, вид растений из семейства кактусовых, имеют крупные красивые цветы, раскрывающиеся на одну ночь, что позволило называть их также «Царицей ночи» или «Принцессой ночи» либо «Лунными кактусами».

[←12]

Лилия Касабланка — Casablanca lilies — Высокорослый, до 120 см, представитель восточных лилий с пьянящим ароматом. Цветки очень крупные, до 25 см, белоснежные, без крапа. На каждом стебле одновременно распускается до 9 цветков.